Сирин Лев

1991: измена Родине. Кремль против СССР

От автора: о происхождении книги и её структуре 2

Глава I. КГБ против развала СССР 4

Николай Леонов 8
Филипп Бобков 15
Юрий Дроздов 20

Глава II. Бессилие ГКЧП и его последствия 28

Дмитрий Язов 31
Леонид Кравченко 34
Анатолий Лукьянов 44
Андрей Луговой 47
Аркадий Мурашов 49

Глава III. Горбачёв: измена или безволие? 51

Виктор Илюхин 55
Николай Рыжков 61
Юрий Прокофьев 68
Фёдор Бурлацкий 74
Алексей Пушков 76
Леонид Гозман 78

Глава IV. Удавка «холодной войны» 79

Валентин Фалин 82
Александр Бессмертных 86
Валентин Зорин 92
Владимир Познер 93
Погос Акопов 95
Дмитрий Бирюков 96

Глава V. Народное хозяйство и бесхозяйственность 101

Леонид Абалкин 104
Николай Петраков 107
Руслан Хасбулатов 109
Жорес Алферов 112
Николай Луконин 114
Владимир Васильев 118
Сергей Мавроди 119
Артем Тарасов 122

Глава VI. Геронтократия, Сталин, Ельцин и национализм 127

Ричард Косолапов 131
Евгений Чазов 137
Сергей Кара-Мурза 139
Гавриил Попов 142
Михаил Ненашев 143
Андрей Битов 147
Рамазан Абдулатипов 148
Владислав Ачалов 149

Глава VII. С кем вы были, деятели культуры? 151

Станислав Говорухин 153
Никита Михалков 155
Армен Джигарханян 156
Иосиф Кобзон 157

Александр Проханов_____159
Юрий Поляков_____160

Необходимое послесловие_____161

От автора: о происхождении книги и её структуре

20 лет назад не стало Советского Союза. Перед вами книга, особенность которой состоит в том, что к следующей круглой дате распада СССР, то есть через 10 лет, её аналог будет невозможен. Ибо к тому времени окончательно уйдёт из жизни поколение последней политической элиты СССР. Уйдёт и унесёт с собой в могилу тайну распада великой империи. Понимая это, автор воспользовался редкой возможностью и в сжатые сроки (всего за два года) побеседовал практически со всеми ключевыми фигурами позднего Советского Союза, фактически устроил между ними заочную дискуссию, дав высказаться максимально полно и откровенно. В результате история того трагического периода жизни нашей страны обогатилась неизвестными ранее сведениями, которые в жанре интервью были впервые опубликованы в изданиях Агентства журналистских расследований Санкт-Петербурга «Фонтанка» и «Ваш тайный советник».

Профессиональной удаче способствовал и тот факт, что грустный юбилей выпал, если можно так сказать, на философский этап жизни героев книги. Большинству из них около 80, и, находясь в здравом уме и твёрдой памяти (в чём читатель убедится), они предельно откровенны, поскольку размышляют не для журналистского диктофона, а наедине с собственной совестью. 10 лет назад, да и, пожалуй, все 1990-е годы такого рода искренности часто мешали эмоции, верх брала обида (или, наоборот, злорадство), жажда реванша, излишняя идеологизированность. История же бесстрастна.

Поэтому эта книга - не столько сборник интервью, сколько «красная книга» исповедей представителей элиты позднего СССР о причинах распада казавшейся когда-то несокрушимой советской империи, исповедей людей, в руках которых была судьба Советского Союза на излёте его существования. Это и Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков, и министр обороны СССР маршал Дмитрий Тимофеевич Язов, и руководитель нелегальной разведки генерал-майор КГБ СССР Юрий Иванович Дроздов, и лауреат Нобелевской премии Жорес Иванович Алфёров, и Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов, и министр здравоохранения СССР Евгений Иванович Чазов и многие-многие другие выдающиеся люди, входившие в высшие круги советской элиты. Среди них министры, генералы, академики, народные артисты, известные журналисты… Всего 40 человек. Те, у кого на закате Советской власти были рычаги управления державой. Те, кто мог её сохранить или попытаться это сделать.

Книга разделена на семь глав (с небольшими предисловиями автора). Каждая отражает судьбоносное для СССР явление. Разумеется, нельзя

было обойти вниманием Комитет государственной безопасности СССР, в самом названии которого заложена задача сохранения страны. Понимали ли чекисты, к чему всё идёт и чем может закончиться, что предпринимали и чего так и не решились предпринять… Об этом читатель узнает из уст первого заместителя Председателя КГБ СССР, многолетнего начальника 5-го Управления («Защита конституционного строя СССР») Филиппа Денисовича Бобкова и его коллег: начальника аналитического Управления КГБ СССР Николая Сергеевича Леонова и руководителя нелегальной разведки КГБ СССР Юрия Ивановича Дроздова.

Многие сегодня ведут отсчёт крушения Советского Союза от августовских событий 1991 года, от ГКЧП, хотя формально СССР прожил, агонизируя, ещё несколько месяцев. Естественно, что автор счёл возможным посвятить этому событию отдельную главу. Был ли «августовский путч» попыткой политиков-государственников сохранить Советский Союз или это была продуманная провокация, целью которой была окончательная дискредитация Советской власти? Ответить на этот вопрос помогут члены ГКЧП - тогдашний министр обороны СССР маршал Дмитрий Тимофеевич Язов и Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов, ставшие позже, как известно, узниками тюрьмы «Матросская Тишина».

Горбачёв. У подавляющей части населения бывшего СССР имя Михаила Сергеевича ассоциируется с распадом Советского государства. Поэтому автор счёл не вправе обделять последнего Генерального секретаря ЦК КПСС вниманием и отдал ему третью главу, рефреном которой звучит вопрос: предатель Горбачёв или просто слабохарактерный человек, пустивший из-за отсутствия политической воли под откос великую страну? Разобраться в этой, пожалуй, самой главной загадке, связанной с развалом Советского Союза, помогают люди, трудившиеся последние годы Советской власти бок о бок с Михаилом Сергеевичем. Это и второй человек в государстве, руководитель правительства Николай Рыжков, и член последнего политбюро, партийный хозяин Москвы и, кстати, ещё один член ГКЧП и узник «Матросской Тишины» Юрий Анатольевич Прокофьев, и возбудивший в отношении Горбачёва уголовное дело за измену родине начальник Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Генеральной прокуратуры СССР Виктор Иванович Илюхин, и многие другие, работавшие вместе с Михаилом Сергеевичем или хорошо знавшие его известные люди.

Уже сегодня термин «холодная война» мало кто знает из молодого поколения. А ведь многие из представленных в книге персонажей утверждают, что именно противостояние СССР и США, пресловутая гонка вооружений и свела в могилу Советский Союз. Такого мнения, например, придерживается руководитель Международного отдела ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин, про которого в высших партийных кругах говорили: «Знает всё и ещё чуть-чуть». Впрочем, Валентину Михайловичу возражает не менее эрудированный представитель внешнеполитической элиты советских времён, министр иностранных дел СССР Александр Александрович Бессмертных, по мнению которого «холодная война»

закончилась ещё до распада СССР. Известные тележурналисты-международники Валентин Сергеевич Зорин, Владимир Владимирович Познер, Дмитрий Вадимович Бирюков вносят свою лепту в эту заочную дискуссию. Ей посвящена четвёртая глава.

В пятой главе автор дал слово людям, так или иначе связаным с экономикой позднего СССР. Это и заместитель руководителя правительства СССР, идейный отец перестроечных реформ Леонид Иванович Абалкин, и советник Горбачёва академик Николай Яковлевич Петраков, и нобелевский лауреат Жорес Иванович Алфёров. Всех их объединяет одна мысль: разрушение СССР, повлёкшее за собой разрушение социалистической экономики, было катастрофой.

Шестая глава стала трибуной для представителей советской элиты, считающих причиной распада СССР преклонный возраст членов брежневского политбюро, национальные проблемы и деструктивную деятельность Ельцина. О проблемах здоровья представителей кремлёвского ареопага не понаслышке знает руководитель IV Управления Минздрава СССР Евгений Иванович Чазов, председатель Моссовета Гавриил Харитонович Попов - человек, протолкнувший Ельцина в российскую власть, а командующий Воздушно-десантными войсками генерал Владислав Алексеевич Ачалов первым в СССР занимался силовым решением национальных проблем в Нагорном Карабахе и Баку. Их и некоторых других героев этой главы воспоминания не только интересны, но и ценны для истории.

Название последней, седьмой, главы говорит само за себя: «С кем вы были, деятели культуры?» Выдающийся режиссёр Станислав Сергеевич Говорухин рассказывает, что не предполагал такого вредоносного для целостности СССР эффекта от своего фильма «Так жить нельзя». Писатель Юрий Михайлович Поляков признаёт, что его книги, разоблачающие комсомольских вожаков, всё же стали маленькой трещинкой в фундаменте великой страны. А вот народным артистам СССР Никите Сергеевичу Михалкову, Иосифу Давидовичу Кобзону и Армену Джигарханяну каяться, по их словам, не за что. Камня за пазухой у них в отношении Советской власти никогда не было.

Конечно, высказываемые каждым из героев книги «Гибель СССР» суждения о причинах крушения СССР не замыкаются на тематике главы, а практически всегда выходят за её рамки и перетекают по смыслу в другие главы. Впрочем, и сами главы определены достаточно условно. Ну разве можно, в самом деле, сойтись сегодня в едином мнении, какая из перечисленных выше причин развала Советского Союза главная? Об этом у каждого своё мнение. К примеру, автор, уверенный, что главная причина в Горбачёве, одновременно отдаёт себе отчёт, что лишь роковое стечение всех вкупе обстоятельств позволило Михаилу Сергеевичу сыграть столь трагическую роль в судьбе нашей родины. Конечно, не будь Горбачёва, жил бы себе СССР и дальше, но, с другой стороны, не прессингуй нас американцы гонкой вооружений, и Горбачёв, глядишь, сгодился бы в генсеках. Будь ГКЧП порешительнее, кто знает, как

сложилась бы судьба Горбачёва, а с другой стороны, не будь ГКЧП, может, и Горбачёв барахтался бы во главе единого Союза и дальше. И так далее.

Впрочем, точка зрения автора на распад СССР в беседах с героями данной книги сознательно сведена к минимуму, поскольку автор преследует одну цель - сохранить для истории уникальные свидетельские показания людей, стоявших у руля распадающегося государства, а значит, как никто знающих о происходивших процессах. Именно в силу журналистской объективности автор дал слово людям не только с диаметрально противоположными взглядами на причины распада Советского государства, но и являющимся порой политическими антагонистами. Леониду Гозману - с одной стороны и Александру Проханову - с другой, Гавриилу Попову и Сергею Кара-Мурзе, Артёму Тарасову и Владимиру Васильеву. Тем не менее общее есть и у этих людей - сожаление по поводу именно такого конца СССР. «Кто не сожалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца», - лучше всех сказал про этот феномен Владимир Путин.

И, наконец, последнее. Читатель уже понял, что в силу возраста героев книги многое из рассказанного ими, к сожалению, станет их «лебединой песней» на тему развала Советского Союза. Доказательства этому скорбному факту, увы, появились уже в ходе подготовки книги «Гибель СССР». В марте 2011 г. умер Виктор Иванович Илюхин, а в мае - Леонид Иванович Абалкин. Автор не был близко знаком ни с тем, ни с другим, но считает необходимым выразить своё соболезнование.

Глава I. КГБ против развала СССР

По мнению автора, КГБ войну за СССР формально не проиграл, однако развалу страны активно в должной мере не воспротивился. Да, все три генерала, руководители КГБ, представленные в этой главе: Дроздов, Бобков и Леонов, в один голос утверждают, что предвидели наихудшие сценарии развития (вернее, крушения) страны и регулярно докладывали о них руководству СССР. А то, что руководство их доклады не брало в расчёт, - это, мол, проблема самого руководства. Миссия КГБ - информировать, а не вырабатывать политические решения. Профессиональный долг выполнили, и баста.

Однако с высоты наших нынешних исторических знаний и опыта эта позиция по меньшей мере спорная. И прежде всего с точки зрения профессионального долга главной спецслужбы страны. Зная теперь, какие не бумажные, а вполне конкретные силовые акции были в явной или тайной компетенции КГБ в «удобные» для решительных действий сталинские или даже застойные годы, ясно, что чекисты эпохи позднего СССР могли и на деле, а не в докладах руководству, по крайней мере, попытаться отстоять страну в трудные для неё времена привычными для них нетривиальными методами.

Что я имею в виду?

Да простит меня читатель, хотя бы диверсию в отношении лидера

государства, действия которого в последние месяцы правления не подходили ни под какие понятия о желании сохранить это самое государство. Собственно говоря, ликвидация Горбачёва в тех условиях означала бы лишь выполнение Комитетом госбезопасности своей миссии по защите конституционного строя и безопасности Советского Союза. То есть означала выполнение своих прямых обязанностей. В перестроечные годы, как известно, на чекистов разом повесили всех мыслимых и немыслимых собак, в том числе и мириады заказных убийств по политическим мотивам. Вспомним, Михоэлса, Георгия Маркова, Троцкого. В этом смысле аналогичная операция в отношении откровенного могильщика СССР была бы куда более закономерна и оправданна, чем убийство Джона Кеннеди или «внезапная» смерть Франклина Рузвельта. Ведь в случае обоих американских президентов речь шла всего-навсего о повороте в политическом курсе США, а уж никак не о распаде Америки. Но не дремали же ни консервативно настроенные представители американского истеблишмента, ни ЦРУ. (Об этом подробнее у Валентина Зорина в главе IV.)

Были, на мой взгляд, разумеется, и другие, так сказать, промежуточные возможности нейтрализации высокопоставленных товарищей, чья деструктивная деятельность в конце концов закончилась гибелью Советского Союза. Скажем, арест и изоляция не только Горбачёва, но и - главным образом - Ельцина, который почему-то и в «чёрные дни» ГКЧП спокойно разгуливал на свободе, да ещё и поливал почём зря верхушку союзного руководства и КГБ, предоставивших ему такую уникальную возможность. (Во второй главе «Бессилие ГКЧП и его последствия» маршал Язов вспоминает, как Председатель КГБ Крючков почему-то убеждал его предоставить гауптвахты Министерства обороны на случай арестов, словно в распоряжении КГБ тогда не было тюрьмы в Лефортове). Да мало ли знало способов КГБ. Любой бы сгодился, главное было - начать профессионально действовать. В конце концов, на кону стояла родина. Но генералы от госбезопасности предпочли ограничиться «гражданской позицией» в рамках устаревшей партийно-ведомственной субординации и абстрактным выполнением норм присяги. (Которая, к слову, прежде всего и призывала беречь родину.)

Отрадно, конечно, хотя бы и это. Особенно для времён, когда бегство из партии считалось поступком прогрессивно мыслящего человека, а не банальным предательством. В 1990-1991 годах, напомню, из КПСС, как пробка из бочки, «прозрев», добровольно вылетели один за другим аж три её высших руководителя - бывшие члены Политбюро Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе, а Горбачёв, не стесняясь, уже готовил для себя запасной аэродром в виде должности Президента СССР как альтернативу немодному к тому времени посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Так что тот факт, что никто из наших героев-генералов, слава Богу, из партии не вышел и честно дослужил практически до полного краха вверенного им Советского Союза, заслуживает одобрения и уважения потомков. Однако факт, что ситуация всенародного «соскакивания» с КПСС (и далее - к независимости РСФСР, а там и к развалу СССР), которая, повторюсь, так

и не сподвигла никого из генералов к реальным действиям, будет со стороны автора и, вероятно, со стороны потомков им основным укором. (В интервью генерала Леонова можно прочесть, что в дни августовского «путча» он не только не приказывал своим подчинённым помогать ГКЧП, но, напротив, даже отобрал у всех своих офицеров оружие, боясь гнева толпы.)

Конечно, нельзя не брать в расчёт, что былые возможности КГБ в деле защиты государства к началу 1990-х годов были существенно подорваны. Словно сорвавшись с цепи, отечественная пресса и творческая интеллигенция стали упражняться в очернении чекистов и их прошлого. Разумеется, спонтанным такой процесс быть не мог. В главе VI министр печати СССР Михаил Ненашев рассказывает, как и для чего возникла гласность: Горбачёв и Яковлев объяснили ему, тогдашнему главреду газеты «Советская Россия», что необходимо ударить прессой по консервативным силам в государстве и партии, которые тормозят перестройку; естественно, к таким силам прежде всего отнесли всемогущий тогда КГБ. Надо думать, такой «заряд смелости» получил и главный редактор «Огонька» Виталий Коротич, дошедший в разоблачительном экстазе органов госбезопасности до абсолюта, типа того, что Сталина отравил Берия. (Вот уж, кстати, намёк был КГБ: если Сталина на тот свет отправить не побоялись, чего с Горбачёвым-то церемониться?)

Уверен, что по-настоящему решительные действия КГБ вызвали бы среди всех слоёв населения СССР гораздо больше поддержки, чем обструкции. По-настоящему КГБ ненавидела лишь определённая прослойка западно-ориентированной интеллигенции, народ в массе своей живых кагэбэшников и в глаза-то не видывал за всю жизнь. О причинах столь странной нелюбви ко всему советскому лучше всех, пожалуй, говорит Никита Михалков в главе «С кем вы были, деятели культуры?»: «Эта «интеллигенция» как преступники, которые убирают свидетелей своих преступлений. Они не хотят иметь ничего общего с той властью, которой они безостановочно лизали задницу! Порой будучи ещё и сами в той власти. Это рудимент абсолютной беспринципности. Унижались перед Советской властью и за это же её ненавидят! Это объяснимая вещь, практически на медицинском уровне». К словам выдающегося режиссёра можно добавить, что значительная часть советской интеллигенции сломала немало копий в адрес КГБ по одной прозаической причине: она преспокойно работала на госбезопасность, получала за это миллионные тиражи своих порой невыдающихся книг, поездки на Запад и дачи в Переделкине, а когда истинная подоплёка «творческого успеха» в перестроечные годы стала грозить выплеснуться на страницы СМИ, срочно сыграла на опережение, обвинив во всех грехах «кровавое ЧК», занимающееся провокациями и очернением порядочных поэтов и писателей.

Фамилии этих «творцов» в данной книге, увы, не прозвучат. Филипп Бобков, курировавший творческую интеллигенцию по линии КГБ, объяснил, что раскрывать имена сексотов непрофессионально. Ему вторит

генерал Дроздов, правда, уже в отношении агентов влияния. Нельзя, и всё тут. И напрасно, на мой взгляд. Зря. С КГБ же никто из них не церемонился. Да что там с КГБ. Подзабылось, но именно из уст творческой интеллигенции советские люди впервые услышали обоснования выхода России из СССР. Знаменитую статью Солженицына «Как нам обустроить Россию», в которой нобелевский лауреат призывал русских отказаться от всех национальных окраин, оставив с Россией лишь Украину, Белоруссию и часть (!) Казахстана, «Комсомольская правда» опубликовала 18 сентября 1990 года (то есть больше чем за год до развала СССР), предусматривалось даже, что читатель мог вырезать нетленные соображения вермонтского затворника и сложить в брошюрку, очевидно, чтобы штудировать в транспорте по дороге на работу. А уж сколько было голосов на эту тему в среде канувших ныне в Лету доморощенных политологов и мыслителей - несть числа: избавимся, мол, от груза союзных республик, вот тогда заживём! Ну и, само собой, избавиться требовали и от настырного в своих планах сохранить СССР КГБ.

Касательно методов «кровавой» борьбы КГБ с творческой интеллигенцией сошлюсь на один весьма характерный, на мой взгляд, эпизод интервью всё с тем же Филиппом Бобковым. Оказывается, что длительное время генерал КГБ, ответственный за пресечение идеологических диверсий в том числе и на литературном фронте, проживал в одном подъезде с главным литературным ниспровергателем советской идеологии Анатолием Рыбаковым, как известно, активно работавшим в то время над ударным трудом своей жизни - «Детьми Арбата». Хорош же был «жестокий режим» КГБ с его возможностями обысков, прослушек и прочих хитрых штучек, если под боком у одного из его руководителей, можно сказать по соседству, готовилась литературная бомба, которой в перестроечные годы будет суждено взорвать всю советскую историю 1930-х годов, то есть, говоря языком Филиппа Денисовича, совершить одну из крупнейших идеологических диверсий в отношении Советской власти. А пока время не приспело и не расставило всё на свои места, входили Филипп Денисович с Анатолием Наумовичем в одну парадную, раскланивались, в лифте вместе ехали, а то и на чаёк захаживали по-соседски. Чудны, ей-богу, творились дела в тоталитарном СССР.

К слову, постсоветская судьба самого генерала Бобкова, в отличие от двух других представленных здесь его коллег-генералов, переживших лихие 1990-е скромно, но с идеологическим достоинством, сыграла с Филиппом Денисовичем злую шутку, изрядно подпортившую ему, на мой взгляд, репутацию борца за социалистическое настоящее. В 1992 году отставной руководитель борьбы с буржуазным влиянием поступил на службу к одному из крупнейших олигархов Владимиру Гусинскому и стал руководителем аналитической службы холдинга АО Группа «МОСТ», которому принадлежал канал НТВ, внёсший самый значительный вклад в то, чтобы стереть в сознании миллионов людей мало-мальски позитивные воспоминания о Советском Союзе. О вотчине генерала армии Филиппа Бобкова.

Возвращаясь же к возможным силовым действиям КГБ времён распада СССР, можно уверенно сказать, что если даже заключение под домашний арест Горбачёва в августе 1991 года не спровоцировало никаких существенных противодействий со стороны Запада, то его физическое устранение и передача власти в руки решительных людей, думаю, Запад бы только успокоили. (В главе «Удавка «холодной войны» приводится мнение министра иностранных дел СССР Александра Бессмертных о том, что Западу скороспелая десоветизация СССР была не вполне на руку, он растерялся и не знал, что с ней делать.) Во всяком случае, ни о каком вмешательстве в наши внутренние дела речь, конечно же, не шла бы.

Читатель заметил, что, размышляя о не использованных внутри страны возможностях КГБ с точки зрения сохранения Советского государства, автор не касается деятельности органов госбезопасности на фронте внешнем, который в данной главе представляют генералы КГБ Дроздов и Леонов. Это не случайно. Дело в том, что, на взгляд автора, дела по линии разведки (но не в плане «холодной войны» вообще) у Советского Союза шли не в пример работе внутри страны блестяще. Шпионов ловили больше американцев, своих внедряли чаще. Как написал в своей книге американский разведчик, бывший резидент США в Индии Гарри Розицки: если бы в США была такая нелегальная разведывательная служба, как в Советском Союзе, численностью хотя бы человек в 100, то Америка могла бы чувствовать себя спокойно. Так что скажем спасибо руководителю нелегальной разведки КГБ СССР Юрию Ивановичу Дроздову. Но не забудем и про «легалов»: «С технической точки зрения ЦРУ нас всегда превосходило. Лучше микрофон, лучше разведывательный спутник, лучше радиоразведка… А про финансы и говорить нечего - превосходили на порядок. Они тратили на разведку раз в 50 больше нас. А вот что касается человеческого материала, то тут, как говорится, у нас всё было от Бога. У нас перед американцами было преимущество, связанное с природными качествами русского человека…» - рассказывает руководитель Аналитического управления КГБ СССР, курировавший ранее западное направление внешней разведки, Николай Сергеевич Леонов. Так что на западном фронте по линии КГБ Советский Союз мог чувствовать себя спокойно, как говорится, без перемен.

Резюмируя вступительную часть к этой главе, хочу сказать ещё вот что. В перестроечные времена аббревиатура «КГБ» в результате упомянутого выше массированного «творческого наезда» интеллигенции была огульно и несправедливо предана остракизму и в конце концов канула в Лету. (Вот, кстати, кому мешало? В Белоруссии КГБ, например, жив-здоров.) Однако на фоне самой глобальной геополитической катастрофы XX века смена вывески - историческая погрешность. «Держит» же, по словам того же генерала Бобкова, Путин (читай ФСБ) сегодня страну, как не удалось удержать её в своё, более спокойное, время могущественному Комитету госбезопасности. Держит, конечно, в том числе и благодаря тому, что уже знает истинную цену историческим передергиваниям и подлогам, или тому, например, что желчь, сегодня

кажущаяся обличением творца, рано или поздно обретает свой естественный ядовитый цвет и, словно химический реактив, разъедает государство. История требует фактов. Ей нужна истина, а не эмоции. Осуждение истории абсурдно. Эта глава посвящена всеобъемлющей правде о КГБ в период развала Советского Союза.

Николай Леонов

Леонов Николай Сергеевич - бывший руководитель Аналитического управления КГБ СССР, генерал-лейтенант. Родился 22 августа 1928 г. в Рязанской области. В 1983-1991 гг. - заместитель начальника внешней разведки КГБ СССР. Доктор исторических наук, профессор МГИМО.

- Так случилось, что именно при вашем поколении - в том числе и чекистов - был разрушен Советский Союз. Вы занимали ключевые посты в системе государственной безопасности и, в силу своих должностей, наверняка просчитывали различные варианты развития событий. Почему, предвидя самый катастрофический для государства сценарий, КГБ не оказал реального сопротивления развалу страны?

- Всякая попытка возложить ответственность за гибель тысячелетней империи на какую-либо отдельную государственную структуру несостоятельна. Потому что она означает, что виноват кто-то один, а с других снимает вину, выгораживает. Что касается Комитета госбезопасности - а я прежде всего принадлежал к разведке, к Первому главному управлению, где проработал с 1958 года, почти всю свою жизнь, - то важно понять, что эта структура не определяет судьбу государства. Не было у Комитета госбезопасности в то время никаких функций, никаких ресурсов, которые могли бы сделать этот институт ответственным за гибель или, наоборот, за укрепление государства. КГБ представлял собой систему датчиков, поставленных на теле государства, на его структурах, для того чтобы сигнализировать партийным и, в какой-то мере, государственным органам - если иметь в виду Совет Министров, о состоянии дел на том или ином участке в стране с точки зрения госбезопасности.

КГБ не имел никакой военной силы, никаких воинских частей, тем более частей, имеющих тяжёлое вооружение, которые могли бы всерьёз повлиять на ситуацию в стране. Не считать же такой силой разбросанные на огромной территории и имеющие очень узкие служебные функции погранвойска численностью в 240 тысяч человек; эти силы никогда не предполагалось использовать ни в каких других целях, кроме охраны границы.

Цель же разведки КГБ была рассказывать о зарубежных оценках положения в нашей стране. Это были носившие жизненный характер сообщения, грубо говоря, иностранных шпионов или каких-то зарубежных исследовательских центров, порой даже лучше нас самих разбиравшихся в ситуации в Советском Союзе и честнее о ней говоривших. То есть мы их глазами проверяли положение дел у нас в стране. Хотя, конечно,

остальные структуры Комитета госбезопасности самостоятельно измеряли температуру тела организма нашего государства.

- Но у вас же, в конце концов, была возможность в виде ГКЧП?

- КГБ не был организатором и зачинщиком ГКЧП. Это дикая и абсурдная идея, вброшенная либералами, одна из исторических чушей, которая, когда придёт время, отомрёт и отвалится, как бородавка, промытая медикаментом. ГКЧП, как известно, даже не избрал председателя. А ведь там были и вице-президент СССР, и премьер-министр, и военный министр, который располагал реальной силой. Вот армия могла тогда всё сделать. Когда мы вспоминаем Пиночета или Франко, то понимаем, что судьбу страны может решить армия. У армии было вооружение, её численность не шла ни в какое сравнение с численностью КГБ. Но почему-то, когда речь заходит о ГКЧП, все считают, что главную скрипку там играл Крючков (в то время председатель КГБ СССР. - Авт.).

ГКЧП - это отчаянная попытка уже сгнивших людей, при окончательно сгнившем президенте СССР, спасти ситуацию. КГБ там был - седьмая спица в колеснице… В те дни я даже приказал своим офицерам сдать пистолеты. Нельзя же было идти с оружием против бушующего народа. Это бессмысленно. С пистолетом вы можете натворить такие дела, что будут и жертвы, и вас же за это разорвут…

- …Ельцина, однако, не разорвали в 1993 году, он победил.

- Комитет госбезопасности и я, как начальник его Аналитического управления, всё предельно ясно видел и предвидел. Абсолютно всё. И когда нас, работников того времени, в чём-то обвиняют, я отвечаю: «Пойдите в секретариат ФСБ, там, где хранятся копии всех информационных документов, которые исполнялись в то время сотрудниками того же Аналитического управления, и опубликуйте их. Но почему-то и сегодня на этих документах лежит жесточайшая печать секретности. Мы все видели, но вот делать что-то реальное в то время, кроме Ельцина, никто не был в состоянии. Никто! И на этом можно заканчивать дискуссию. Какой смысл говорить о том, почему я ничего не делал?.. Да потому что я был не способен действовать!

- …То есть, по-вашему, причина всех тогдашних бед в измельчавшем уровне личностей, руководивших страной? Но в КГБ ведь тоже не нашлось ни Дзержинских, ни Судоплатовых, ни Андроповых, ни, извините меня, даже своего Ельцина, давно наплевавшего на партийную субординацию… Вы, например, в знак протеста ушли из КГБ. Но вам не кажется, Николай Сергеевич, что это был благородный, но всё же «бунт в чайной ложке»?

- Если у вас есть возможности и ресурсы, а вы их не используете - вас в этом случае надо судить. Если вы могли помочь жертве на улице, а этого не сделали - это преступное бездействие. Обвинить же себя в преступном бездействии при всей моей самокритичности я не могу. Могу лишь повторить, что уже отчасти сказал… У меня не было возможности ни на что повлиять. В моих руках был лишь информационный инструмент. Я

докладывал всем нашим руководителям, в том числе и Горбачёву, о состоянии дел в стране. Когда в феврале 1991 года меня назначали на пост начальника Аналитического управления КГБ, я сказал Крючкову: «Зачем вы меня вырываете из разведки, которой я отдал всю жизнь?» К этому времени мне, да и многим в разведке, было предельно ясно, что мы уже покойники. Я спрашивал Крючкова: «Какого вы анализа от меня хотите? Вам что, самому не ясно, что в стране происходит? Мы же вам каждый день даём десятки-сотни телеграмм со всех концов мира. Что вам не понятно?» Я открыто говорил: «Вам не хватает воли в борьбе за власть. У вас не хватает разума и умения чётко сформулировать свою позицию и обратиться к народу». Мы тысячу раз, например, говорили, что надо начинать открытую партийную дискуссию. Так что своим информационным оружием я боролся, как мог, и мне сегодня ни капельки не стыдно за любое своё тогдашнее слово.

Что касается Ельцина… Он, наверное, вообще последний политик России, если рассуждать о классическом понимании этого термина. Это был человек, который умел драться за власть, мог принимать любые волевые решения, не считаясь ни с чем. Хотя при этом, конечно, Ельцин не очень ясно представлял себе дорогу, по которой собирался двигаться. Ломился, как медведь сквозь чащобу, а советнички у него были, как вы помните, класса Бурбулиса… А вождя, как известно, иногда делает его свита. А у Ельцина свита оказалась по большей части случайная, чудовищно поражённая своими карьеристскими и шкурническими настроениями. Ведь создалась ситуация, когда в мгновение из ничего можно было стать всем.

- Внутри самого КГБ были сотрудники-диссиденты?

- Если иметь в виду диссидентов, как последующих предателей, то вы можете вспомнить предателя генерал-майора КГБ Калугина… Это был диссидент чистой воды! Это один вид диссидента. А были диссиденты в КГБ, которые высказывали своё суждение прямо, открыто на служебном уровне. Неоднократно. Себя лично я отношу к категории вовсе не правоверных, слепых служак. В моей практике были случаи, когда я по оценкам ситуации в регионах мира или в стране мог расходиться даже с Андроповым. Но дело в том, что действовать сама по себе, как я уже говорил, информационная система не может. Компьютер может дать ответы на многие вопросы, ну а действовать - нет.

- Я имел в виду не столько профессиональные несовпадения во мнениях, сколько человеческую ментальность сотрудников советских органов госбезопасности. В начале 1990-х годов в интервью полковнику КГБ в отставке Любимову тогдашний руководитель Центра по связям с общественностью Службы внешней разведки России господин Кобаладзе прямо говорил: «…Находясь за рубежом и свободно читая западную прессу, мы гораздо острее ощущали весь абсурд советского существования». Скажите, пожалуйста, это допустимо: заниматься обеспечением государственной безопасности и одновременно, не уходя на другую работу, «понимать» «абсурдность» существования

защищаемого тобой государства?

- …В разведке были худшие предатели… Беседовали два человека… И оказалось, что то, что было тогда пылью, теперь, замешенное на водичке, стало грязью. Кто такой Кобаладзе сейчас? Руководитель какого-то крупного торгового комплекса. Когда он выступает по телевидению, я сгораю от стыда, что когда-то мы с ним служили в одном ведомстве и исповедовали одинаковые ценности. К сожалению, такого и в разведке бывало предостаточно. Но ведь были и похлеще Кобаладзе! Этот-то хоть остался в России и стал из разведчика торговцем, а есть прямых предателей десятка полтора, а то и два. Которые ушли на Запад, унесли с собой документы. Тот же Митрохин, например, который, работая в архиве разведки, заранее готовился к предательству. Набрал микроматериалов. Увёз их. И публикует там. Предостаточно было такого дерьма…

Когда государство начинает разваливаться, а его идеология распыляться - или, как мы говорили о том времени: наступил период идеологического охлаждения СССР, - то, естественно, в среде разведчиков, как бы мы их ни охраняли и ни берегли, появляются такие люди. И не потому, что, как пишет Любимов, они, подобно Кобаладзе, начитались за границей западной прессы. Я её тоже 15 лет изучал. И не только я, а тысячи моих коллег, работая за рубежом, всё смотрели, всё видели и всё читали. Но из этих тысяч такого дерьма, как Любимов, только три человека. Отсев есть всегда. Возьмите помол муки: у вас будет не только мука, но и отруби.

Любимов?! (Смеётся.) Сегодня ветераны-разведчики - а их тысячи - его видеть в упор не хотят. Он для нас, как ветеран разведки, не существует. Условно говоря, его можно сравнить с человеком, который когда-то был в гвардейском полку, а сегодня стал завсегдатаем телевизионных трактиров. А для нас это вовсе не показатель. У нас совершенно другие и моральные, и политические, и личностные мерки. Тем более, что сегодня Любимов больше рассказывает, как он во время службы ходил по западным ресторанам, выпивал там и так далее… Ну, так он действительно в своё время и был отчислен из разведки за связь с очень сомнительными женщинами. О чём тут говорить? Он никогда в жизни никого путём не завербовал, а Северо-Европейский отдел, где работал Любимов, прославился наибольшим количеством предателей. Оттуда Гордиевский и прочая подобная публика.

- Какие из причин развала СССР вы считаете решающими: внутренние или внешние?

- Естественно, внутренние. Во-первых, деградация политического руководства, о которой я уже сказал. Возьмите каждого генерального секретаря после Сталина и поочерёдно его разберите. Вы увидите, как деградирует верхушка руководства коммунистической партии. Хрущёв, Брежнев… потом ещё целая плеяда и доехали наконец до Горбачёва. Процесс деградации шёл изнутри. Никто извне не заставлял нас выбирать руководителей. Мы их выбирали. Не Запад же нас заставил выбрать Черненко и Горбачёва, а потом и пригласить своего могильщика -

Ельцина? Это, кстати, предмет для анализа: почему Горбачёв пригласил Ельцина и почему потом не убрал его. Я думаю, потому, что он был безволен, тряпка и слизняк в политике, случайная медуза, которую занесла другая болезнь - сплошная череда гробов высших партийных лидеров, выморочность руководства страной.

Горбачёву была вообще противопоказана политика. Когда он пришёл к власти, все сразу поняли, что можно делать всё что хочешь. При этом Запад понятия не имел, что такое может происходить в нашей стране. Он от радости хлопал себя по ляжкам: «Ой! Что происходит! Мы этого никогда не могли предвидеть». То, что тогда творилось в России, Путин правильно назвал геополитической катастрофой. Политические катастрофы похожи на техногенные. Всё начинается с какого-то пустяка, а потом превращается в необратимое нарастание разного рода мелких катастроф. Мы, полковники и генералы, неоднократно - в 1977 году, когда отмечали 60-летие советской власти, в 1980 году, - сидели и задавали себе вопрос: «Погибает социализм. А по каким причинам: объективным или субъективным?» Кусок бутерброда не лез в рот. Чай не могли глотнуть. Думали: «Что будет с нашей страной?» Мы видели, что идём не в том направлении, в котором идёт большинство стран мира, с которыми мы соревновались. И приходили к убеждению, что в этом виноваты субъективные факторы.

- Гибель СССР была предопределена?

- Нет, конечно. Гибель СССР была предопределена только субъективными факторами. Сколько бы сегодня ни пыжились, хоть до поноса доказывая, что социалистическая модель изначально была нежизнеспособной - это не так. Такие разговоры ведут к утверждению, что либеральная модель общественно-экономического устройства общества - это конечная точка в развитии человечества. А это абсолютный абсурд! Глядя сегодня на другие страны, мы как раз видим, что у них нарастают элементы социальной ориентации в развитии их государств. Везде. В Штатах ли, в Европе, где угодно. Так что объективно социализм мог и должен был развиваться. Была искажена субъективная его часть: система подбора кадров и управления страной.

- А разве объективным фактором, подтолкнувшим правоверного коммуниста Горбачёва к перестройке, не был сговор арабских нефтяных магнатов с американцами в середине 1980-х годов, в результате чего рухнули цены на нефть и экономика СССР оказалась обескровленной?

- Эту версию нельзя принимать за основу краха СССР. Наше государство после XIV съезда партии развивается - и развивалось раньше - по законам автаркии. То есть было полностью самодостаточным. Советский Союз, сама по себе огромная страна, тем более с приращёнными после войны территориями, конечно, был целым миром. Мы могли развиваться по своим собственным законам. Мы легко могли пересуществовать всё что угодно.

Говоря о ситуации с ценами на нефть... Цены на нефть рушились и

поднимались по законам рынка. Никаких тут сговоров капиталистический мир организовать не может. Разве мог западный мир предвидеть, что Насер (тогда президент Египта. - Авт.) в 1973 году нанесёт удар по Израилю и что начнётся арабо-израильская война, в результате которой цены на нефть взлетят будь здоров как? И они взлетели, облагодетельствовав в том числе и Советский Союз. А вот как с умом использовать эту, возникшую не по нашей воле, благоприятную конъюнктуру, было уже сугубо нашим внутренним делом. Но мы на эти нефтяные денежки построили новые здания обкомов и крайкомов партии и Белый дом, который Ельцин расстреливал в 1993 году. А ведь было намерение построить на эти средства новую отрасль химической промышленности, чтобы гнать на Запад не сырую нефть, а высококачественный бензин. Даже закупили для этих целей за рубежом оборудование. Привезли. А оно здесь сгнило и заржавело. Чьи это вопросы? Конечно, наши внутренние.

- Однако понятие «холодная война» и тот факт, что она крайне негативно влияла на нашу экономику, вы ведь оспаривать не станете... Как, скажем, и факт противостояния разведок СССР и США. Кто, кстати, на ваш взгляд, был лучше: КГБ или ЦРУ?

- Конечно, такое противостояние было. Более того, все годы, которые я прожил в разведке, я жил - да и сейчас живу - в контексте конфронтации США и России. С технической точки зрения ЦРУ нас всегда превосходило. Лучше микрофон, лучше разведывательный спутник, лучше радиоразведка... А про финансы и говорить нечего - превосходили на порядок. Они тратили на разведку раз в 50 больше нас. А вот что касается человеческого материала, то тут, как говорится, у нас всё было от Бога. У нас перед американцами было преимущество, связанное с природными качествами русского человека... Именно русского. В разведке задавали тон и в подавляющем числе служили русские. А у русского человека есть особая черта, которую хорошо подметил в «Левше» Лесков. Эта черта особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны. Мы из ничего смогли сделать всё.

Вот пример из разведки. В 1978-1979 годах возникла проблема Ирана. Революция Хаменей. Там сидим и мы, и американцы. Но прогнозы развития событий у них и у нас противоположные. Мы сразу же сказали, что это конец американского засилья в этой стране. Россия всегда хорошо знала Исламский Восток, а уж в Иране мы работали давно. Американцы, не знакомые с исламом, решили упереться и «долбать» людей. И «долбали» по 3-5 тысяч ежедневно на улицах Тегерана! А кончилось тем, что шах бежал. И это при 30 тысячах различных американских советников в этой стране! В САВАКе (министерство государственной безопасности Ирана в те времена. - Авт.), в армии, в других структурах... Для американцев это была величайшая катастрофа.

Или Кубинская революция. Американцы говорят: ерунда, подумаешь, какой-то Фидель, можно им пренебречь, придёт на коленках. А мы дали совершенно другую оценку: кубинская революция - очень перспективный

и интересный феномен. Туда поехал Микоян (в то время член Политбюро ЦК КПСС. - Авт.), другие руководители... и дело дошло до Карибского кризиса. Но американцы уже 50 лет, понимая весь идиотизм своей позиции, тем не менее упорно продолжают стоять на своём. А Вьетнам?.. То же самое. Американцы имеют особенность до последнего упираться в неправильно сделанных выводах, которыми руководствуются во внешней политике. И делают это до тех пор, пока эта политика не начинает разрушительно сказываться на самих США. И всё потому, что американцы не способны мыслить стратегически, влезая в шкуру других народов.

- Почему Россия - да и СССР в своё время - так плохо играет на внутриамериканских политических противоречиях? Влияла ли как-то разведка на это направление внешней политики или США в принципе не поддаются исследованиям?

- У нас, у разведки, другие задачи, хотя США, как всякий объект исследования, конечно, исследованию поддаётся. Разведка не научно изучает страну, а ищет источники информации о действиях её государственных институтов и руководителей. Не должна же внешняя разведка заниматься изучением положения индейских общин, оставшихся в США. Или: должны ли мы изучать положение пуэрториканцев в США? Нет. Потому что пуэрториканцы не имеют никаких доступов к американским секретам. Нас интересует совсем другой американец: конопатый, обычный, из штата Кентукки. Который может попасть на работу в Госдепартамент, в Белый дом. И дать нам информацию, которая нам нужна.

У нас существует целый институт США и Канады. Я его помню ещё по временам арбатовщины. Так мы называли это политическое явление по имени его тогдашнего руководителя Георгия Арбатова. Вот этот институт по своему уставу и призван изучать Соединённые Штаты со всеми их плюсами и минусами и давать рекомендации правительству: куда «долбать» или, наоборот, куда не «долбать», а использовать ситуацию для укрепления отношений. У американцев, конечно, тоже существовали подобные заведения - советологические центры. Но количество их было иное. По моим подсчётам, их было 120-125. Так что нас они изучали предметно, как блоху. Наш же институт занимался совсем другими делами. Советско-американскими отношениями. Не изучал США на предмет рекомендаций, как надо играть на внутренних американских противоречиях, как воздействовать на американское общество, на его национальные и социальные слои, а предлагал, скажем, построить газопровод «Северное сияние». Из Тюмени к Мурманску. Информировал, что американцы под сжижающие газ заводы дадут кредиты. Или Институт США и Канады занимался вопросом: надо или не надо выпускать евреев из СССР. Вот какова была сфера этого политиканствующего учёного, от которого не осталось ни учения, ни политики.

- В сферу ваших служебных интересов в ранге начальника Аналитического управления разведки с 1971 по 1983 год входила самая могущественная ныне после США страна - Китай. В чём специфичность

разведывательной работы в этой стране? Разглядел ли вовремя вашими глазами СССР истоки «китайского чуда»?

- Специфичность работы с Китаем состоит в том, что информация по этой стране всегда была более дефицитна, чем по другим странам. А объясняется это тем, что в период формирования Китайской Народной Республики в 1949-1951 годах руководство СССР по непонятному доброхотству приказало отдать руководству КНР всю нашу агентуру, которую наша разведка завела на территории Китая за долгие годы войны с японцами и во время Второй мировой войны. Это была очень обширная агентурная сеть, которая скорее работала в интересах разгрома японцев и создания социалистического Китая, а не на СССР. Но - отдали. Ни один из этих агентов больше белого света не увидел. Все они исчезли. Поэтому в послевоенное время мы остались в Китае без своих источников информации. Это, конечно, была профессиональная трагедия.

Тем не менее информации о процессах, протекающих в Китае, у нас было достаточно. Однако мы и не предполагали, какие кардинальные перемены начнутся в Китае в последнее время. Потом мы, конечно же, усекли, что происходит после смерти Мао Цзэдуна. А за его самочувствием мы следили очень тщательно, делали каждодневные бюллетени о состоянии его здоровья. Появился Дэн Сяопин. На его примере, кстати, очевидно, что роль личности в истории недооценивать нельзя. Мы информировали руководство, что Китай «встал на новые рельсы» экономического развития. Разработал новые лозунги, например: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

В отношении Китая руководство нашей страны и люди, имевшие отношение к внешней политике, делились на две категории. На «голубей» и «ястребов». Я, например, принадлежал к «голубям». Говорил, что в обозримом будущем открыто враждовать с Китаем мы не будем. Это ни в интересах Китая, ни в наших интересах. Потому что в реальности мы две страны, прижатые друг к другу спинами. Они обёрнуты на океан, на Южную Азию с колоссальными китайскими диаспорами, на Сингапур, Малайзию, Филиппины. Там они живут. Там одна религия. Схожие этнические расы. Климат. Мы были против нагнетания антикитайских настроений.

- Разведчик видит конечный результат своего труда?

- Перед нами никто из руководства страной никогда не отчитывался. В отдельные времена, скажем, во время Андропова, мы могли иногда кое-что чувствовать. Он сам нам рассказывал, что воспринято наверху, а что не воспринято. А в принципе, между поставщиками информации и людьми, управляющими страной, всегда есть много противоречий. К примеру, в 1975 году мы в разведке пришли к заключению, что этот год оказался самым тяжёлым для США и самым благополучным для Советского Союза. В это время Штаты проиграли войну во Вьетнаме, произошла «революция гвоздик» в Португалии, окончательно развалились колониальные империи… Мозамбик, Ангола. Всё посыпалось. В самих Штатах уотергейтский скандал, другие проблемы… Полный букет

неприятностей. 1975 год в Советском Союзе. Всё нормально. Мы готовимся к 60-летию Советской власти. Готовим какие-то модификации в Конституцию. Цены на нефть после арабо-израильской войны прекрасные. Никаких признаков бедлама в соцлагере. Тишь и благодать. В этой ситуации наше управление пишет в ЦК документ. Как оказалось, документ пророческого характера. Мы говорим, что всё вроде бы внешне благополучно, но на самом-то деле денег у нас нет, техника наша отсталая, кадры или плохие, или их вообще не хватает…

И даём совет: не расширять географические зоны влияния Советского Союза. Оставить в покое весь арабский мир. Не гнать туда массы оружия, людей, товаров. Оставить в покое Африку, где каждая страна стремилась объявить себя социалистическим государством и требовала за это от нас денег. При этом мы обозначили пункты, на которые надо было сосредоточить в общем-то скромные ресурсы государства. Андропов прочитал. Согласился, что надо свернуть эту нашу размашистую походку по миру. Но в политбюро наша подсказка благополучно умерла. Никто из правителей не желает жить в соответствии с объективной информацией.

- Оглядываясь назад, о чём сожалеете как профессионал?

- Я очень жалею, что мне не дали санкцию на освобождение Генерального секретаря компартии Чили Корвалана, когда он сидел в лагере на острове Доусон в Магеллановом проливе. Отрываясь от нашей бюрократической жизни, я предлагал освободить Корвалана силой. План концентрационного лагеря, где находился Корвалан, у нас был; впрочем, его можно было при желании и снять со спутника и даже пустить для этого спутник специально. Я предлагал на двух судах - а если хватит, и на одном - спрятать под палубы два-три вертолёта. На подходе к острову, в непосредственной от него близости, эти вертолёты должны были взлететь. Конечно, охрана лагеря и предположить не могла появления такого рода боевых машин. Ракетными ударами всю систему охраны мы разнесли бы вдребезги. Это дело элементарное. Пленных забрали бы. Вывезли бы километров за 30, где нас ждала подводная лодка. Выгрузили в неё. Вертолёты можно было бы над самым глубоководным местом, над 7-8 тысячами метров глубины, взорвать и затопить. И на этом вся операция заканчивается…

- …и Буковский сидит на месте…

- …и Буковский. Но главное, что такие операции сразу создают славу разведке. Сколько славы получили израильтяне за дело Эйхмана? Или когда освободили заложников в аэропорту Энтеббе? Такие операции повышают престиж разведки. Являются этапами в развитии той или иной службы. Повышают моральный дух разведчиков. Но, к сожалению, на эту операцию мне разрешения не дали. Все наши шаги в разведке ведь не предпринимались нами, разведчиками, единолично. Надо было обязательно проконсультироваться с Центром и получить от него санкцию. Поэтому отсебятина по крупным вопросам исключалась. Так что бывает, что такие великолепные профессиональные авантюрные планы иногда не выполняются. И об этом я, конечно, очень жалею.

Москва, октябрь 2010 г.

Филипп Бобков

Бобков Филипп Денисович - бывший первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии. Родился 1 декабря 1925 года в селе Червона Каменка, Украина. В 1969-1991 гг. начальник 5-го управления КГБ СССР, ответственного за контрразведывательную работу по борьбе с идеологическими диверсиями. В 1992-2000 гг. руководил аналитическим отделом группы «Мост» В. Гусинского и был его советником. Доброволец Великой Отечественной войны.

- Советский Союз мог сохраниться?

- Мог, если бы к власти в 1985 году пришёл не Горбачёв, а Григорий Романов. Горбачёв, кстати, Романова сразу же выбросил из политбюро на пенсию, как только стал генсеком. Романов был очень порядочным, принципиальным и твёрдым человеком. Юрий Владимирович Андропов, когда пришёл к власти, сразу же привлёк в Москву Романова. Это я к тому, что многие сегодня утверждают, что Андропов ставил на Горбачёва. Андропов Романову отдал все кадры, всё... Но Романов не победил Горбачёва в 1985-м, потому что, к сожалению, у нас во власти оказались люди, которые предпочли поддержать Горбачёва: Громыко, Лигачёв... Громыко, к примеру, исходил из того, что он при генсеке Горбачёве получит более высокий пост - и получил его. Лукьянов тоже с какими-то целями активно поддерживал Горбачёва. Почему они поставили на Горбачёва, а не на Романова, я сказать не могу... В то время мы в КГБ ничего сделать не смогли.

А непосредственно страну разрушили, конечно, диссиденты. Вся эта публика, которая разрушала наше государство, группировалась именно в среде диссидентов. Сейчас их, конечно, отбросили от власти, но тогда развалом государства, подрывом его основ занимались, прежде всего, диссиденты. Возьмите последние съезды, которые были при Горбачёве... Горбачёв есть Горбачёв, Шеварднадзе, Яковлев... Но кто были под ними? Попов в Москве, Собчак в Питере - это же люди, которые активно работали на развал государства. Можно, конечно, ещё долго называть и перечислять разные имена.

- КГБ упрекают в том, что, увлёкшись диссидентами, он не занимался национальными проблемами, которые вскоре стали детонатором взрыва СССР.

- Национализм на местах, о котором вы говорите, появился всё-таки чуть позже. Национализм поднял Ельцин: когда начался распад СССР, он рванул Россию, а что оставалось делать республикам? Ельцин ведь, придя к власти, не очень активно дружил с соседями. Возьмите Алиева, который вёл очень серьёзную работу, чтобы тогда не возник разрыв с Россией... Ельцин его отбросил, и Алиев пошёл в турецкую сторону. Вот возьмите сегодняшний Казахстан: Назарбаев, пожалуй, на сегодня единственный из руководителей стран СНГ, который думает - а было бы хорошо, если бы

остался Советский Союз. Вся его политика, вся его линия такая. Есть ещё момент… Почему, когда разваливался Советский Союз, никто не выступал против Беловежской Пущи? У власти ещё был Горбачёв, можно перечислять много имён министров, которые ещё были при должностях, но ведь никто из них не пошёл бороться с решениями Беловежской пущи. Почему? Я считаю, потому, что эти люди к этому времени уже имели свои предприятия, банки, заводы… и если бы они вдруг пошли против Беловежья, им тогда пришлось бы возвращать назад эту собственность. Поэтому никто из них и не стал заниматься борьбой с Ельциным, а занимались они в основном тем, чтобы себе ещё побольше отхватить. Вот так всё и развалилось. А кстати, команда Ельцина, которая ехала в Беловежскую пущу, специально имела самолёт, чтобы в случае, если кто-то вдруг поднимет шум по поводу их соглашения, сразу же быстро из страны улететь. Спастись то есть! Но никто ничего не поднял! Да, круг потенциальных разрушителей Советского Союза КГБ был всегда известен, но трогать их тогда было нельзя, потому что в государстве уже не было той власти, которая хотела бы удержать страну от распада. Тронь тогда КГБ хоть кого-то из них, начался бы такой крик!.. А КГБ, прежде всего, ведь был подчинён ЦК. А ЦК, как я уже сказал, ничего не предпринимал в этом направлении.

- КГБ предупреждал Горбачёва о возможных последствиях его политики?

- Говорили неоднократно. У меня был один случай… Когда была создана Российская коммунистическая партия, Полозков как-то собрал большую аудиторию на базе партийной школы ЦК КПСС. Были секретари райкомов, горкомов с мест, тысячи полторы, наверное, полный зал. Пришлось выступить и мне, поскольку меня туда тоже пригласили. В своём выступлении я позволил себе две реплики. Бросил фразу: «Это всё, конечно, хорошо, что вы создали Российскую компартию, я вас поздравляю, но имейте в виду, что тем самым вы сделали первый шаг к ликвидации коммунистической партии вообще». В зале возник шорох, хотя в целом реакция была более-менее мирной. А вот реакция на мою вторую реплику была менее спокойной. Я сказал: «Вот вы, секретари Российской компартии, сейчас приступаете к работе, так имейте в виду, что мы с вами уже подошли к стадии развала нашего государства, и если вы не будете в своей работе заниматься сохранением государства, мы распадемся в ближайшее же время». Поднялся большой шум в зале, но меня, правда, не прогнали. Приезжаю после выступления к себе на работу. Передают, что просил позвонить Горбачёв. Звоню. Горбачёв мне говорит: «Ты сейчас выступал перед секретарями…» Я перебиваю: «Михаил Сергеевич, понимаю, что вы мне хотите сказать, но прошу учесть, что я говорил своё личное мнение, а не мнение КГБ». - «Всё равно, зачем тебе это надо было говорить? Лучше не надо!» Вот вам, пожалуйста… Он меня не ругал, не угрожал, но почувствовалось, что Горбачёв сильно занервничал. Так в ЦК относились к тому, что страна разваливается.

Страна не распалась бы, если бы подольше пожил Андропов. Об

Андропове можно говорить много, но, к сожалению… к сожалению, жизнь ему не помогла (огорчённо). Он многое делал, при нём начиналось много интересного, но… рано ушёл. Кстати, имя Андропова официально было упомянуто при Горбачёве только в момент его избрания на пост генсека, а уже на следующем пленуме он об Андропове ничего не сказал. Я помню, тогда спрашиваю Чебрикова: «Что такое? Почему никто даже не упоминает имени Андропова?» Чебриков отвечает: «Горбачёв всех предупредил, что имя Андропова больше упоминать не надо». Вот так всё и было. Многие люди на местах тяжело переживали эти времена. Многие активно им противостояли: на Украине держался Щербицкий… Но всё это уже в прошлом, ничего теперь восстановить нельзя.

Да и ГКЧП, как такового, не было. Горбачёв был в курсе того, что делалось. Вышло бы ГКЧП - Горбачёв поднялся бы на волну… Я в тот момент работал уже в Министерстве обороны и ничего толком не знал. Приезжаю утром на работу, а маршал Соколов просит: «Может быть, ты узнаешь, что там на самом деле происходит?» Я отвечаю: «А что я могу узнать? Вон, напротив вас сидит Язов, ему и позвоните». - «Он телефонную трубку не берёт». Ну, тогда позвонил я в КГБ. Один мне стал рассказывать совершенно пустые вещи, а другой говорит: «Я сейчас был у Крючкова, мне там было сказано, что сейчас надо заниматься уборкой урожая…» В этот день, 19 августа 1991 года! Так что никто ничего не делал. Лукьянов сразу после ГКЧП дал интервью Караулову, где в дым разнёс ГКЧП, так самого Лукьянова на следующий день арестовали!

- Под вашим непосредственным кураторством находилась ведь и творческая интеллигенция Советского Союза. Какие имена: Рыбаков, Евтушенко, Вознесенский, Солженицын, Любимов… Не сложно вам с ними было управляться, Филипп Денисович?

- Вот вы говорите, сложно с интеллигенцией… Интеллигенция всегда одинаковая. Кто в 1993 году подписывал письмо в поддержку того, чтобы Ельцин стрелял по Белому дому? Это письмо ведь было опубликовано! 42 представителя интеллигенции его подписали. Причём одним из первых его подписал бывший главный редактор «Юности» Дементьев. Но Рыбаков это письмо подписывать не стал, Евтушенко не стал. Евтушенко, кстати, всегда при Советской власти жил припеваючи, но её же и критиковал. Если взять Евтушенко и Вознесенского, то Вознесенский тоже всегда жил неплохо, но никуда ведь не лез и не лезет, жил спокойно, в сравнении с Евтушенко. А Евтушенко, к сожалению, был разный человек на разных этапах своей жизни.

Рыбакова я очень хорошо знал, в своё время мы с ним жили в одном подъезде, в доме, где гостиница «Украина»… Менялись люди, очень менялись (задумчиво)… Какой Рыбаков писатель? Сталинскую премию он получил за роман «Водители», который сегодня никто не знает. А «Дети Арбата» были написаны Рыбаковым ещё во времена Хрущёва. Я их прочёл года за два до того, как роман вышел. О нём можно говорить всякое, но то, что там много вранья, - это факт. Просто вранья! Я взял «Детей Арбата» и сходил с ними к Александру Яковлеву, он уже был заведующим

отделом ЦК. У нас, кстати, с Яковлевым были ещё до его отъезда в Канаду более-менее нормальные отношения. А тогда мы с ним посидели, я рассказал об этой книге - Яковлев о ней ещё ничего не слышал, сказал: «А стоит ли сейчас такого рода книгу публиковать?» И оставил рукопись. И тут же дал команду издать её тиражом в полтора миллиона экземпляров.

Бывал я, конечно, и в Театре на Таганке, у нас с Любимовым были хорошие отношения, но были и проблемы. Я хорошо помню его отъезд на Запад и возвращение оттуда. Ко мне стали обращаться с просьбой помочь ему вернуться в СССР - все инстанции были не против, требовалось лишь моё согласие. Я сказал тогда Губенко: «Пожалуйста, пусть возвращается, но имей в виду, что, когда Любимов вернётся, ты первым из театра вылетишь». Так и произошло, хотя никто тогда мне не поверил. Кстати, мы с Любимовым не рвали отношений, а советского гражданства его лишили не потому, что он выехал на Запад, а потому, что, выехав туда, он подписал документ против СССР. «Интернационал сопротивления» - так он, кажется, назывался. До этого Любимова никто не трогал. Этот документ подписывал и Зиновьев.

Солженицын своеобразный человек, конечно. Когда он только-только появился со своим «Одним днём», его очень сильно поддерживал Хрущёв, боровшийся в то время с культом Сталина. Вот говорят: Солженицын воевал! Хорошо же он воевал - я не знаю ни одного человека на войне, быть может, за исключением самого высокого командования, к которому бы приехала жена и жила с ним на фронте. Не знаю, почему это было позволено Солженицыну, видимо, была у него какая-то особая работа. Или взять его антисоветские письма, из-за которых его посадили. Возникает вопрос: если он прекрасно понимал, что почту читают, зачем он писал эти письма? Мне один мой товарищ сказал, что Солженицын писал эти письма специально, чтобы его арестовали, потому что на фронте труднее, чем в лагере. Тем более, что большую часть в заключении он жил - слава Богу! А какой Солженицын писатель? Ну, «Один день Ивана Денисовича» - это ладно, «Матрёнин двор» - ничего, а дальше что? «Архипелаг» - это документальный сборник. «Красное колесо» - читать невозможно. КГБ настаивало на отъезде Солженицына, хотя были разные мнения на этот счёт.

- Кстати, бытует мнение, что, высылая неугодных государству людей за границу, КГБ больше вредил себе: мол, там диссиденты начинали бесконтрольную критику Советской власти в полный голос, в то время как здесь делать это активно всё же остерегались.

- Нет, Солженицын, к примеру, там вреден не был. После отъезда, может быть, первые полгода он был в центре внимания Запада, а потом его не стало. Никто его больше там не слушал и не слышал. А вот если бы Солженицына арестовали - а было за что, - то мы бы с ним имели больше издержек. А так он уехал, через полгода его перекрыли, и он в той мере, в которой был интересен в СССР, никому на Западе уже интересен не был. И Нобелевскую премию Солженицыну дали, чтобы его раскрутить. Единственный из отечественных писателей, кто получил Нобелевскую

премию действительно за литературный талант - это Шолохов. Бродский получил за эмиграцию, Пастернак в связи со всей этой историей... Вот как они дают эти премии. И сегодня, кстати, тоже.

Я довольно много общался с интеллигенцией той поры. Не сказал бы, что у нас были какие-то трудности - нормально общались. Позже, одно время, в самом начале демократии, некоторые описывали эти беседы, как какие-то ужасы, но потом примолкли. Я, в свою очередь, тоже в 1995 году написал книгу «КГБ и власть» - слишком много тогда несправедливого говорили о чекистах.

Я и сейчас иногда встречаюсь с теми или иными представителями творческой интеллигенции - всё в порядке, никто не обижается. И не боится - чего им меня бояться? О моей книге мне плохо никто не говорил - тот, кто думает плохо, ведь этого не скажет. Но, в общем, читали, как-то отзывались... Меня часто упрекают, что я не пишу то, что мог бы написать: о людях, о положении в КГБ - многие этого очень хотят, но я этого не делал и делать не буду.

- Почему с массовыми репрессиями прежде всего ассоциируются аббревиатуры НКВД и КГБ, а не ВКП(б) и КПСС?

- Да, массовые репрессии 1930-х годов почему-то принято связывать с НКВД, а не с ЦК партии, где, собственно, и принимались все решения, которые НКВД обязан был выполнять. Я по этому поводу могу рассказать вам одну историю. Обращается ко мне в конце 1980-х один известный режиссёр - не буду называть фамилию, - снявший прекрасные фильмы: «Помогите мне, пожалуйста, Филипп Денисович, я хочу снять фильм о репрессиях». Я говорю: «Помочь я тебе не могу, тебе надо идти в ЦК и там брать необходимые материалы, но зато могу кое-что посоветовать... Твой папа, который сейчас работает в ЦК КПСС, в 1930-е годы был секретарём областного комитета ВКП(б). Прежде, чем делать фильм, поговори со своим папой». Через пару месяцев мы с этим режиссёром случайно встречаемся, и он говорит: «Слушайте, я этот фильм снимать не буду!» Я: «Почему?» Он: «Поговорил, как вы и советовали, с отцом». Дело в том, что репрессиями в той области руководил именно его отец, партийный секретарь. Так фильм и не получился. Именно партийные работники руководили на местах репрессиями.

Я считаю, что Сталина всё-таки «подгоняют» к репрессиям. Возьмите массовые репрессии 1937 года. Да, Сталин в них участвовал, но никто почему-то не вспоминает истинной причины размаха этих репрессий. В то время Сталин готовил новую Конституцию СССР и поставил вопрос о том, что в новой Конституции должна быть фраза: «Власть принадлежит Советам, в том числе и на местах». Советы должны были заниматься хозяйственными делами, то есть иметь реальную власть, а партия должна была заниматься с населением только идеологией. И когда Сталин вынес это предложение на пленум ЦК ВКП(б), пленум этого предложения не принял. Через год Сталин вынес это предложение на пленум вновь - пленум не принял. Сталин собирался выносить это предложение в третий раз непосредственно в то время, когда принималась новая Конституция,

но Молотов, Орджоникидзе и Калинин уговорили его этого не делать: «Всё равно не примут!» А не принимали потому, что партийные секретари на местах прекрасно понимали, что при выборной системе в Советы они могут и не победить. И вот когда была принята Конституция, начались массовые репрессии: партийные секретари на местах начали смотреть, кто будет им конкурентом в случае, если сталинская идея о власти Советов всё-таки будет официально утверждена, и убирали этих конкурентов. В 1938 году эта ситуация стала понятна Сталину, поэтому он и убрал Ежова с должности руководителя НКВД. Почему же сегодня эту историю возникновения массовых репрессий сбрасывают со счетов?

- Правда ли, что уже в Советском Союзе были западные агенты влияния?

- На протяжении всего послевоенного времени сначала Великобритания, а потом и Америка очень активно работали над развалом Советского Союза. Многое делалось в поисках и «подкармливании» людей на нашей территории; трудно говорить об агентах влияния, но то, что такого рода людей «подкармливали» не только в 1980-е, но и, пожалуй, начали в 1970-е годы, это точно. А все демократические группировки конца 1980-х - начала 1990-х годов активно работали с Западом.

- Правда ли, что, когда Крючков доложил Горбачёву, что Александр Яковлев связан со спецслужбами Запада, Горбачёв не дал этому делу ход?

- Это сложный вопрос, говорить о Крючкове. Крючков в своё время был очень близок с Яковлевым. Очень близок. Это было ещё до прихода его на пост председателя КГБ, когда он работал в разведке. Потом у них наступил распад, он был объясним: Крючков занимал одну политическую позицию, Яковлев другую…

Яковлев, конечно, своеобразная личность. Я с ним был хорошо знаком, когда он до отъезда в Канаду работал в ЦК, исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды. Мне приходилось с его отделом решать кое-какие вопросы, и, должен сказать, я с Яковлевым всегда находил общий язык. И даже когда он уехал послом в Канаду, приезжая, он заходил к нам и никаких политических отклонений у него не было. А вот когда он уже пошёл по верхам, то сразу стал другим человеком. Это было удивительно. Люди менялись, и странно менялись…

- Правда ли, что вы, как никто сегодня, знаете всё обо всех?

- Я не склонен говорить о людях. Меня многие подталкивают, говорят: «Напиши о том, об этом…» Максимов, писатель-эмигрант, издававший в Париже журнал «Континент» за счёт американцев, вернулся в Россию. Я не хотел с ним встречаться, но меня буквально столкнули с ним - инициатором была газета «Завтра». Сидим, разговариваем, и тут он мне делает предложение: «У вас же была агентура в КГБ, может быть, стоит раскрыть некоторых агентов, среди которых есть люди, занимающие ныне высокие посты». Я ответил: «Этого от меня вы никогда не дождётесь!» И добавляю: «Вот вы уехали на Запад, издавали «Континент», а до этого ведь были знакомы с нами…» Он действительно был с нами знаком,

агентом не был, но мы его знали, он тогда работал в журнале у Кочетова. Я продолжаю: «Вы же уехали из страны читать лекции на Западе, а не просились эмигрировать, мы вас отпустили, а вы сразу же начали критиковать СССР в своём «Континенте»? А теперь просите кого-то разоблачить… Давайте лучше напишем о членах редколлегии «Континента»?» После этого он от меня сразу отстал.

Москва, апрель 2010 г.

Юрий Дроздов

Дроздов Юрий Иванович - экс-заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР, бывший руководитель Управления нелегальной разведки КГБ. Родился 19 сентября 1925 года в Минске. В разные годы резидент внешней разведки КГБ СССР в Китае и США. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-майор.

- Была ли, на ваш взгляд, у СССР вообще хоть когда-нибудь, пускай теоретическая, возможность стать полноценным партнёром США? Ну, хотя бы на пике советско-американского сотрудничества во Второй мировой войне.

- Нет, потому что вина за то, что немцы в 1941 году напали на СССР, в том числе лежит и на США. Об этом почему-то сейчас не вспоминают, но ведь в 1940-м году советник английского премьер-министра Черчилля - Монтгомери Хайд, который помогал Уильяму Доновану (один из руководителей американских спецслужб. - Авт.) создавать Управление стратегических служб, передал ему для вручения президенту США Рузвельту письмо Черчилля, где тот писал: поскольку США не находятся в состоянии войны с Германией, то не могли бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России. С той поры прошло уже много лет, и многим на Западе кажется, что про это письмо все забыли. Но забыть можно лишь тогда, когда ты не хочешь помнить о чём-то.

Сегодня никто не вспоминает также, что на самом деле подготовка ко Второй мировой войне началась в 1929 году со встречи американского президента Герберта Гувера с виднейшими предпринимателями США из центра Рассела; есть у них такое тайное общество. Оно заявило Гуверу: «Приближается кризис, попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи - последствий гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора». «Но на это нужны деньги, - возразил Гувер, - несколько миллиардов. Да и для чего нам это нужно, что будет потом?» «А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались только один на один с оставшимся из этих противников».

Такие деньги в результате были выделены. И те же самые американские концерны, которые помогали России восстанавливать

хозяйство - строили заводы, участвовали в создании Днепрогэса, - восстанавливали и оснащали Германию. Не зря же дед президента США Буша - Прескот Буш, который в 1930-е годы помогал немцам, сразу после начала войны был лишён права управлять своим имуществом, исходя из того, что США в данный момент находятся в состоянии войны с Германией. Всё это документально зафиксировано, в том числе и в пятитомнике американского экономиста и историка Энтони Саттона. А что было после войны, известно: американцы на протяжении всего XX века вели очень серьёзную, продуманную работу по уничтожению оставшегося у них одного сильного противника в лице СССР.

Кстати, наглядно принцип выборочной памяти в отношении истории демонстрирует сегодня, например, Сванидзе в своей передаче «Суд времени», где регулярно нарочно умалчивает о важных фактах, ну, а если собеседник ему о них напоминает, то он его быстро обрывает. Смотреть эту передачу, конечно, противно, но интересно, потому что она показывает глубину работы американцев по осуществлению операции влияния на противную сторону. В Америке же разработана очень интересная система влияния на большие людские массивы, для того, чтобы убедить их принять американскую точку зрения по тому или иному поводу.

- Почему США не боялись возрождения послевоенной Германии, своего реального врага на поле боя, а боялись СССР?

- Возрождения послевоенной Германии американцы не боялись, как не боятся её усиления сейчас, потому что в 1949 году, прежде чем окончательно сформировалась ФРГ, которой разрешили иметь бундесвер, Германию по рукам и ногам связали соглашениями с США и другими странами НАТО. Бывший начальник военной контрразведки бундесвера генерал Камоса опубликовал книгу «Секретные игры тайных служб», где прямо пишет, что согласно послевоенным германо-американским соглашениям каждый новый канцлер Германии, приходящий к управлению страной, должен сразу после выборов приехать в США и подписаться под документом под названием «Канцлер-акт». Срок окончания «Канцлер-акта» - 2099 год. Процитирую вам выдержку из «Секретных игр тайных служб»: «21 мая 1949 года Федеральная разведка опубликовала под грифом «Совершенно секретно» тайный государственный договор, в котором были изложены основные принципы подходов победителей к суверенитету Федеральной Республики до 2099 года...» Останется ли к этому времени немец немцем? Останется ли к этому времени бундесвер способным воевать так, как он воевал во Второй мировой войне? Каково вообще конечное назначение «Канцлер-акта»? Вот какие вопросы возникают при чтении этой книги.

Кстати, генерал Камоса был очень осторожен, поэтому не осмелился издать «Секретные игры тайных служб» в Германии, а вынужден был выпустить книгу в Австрии. Был небольшой шум. Наши корреспонденты, которые прочитали «Секретные игры тайных служб» в Австрии, опубликовали маленькую заметку: отдаёт ли себе отчёт генерал Камоса,

какую «бомбу» он выдал? Вместе с тем они задались вопросом: а что подписали в 1991 году наши руководители? Политический обозреватель «Независимой газеты» Фаенко полгода назад в одной из своих статей выложил свою «бомбу»… Он пишет, что в США очень многие видные политические деятели и крупные бизнесмены недовольны тем, что Россия не придерживается негласных соглашений, которые были подписаны её руководителями.

- Существовал ли в реальности «список Крючкова», в котором тогдашний руководитель КГБ перечисляет агентов влияния Запада в отечественных властных структурах?

- Конечно. И сейчас, наверное, подобный список у кого-нибудь есть. А что касается «списка Крючкова»… Такой список действительно был передан Крючкову. Он пошёл с ним к Горбачёву. Горбачёв отправил его к Яковлеву (в то время секретарь ЦК КПСС по идеологии. - Авт.)…

- …который был в том списке…

- …(Смеётся)…После смены власти зам. генерального прокурора Лысейко приставал ко мне с вопросами по поводу «списка Крючкова»: «Вы получали такие документы?» Я отвечаю: «Не помню». Он опять: «А кто был в этом списке?» - «Не помню». - «Почему не помните?» Я говорю: «Понимаете, есть постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета середины 1930-х годов, которое запрещает правоохранительным органам накапливать материалы на руководящий состав государства». Лысейко открывает свою папку: «Да, есть такое постановление!» Я продолжаю: «Эти материалы передавались Крючкову, докладывались наверху, возвращались к нам и уничтожались». - «И что, вы так и не помните ничего?» - «Не помню». Он не отстаёт: «А чьи это были материалы?» Я отвечаю: «Вы хотели, чтобы я стал дважды предателем? Не получится. Я ничего не помню…»

В 1992 году в «Советской России» или в «Правде» была опубликована статья адвоката Князева, где прямо говорилось, что Дроздов не подтвердил данные о «списке Крючкова», Шебаршин (один из последних руководителей Первого главного управления КГБ СССР. - Авт.) тоже не подтвердил… Ну и не надо было нам его подтверждать. Зачем?

В ближайшие месяц-полтора выйдет книга, написанная одним из бывших военных контрразведчиков и бывшим сотрудником особого сектора ЦК КПСС Иосифом Борисовичем Линдером, под названием «Легенды Лубянки. Яков Серебрянский». Про известного разведчика с трудной биографией. В этой книге даны в концентрированном виде все сложности нашего развития, начиная с 1917 года по конец Великой Отечественной войны, которые никогда так не раскрывались… Обязательно почитайте.

- Декларировали когда-нибудь вслух США свои интересы к недрам СССР или идея освоить природные богатства нашей страны стала витать в воздухе только в постсоветское время?

- В отношении экономических богатств нашей страны у США

аппетиты были большими, чем всегда. Мало кто знает, что в конце Великой Отечественной войны, когда странами - участницами антигитлеровской коалиции обсуждалось будущее мира, были приняты два решения, цитирую: «Создать Организацию объединённых наций с Советом безопасности - как прообраз мирового правительства» и - на нём особенно настаивали американские миллиардеры - «создать трёхстороннюю комиссию для осуществления постепенных попыток слияния экономик США и СССР». И такая комиссия была создана. Она существовала. Она действовала. Когда я работал в Америке, мне приходилось принимать участие в некоторых встречах с Рокфеллером, и по его вопросам мне становилось понятно, что в результате хотят от СССР американцы.

Для них главной политической целью работы в этой комиссии было, конечно, полное поглощение нашей экономики, о чём некоторые люди из ЦК КПСС, стоявшие тогда у руля нашей экономической политики, знали или догадывались, но участвовали в этой игре, надеясь, в свою очередь, перехитрить противника и посредством этой комиссии усовершенствовать торговые контакты между СССР и Западом. В некоторых случаях им это удавалось, в некоторых нет, а вот Западу, чтобы полностью реализовать свои замыслы, понадобилось, как мы видим, около 50 лет.

- Давая оценку советскому политическому наступлению периода разрядки, администрация США делала вывод, что активность советских разведывательных операций в пять раз превышает размеры деятельности ЦРУ и союзников. Но если иметь в виду, что могильщиком СССР всё-таки стали США, то возникает резонный вопрос: а почему же мы проиграли?

- Американский разведчик, бывший резидент США в Индии Гарри Розицки в своей книге написал, что если бы в США была такая нелегальная разведывательная служба, как в Советском Союзе, численностью хотя бы человек в 100, то Америка могла бы чувствовать себя спокойно. Так что разведка не проиграла. Проиграла страна в целом. А проиграла, потому что у нас не было времени. Ведь практически весь период первых пятилеток, когда нам удалось кое-что создать, и то происходил в условиях борьбы. Причём борьбы как извне, так и в результате очень серьёзных споров и разногласий в политическом руководстве СССР. Причём эти разногласия были и в последние годы существования СССР.

В частности, на примере взаимодействия разведки и политической власти СССР могу сказать, что работа наших руководителей по использованию установленных нами связей в политических интересах государства в какой-то мере была ослаблена. Каждый из руководителей считал свою точку зрения истиной в последней инстанции, у них были серьёзные споры друг с другом. Скажем, по делу Шевченко (в 1970-е годы зам. представителя СССР в ООН, сбежавший на Запад. - Авт.) мне Юрий Владимирович (Андропов. - Авт.) прямо сказал: «Я прочитал всё, что ты писал. Ты был прав, и никто тебя наказывать не будет». Дело в том, что, заподозрив Шевченко в измене, я, как резидент нашей разведки в США,

стал сигнализировать об этом в Москву. А в результате получил… запрет на наблюдение за Шевченко! Тем не менее я сам себе сказал: «Нет, так дело не пойдёт!» и продолжал отправлять компрометирующие Шевченко материалы в центр.

- Запрет трогать Шевченко был внутриведомственным конфликтом и нежеланием бросать тень на МИД или в Москве его берегли агенты влияния во властных структурах?

- Мне сложно сейчас сказать, почему мне не разрешали трогать Шевченко, но я знаю, что влияние самого Шевченко на наших руководителей было достаточно высоким. Он и его семья были в очень близких отношениях с Громыко. Кроме этого у Шевченко была ещё группа хороших знакомых на разных должностях и в разных позициях, которые могли ему подыгрывать, оказывая влияние на наших руководителей, которые рассматривали мои материалы по Шевченко. Потом, поскольку Шевченко проработал в Нью-Йорке большой промежуток времени, мои предшественники, которые там с ним общались, тоже чувствовали себя немного связанными, боялись получить выговор, если что-то всплывёт, и не поехать потом за границу. Это естественные вещи… Бывают в жизни, к сожалению, такие истории. (Вздыхает.) Трояновский (советский дипломат, следующий, после Шевченко, представитель СССР в ООН. - Авт.) тогда меня прямо спросил: «А что, разве не может советский человек выбрать себе новую родину?» Я ему ответил: «Родина - одна, можно сменить место жительства». И нажил ещё одного недруга.

- Тогда, быть может, одной из внутренних причин гибели Советского Союза было то, что, как вы выразились, «работа наших руководителей по использованию установленных нами связей в политических интересах государства в какой-то мере была ослаблена», что, говоря простым языком, означает: информацию разведчиков принимали к сведению, но использовать не спешили. Вы ощущали политический или дипломатический эффект от своей работы?

- В принципе ощущал, и даже бывал на приёмах у наших руководителей, которые знакомились с результатами работы нелегальной разведки и принимали на её основании решения, но, с другой стороны, скажем, в моём личном деле, как мне говорили, есть резолюция ещё самого Никиты Сергеевича Хрущёва, которого в 1960-х годах я, как резидент советской разведки в Китае, предупреждал о готовящихся столкновениях на Даманском, а Хрущёв на материале с этой моей информацией написал: «Не верю». А ведь мы тогда специально отправили людей в район сосредоточения китайских подразделений напротив Даманского, где тогда жили бывшие белогвардейцы; эти люди встретились там с нашим древним «источником», который рассказал, что китайцы прогнали его с собственной пасеки, построили на её месте гигантский ящик с песком, в котором воссоздали всю территорию по ту сторону границы, которая принадлежала СССР, и проводят там военные учения.

После этой информации мы изучили положение дел на китайских

железных дорогах - какие и куда осуществляются перевозки, поговорили с иностранцами, а окончательный вывод, к сожалению, оказавшийся верным, нам помогло сделать одно обстоятельство. У меня была встреча с представителями концерна «Крупп», которым мы поставляли водку и которых по целому ряду вопросов обхаживали китайцы, и один из этих представителей мне прямо сказал: «Вы что - слепые? Не видите, что китайцы делают? А я вижу, потому что я - «Крупп», я - сталь, а сталь - это война!» Вот и весь разговор, который тем не менее переполнил чашу наших догадок. Мы обобщили информацию и сделали вывод: следует ожидать вооружённой провокации в районе Даманского. Но Хрущёв нам не поверил.

Заместитель покойного Александра Михайловича Сахаровского (в то время руководитель ПГУ КГБ СССР. - Авт.) генерал-лейтенант Мортин, который в это время сидел на его месте, когда я приехал в отпуск и с ним встретился, сказал мне: «Слушай, ты меня в инфаркт вгонишь своими телеграммами!» (Смеётся.) Его можно понять, была ведь трудная обстановка. В Китае шла культурная революция, всё больше и больше приобретающая антисоветский и антирусский характер, в которой, кстати, активно участвовали бывшие троцкисты, которых выкинули из США и почему-то бросили в Китай; это произошло в разгар маккартизма в конце 1940-х годов. Я с некоторыми из них был знаком. Хорошо знал Анну Луизу Стронг, Ванштейна. Все они хорошо говорили по-русски.

- Было ли с Андроповым у СССР перспектив выжить больше, чем с любым другим советским лидером? Каковы ваши впечатления об Андропове?

- Помню, Семичастный (в начале 1960-х руководитель КГБ СССР. - Авт.) впервые отправил меня на доклад к Андропову, как к заведующему отделом социалистических стран ЦК. Я не ожидал, что встречу в ЦК абсолютно другого, нежели остальные партийные руководители, человека, с которым можно разговаривать, интересного; мы просидели с Андроповым тогда больше четырёх часов, он расспрашивал о Китае, а в это время к нему в кабинет заходили и выходили люди, некоторых Андропов оставлял: «Сиди, слушай, тебе это нужно». Андропов, например, читал всё: и приятное, и неприятное, а ведь были и такие руководители, которые читали только приятную информацию.

Андропов никогда никому не мстил. Если видел, что у человека что-то не получается, то просто переводил его на другую работу, а если, к примеру, он убирал чекиста, совершившего какую-то ошибку, в другое подразделение, то, получив дополнительное объяснение, почему человек ошибся, мог и изменить свою точку зрения. Помню, как-то во время нашего доклада Андропову Юрий Владимирович сказал, что у него есть другая, отличная от нашей, информация. Я возразил: «Это не так». Андропов говорит: «Сколько надо дней, чтобы проверить, кто прав: я или ты?» «Дней 40-50. Сложные условия»…Крючков меня потом упрекал, зачем я среагировал так грубо, но я сказал, что Андропов с давних пор просил меня говорить только правду. Спустя срок меня встречает тот же

Крючков: «Ну как?» «К сожалению, прав оказался я». (Смеётся.)

Сейчас ФСБ готовит к выходу книгу «Команда Андропова», куда я написал свои впечатления об отношениях с Юрием Владимировичем, которые озаглавил «Ю.В. Андропов (на партучёте в нелегальной разведке)». (Улыбается.) Он ведь действительно был членом нашей партийной организации. Приходил. Но не каждый раз, человек он всё-таки был очень занятой.

- Многие говорят, что причиной гибели СССР был ввод войск в Афганистан. Между тем, известны слова 10-го советника по национальной безопасности президента США Бжезинского: «Мы сознательно увеличиваем возможность того, что Советский Союз направит войска в Афганистан». Была ли возможность избежать силового варианта развития событий, не вестись на провокацию? И знала ли об этих словах разведка?

- Знала. Но избежать введения наших войск в Афганистан было нельзя, потому что сами американцы туда активно лезли, выдвигали свои технические наблюдательные посты к нашим южным границам и даже заключили с Китаем соглашение по Афганистану. Так что это была объективная необходимость. Кстати, это был не первый случай, когда мы входили в Афганистан с подобной миссией, а третий или четвёртый. Кроме того, мы совершенно не собирались там задерживаться…

- …Действительно в виде документа существовал план вывода советских войск из Афганистана в 1980-м году?

- Да. Я уничтожил этот документ. Спустя несколько лет после ввода войск пришёл к Крючкову и говорю: «С 1980-го года у меня лежит такой вот материал, до реализации которого дело не дошло. Что будем делать?» Он отвечает: «Уничтожь». Я и уничтожил. Довольно интересный и хороший документ, который мы готовили вместе с Ахромеевым (в то время первый замначальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. - Авт.).

Между прочим, сегодня афганцы, в том числе и Раббани (в 1979-1989 гг. - один из командующих моджахедами, в 1992-2001 гг. - президент Афганистана. - Авт.), говорят: «Какие мы дураки, что тогда воевали с русскими! Лучше бы мы с ними тогда дружили». И натовцы уже давно хотят уйти из Афганистана, но я очень сомневаюсь, что афганцы их так просто выпустят, потому что натовцы в отличие от нас только и делали, что стреляли и бомбили, а мы один раз стреляли, потом получали пулю в ответ, но при этом продолжали строить; мы же очень много объектов построили в Афганистане.

Во время пребывания наших войск в Афганистане бывали случаи, когда, к примеру, под Кандагаром, где в то время была очень сложная обстановка, к начальнику нашего спецподразделения пришёл ночью с бутылкой коньяка руководитель местных моджахедов и говорил: «Я новую власть принимать не буду, но с тобой воевать не хочу. Давай не будем стрелять друг в друга?» А сегодня американцы, датчане, англичане привыкли смотреть на эти вещи несколько иначе: «Подчиняйся - и всё!»

- В этом году исполняется 30 лет легендарному разведывательно-диверсионному отряду «Вымпел», инициатором создания которого являетесь вы. Зачем в то относительно благополучное время стране понадобилось такое спецподразделение?

- О необходимости создания такого спецподразделения я начал думать давно; история борьбы с оуновским подпольем на Украине, высадка американской агентуры с воздуха на Украине и в Прибалтике говорили о том, что решение о ликвидации по политическим соображениям в 1950-1960-е годы подразделений, осуществлявших специальные мероприятия на территории противника и способных к оперативной переброске по всей территории страны, требует пересмотра. Утвердился я в своей мысли, когда увидел, как выглядят наши вооружённые силы, прибывшие в Афганистан, и в какой физической форме находятся там некоторые мои бывшие сотрудники.

Руководствуясь этими соображениями, я в 1980 году доложил о своей идее Андропову. «Зачем это надо?» - удивился он. Отвечаю: «К примеру, сложилась острая обстановка, вы нас выбрасываете на место, мы решаем основные задачи, а к вечеру подтягиваются главные силы...» - «Сколько человек вам надо?» - «Тысячи полторы».

Год спустя после того, как мы подготовили все документы, этот вопрос рассматривался в Центральном Комитете и Совете Министров. И только 19 августа 1981 года было принято соответствующее решение. Ещё живы ребята, которые разрабатывали этот материал, писали бумаги... Я, помню, «резал» их, поправлял, высказывал свои мысли... Интересный получился документ, за год, пока его рассматривали, я в Кремль протоптал небольшую дорожку. (Смеётся.) Отчитывался и перед юристами, и перед такими, и перед сякими... Чего только не было! Вспоминали даже схожие мероприятия, которые были и в довоенный период.

- По какому принципу отбирали людей в первый «Вымпел»?

- Тех, кто принимал участие в афганских событиях, сделали основой костяка, на который наращивали потом чьё-то мясо. Брали только добровольцев со всего Союза, только офицеров КГБ и войск. Офицеров КГБ было меньше, во-первых, потому, что большое количество их набрать было сложно, а во-вторых, как только мы готовили такого офицера на своих курсах, он потом садился к письменному столу, и смотришь, через 3-4 года уже растолстел, значит, уже не годится. Маршал Ахромеев, когда посмотрел на них в Афгане, потом мне говорит: «Слушай, а почему они у тебя такие толстые?» (Смеется.)

Полное комплектование заняло полтора-два года, но, создавая маленькое подразделение человек в 100 и дав ему основную подготовку, мы сразу же отправляли его на боевое задание. Ходили они на задания под разными названиями: «Каскад», «Вымпел», по-моему, одна группа даже называлась «Вега». Некоторые сотрудники «Вымпела» прошли, естественно, нелегально, «стажировку» в подразделениях специального

назначения НАТО, а 90 % сотрудников «Вымпела» знали иностранные языки, многие имели по 2-3 высших образования, некоторые даже окончили Сорбонну, но при этом, подчеркну, тренировки, скажем, по рукопашному бою для всех без исключения шли не на мягком ковре, а на асфальте.

Материальное обеспечение «Вымпела» отличалось от обеспечения сотрудников обычных органов в два раза, потому что люди отдавали себя своей работе фактически целиком. Внимание правительства к ним было огромным…

- Вплоть до того, что любую операцию мог разрешить только лично председатель КГБ СССР…

- Только он один. Потому что сразу же задействовались огромные силы…

- Причём за пределами СССР. Чем занимались и где именно?

- Прежде всего в Афганистане, Анголе, Мозамбике, Никарагуа, на Кубе… Делали всё, что делается на войне. И даже больше. Воровали, к примеру, людей, которые являлись секретоносителями, с территории противника. Или: в одной из стран Ближнего Востока были захвачены в заложники граждане СССР. Переговоры с террористами не дали никаких результатов. И вдруг при невыясненных обстоятельствах погибают один за другим лидеры бандитов. Оставшиеся получают ультиматум: если они не выпустят заложников, то придётся выбирать самим, кто будет следующим… Всех отпустили.

- О подготовке «Вымпела» ходят легенды…

- «Вымпеловцы» были подготовлены всесторонне. Могли, к примеру, использовать дельтапланы во время своих небольших операций. Могли, если это надо было для дела, выпить две бутылки водки и оставаться трезвыми - есть же специальный медикамент, который превращает спирт в чистую воду. Использовали специальные патроны, позволяющие превращать в мощное средство поражения обычные предметы: авторучки, зонты, трости. Умели изготовить взрывчатку из средств бытовой химии. Знали, каких пауков можно есть, а каких нельзя, с какой травой нужно сварить ту же крысу, чтобы она стала пригодной к употреблению в пищу. На территории ряда стран мы оборудовали тайники с хранящимся там специальным снаряжением для разведывательно-диверсионной деятельности в «особый период». Есть ли они сейчас? Скажу так: пусть от этого вопроса поболит голова ещё кое у кого.

Маскироваться «вымпеловцы» умели очень хорошо. Как-то, помню, инспектировавшего нас генерала армии Захарова привезли на место, где наши ребята проводили учения. Он их не обнаружил. Тогда, чтобы продемонстрировать ему, что замаскировавшиеся «вымпеловцы» его видят, мы попросили Захарова сделать какие-нибудь движения, и включили погромче рации. Спрашиваем: «Что сейчас делает генерал?» Они отвечают: «Поправляет фуражку». (Смеется.) А в районе подмосковной Черноголовки по «вымпеловцам» и вовсе буквально шли,

когда их искали, - настолько они слились с природой. Когда ребятам это надоело, они условным сигналом спросили: «Брать можно?» Им ответили: «Можно». Они преследователей моментально положили.

- На территории СССР «Вымпел» действовал?

- Были учения, но зато какие!.. В середине 1980-х по просьбе руководства мы проверяли боеготовность спецслужб и правоохранительных органов страны. Выбросили на территорию СССР, от Одессы до Ленинграда, 182 человека «диверсантов» со снаряжением; вышли, например, из подводной лодки в районе Севастополя, прошли весь Крым, дошли почти до Киева, и на нас не поступило ни одного сигнала, хотя на ребят всерьёз натравили все местные органы: Московское управление КГБ, КГБ Украины, Белорусский КГБ просили усилить наблюдение за стратегически важными объектами, потому что, мол, ожидаются диверсанты. Никого не поймали.

В результате мы спокойно вышли на те объекты, которые были нами намечены для «диверсий»: мы проверяли, скажем, Воронежскую и Белоярскую атомные станции, незаметно изучили их строение, добрались до реакторов и условно заминировали, а на Ереванскую АЭС вообще с воздуха сбросили десант. Тогда же большой участок нефтепровода «Дружба» до самой границы «заминировали» аж в 16 местах, да ещё повесили на одну из дежурных будок табличку «Мины». Или - проникли даже в райотдел КГБ в Дубне.

Москва, февраль 2011 г.

Глава II. Бессилие ГКЧП и его последствия

Как ни относись к самому факту создания Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям и к людям, в него вошедшим, но это действительно была единственная реальная попытка сохранить Советский Союз, и в этом смысле людям, её предпринявшим, надо поклониться. Именно они смогли - пускай и на три дня, с 19 по 21 августа 1991 года - отстранить от власти Горбачёва, декларировать посредством заявлений высших государственных лиц катастрофическое с точки зрения целостности положение СССР и ввести режим чрезвычайного положения. То есть сделали то, что и надо было делать в этой ситуации. А вот дальнейших планов жизни государства в условиях чрезвычайного положения у ГКЧП, видимо, не было. Ибо на трёх вышеперечисленных поступках все его действия и закончились.

Для многих давно не является загадкой нерешительное поведение членов ГКЧП в те три драматических августовских дня 1991 года. Причины этого поведения перекликаются с причинами бездействия КГБ в деле сохранения целостности СССР, о которых я писал выше, а именно - в приверженности подавляющей части советской номенклатуры формализму. В поздние советские времена вовсе не личные качества чиновника предопределяли отношение к нему подчинённых и более-менее широкого круга окружающих его людей, а то место в партийно-

хозяйственной иерархии, которое занимал этот человек. То есть наличие министерского кресла, «вертушки» и персональной «Чайки» служили для большинства сигналом, что распоряжения обладателя этих властных атрибутов в любой ситуации обязательны к выполнению и обсуждению не подлежат. И так было долгие годы. После смерти Сталина, нещадно терзавшего бюрократию и днём и особенно ночью, сформировалась новая поросль правящей советской номенклатуры, каждый шажок в карьерной лестнице представителей которой автоматически наделял их чувством собственной значимости.

Впрочем, это было полбеды. Беда была в том, что эти современные наследники дела Ленина были уверены, что их приказы будут всегда выполняться, как выполнялись приказы самого Ильича, не страдавшего, как известно, политической импотенцией куда в более сложных для советского государства условиях, однако поздняя Советская власть оказалась биологически не готова ни к саботажу, ни к народным волнениям (пусть эти волнения провокация, а не всесоюзная стачка), потому что сама мысль о крамоле такого рода была вытравлена на корню их волевыми и решительными старшими товарищами, большинство из которых прошло горнило войны и сталинских чисток. Так, Горбачёв, человек с заурядным мышлением, в одночасье решивший, что кабинет, в котором когда-то сидел Сталин, а теперь сидит он, даёт ему право затеять системный передел государства, вдруг с удивлением увидел, что его власть ставится под сомнение, а стул, который априори не мог зашататься под Сталиным, под ним так просто раскачивается. Что уж тут говорить о каких-то членах ГКЧП, предполагавших, очевидно, одними нормативными актами и декларациями, словно шапками, закидать антисоветский элемент во главе с Ельциным и вдруг встретивших на этом, привычно гладком и знакомом им с младых номенклатурных ногтей пути препятствие в некоем подобии народного протеста. Как им было не впасть в прострацию?

Тем не менее даже с учётом всего выше сказанного политическая импотенция людей, вводящих чрезвычайное положение, - конечно, нонсенс, тем более если вспомнить, что, к примеру, герой этой главы Дмитрий Язов - мало того что маршал, так ещё и доброволец Великой Отечественной, уж кому как не ему, казалось бы, проявить бесстрашие. Ан нет. Убоялся маршал войны гражданской (а сколько их потом прокатилось по постсоветскому пространству), хотя не боялся ходить в атаки на войне Отечественной. Получается, что правители, объявившие, что в стране положение чрезвычайное, сами чрезвычайно действовать не могли или не хотели. Хотя, конечно, всё дело могло быть и в том, что члены ГКЧП ждали каких-то команд извне, рассчитывали на чью-то поддержку, короче говоря, имели в виду какой-то иной сценарий развития событий, нежели тот, который диктовала реальность…

Что я имею в виду?

В приведённых ниже интервью Дмитрий Язов и Анатолий Лукьянов, отсидевшие, между прочим, за участие в ГКЧП в тюрьме, утверждают, что

Горбачёв пусть и не явно, но дал своё «добро» на введение чрезвычайного положения, закон о котором, кстати, был принят не когда-нибудь, а в марте 1991 года, то бишь всего за несколько месяцев до ГКЧП, и, по словам ещё одного героя этой главы председателя Гостелерадио СССР Леонида Кравченко, был законодательной предтечей событий 19-21 августа 1991 года. То есть Михаил Сергеевич благословил явно или с помощью птичьего партийного языка своих ближайших соратников на введение ЧП. Но, как мы видим из жалоб маршала со спикером, благословил поначалу, а потом отыграл назад, тем самым подставил ГКЧП и дезорганизовал всю его деятельность. Да простят меня Дмитрий Тимофеевич, Анатолий Иванович и некоторые другие герои книги, высказывающие эту же версию причин пассивности ГКЧП, но этот детский лепет, конечно, лишний раз свидетельствует о том, что натура у Михаила Сергеевича была подловатая, но оправдать бездействие ГКЧП никак не может.

Да, пусть подлец Горбачёв предал, пусть предполагаемый «официальный» ход событий пошёл на спад, но ведь абсолютно вся законная власть в государстве находилась у ГКЧП. Более того, за исключением отдельных слоёв населения Москвы и Ленинграда, практически вся страна выступила в поддержку новой-старой власти и её намерений. Тот же Леонид Кравченко свидетельствует: «С самого утра 19 августа 1991 года уже стали приходить «перегоны» с заявлениями в поддержку ГКЧП. Кстати, в том числе от первых лиц Украины и Казахстана: Кравчука и Назарбаева. Их кассеты пролежали у меня в сейфе до вечера, а потом они же и попросили их вернуть». Конечно, попросили, куда им было деваться, видя паралич союзной власти, которая ещё утром так лихо начала спасать СССР, а вечером уже не знала, что делать, тут не то что кассеты назад потребуешь, а из партии выйдешь. (Между прочим, спустя всего три месяца тот же Кравчук подпишет Беловежское соглашение - свидетельство о смерти Советского Союза.)

Да что там «перегоны» Кравчука. Автор был активным свидетелем того, что происходило вокруг Белого дома (в какой воспалённый ум именно тогда пришла такая ассоциация с Капитолием?) 19-21 августа и может с уверенностью сказать, что по большей части многочисленная толпа вокруг здания Верховного Совета РСФСР состояла из зевак-москвичей. Сновали сердобольные старушки из близлежащих домов и, подкармливая пирожками танкистов, просили их «не стрелять в Ельцина» - почему-то само собой считалось, что танки приехали захватить Ельцина, хотя на самом деле их выслал на защиту Белого дома от мародёров генерал Лебедь по приказу министра обороны СССР Дмитрия Язова (об этом есть его слова в интервью). Имелась, конечно, в те дни и активная часть людей, которым сам повод бузить грел душу, а вовсе никакой не антисоциализм, и положа руку на сердце, глядя из сегодняшнего дня, признайте, что во всякой смуте найдутся активные несогласные, которые назавтра станут не менее прыткими согласными. Был бы повод и минимум ответственности. Так было и в августе 1991 года. Но беда в том, что уличный авантюризм, провокации и безнаказанные выходки маргиналов

были тогда в диковинку, а посему воспринимались многими как революция. «Страна непуганых идиотов», - лучше всех сформулировал феномен советского человека делать из себя Иванушку-дурачка Александр Абдулов в фильме «Гений». Не на руку ГКЧП, конечно, сыграл и расхожий в те годы стереотип, что любой сценарий развития страны, кроме коленопреклонённого бегства в западном направлении, означает возврат к «кровавым» сталинским временам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя в целом, повторюсь, у белодомовской толпы не было единого мнения о происходящих событиях, а антигэкачепистский градус и количество народа на площади у здания Верховного Совета были позже явно раздуты «демократами»; люди просто-напросто выходили «посмотреть на события», и очень многих, кстати, они далеко не радовали. Помню шедшего рядом молодого рабочего, из уст которого услышал изощрённое проклятие в адрес Горбачёва.

Так стоило ли бояться ГКЧП такой толпы?

Конечно, не стоило. Ниже читатель сможет ознакомиться с профессиональным мнением сотрудника 9-го Управления КГБ СССР Андрея Лугового о том, возможно ли было взять штурмом Кремль в августе 1991 года. Луговой в те смутные дни августовского «путча» командовал кремлёвским полком охраны и не понаслышке знает о реальных методах защиты властей предержащих от разбушевавшейся черни.

Что должен был делать ГКЧП, для того чтобы победить и сохранить Советский Союз, сегодня, я думаю, ни для кого не загадка. Арестовать и судить за измену родине и антисоветскую деятельность Горбачёва, Ельцина со товарищи (благо законы позволяли - об этом в следующей главе подробно расскажет работник Генеральной прокуратуры СССР Виктор Илюхин), как Горбачёв с Ельциным 22 августа 1991 года арестовали и позже судили членов ГКЧП и их активных соратников, ну и, разумеется, танки маршал Язов должен был направлять не на защиту Белого дома, а на его расстрел, то есть сделать то, что сделали Ельцин с Грачёвым пару лет спустя. И ведь никакой гражданской войны не случилось, хотя сочувствующих Верховному Совету России в 1993 году было во много раз больше, чем сочувствующих Ельцину в августе 1991 года.

И, наконец, о главном, о последствиях ГКЧП. Бесславный во всех смыслах конец ГКЧП породил тяжёлые последствия для Советского Союза. Информация о руководителях государства, которые, словно телки на бойне, понуро побрели вымаливать прощение у «отстранённого по состоянию здоровья» Горбачёва, конечно, больно ранила всех сочувствующих им людей. А таких, напомню, в Советском Союзе было большинство. Не придали оптимизма в те дни и телекадры кающихся Язова, Лукьянова и иже с ними. Нашёл в себе мужество идти до конца и отстоять на суде свою невиновность только Валентин Варенников, но автор, к сожалению, не успел взять у него интервью, в 2010 году генерал умер.

Впрочем, дело, конечно, не в эмоциях по поводу политической несостоятельности членов ГКЧП, а в том, что его крах выдал моральный карт-бланш Ельцину и его команде на фактическое перераспределение полномочий РСФСР с Союзным центром и, как следствие такого перераспределения, на развал Советского Союза. В этой главе приведён фрагмент интервью с Аркадием Мурашовым, младшим научным сотрудником Института высоких температур АН СССР и ответственным секретарём Межрегиональной депутатской группы, которого председатель Моссовета Гавриил Попов сразу после «путча» поставил во главе столичной милиции, обосновав это из ряда вон выходящее назначение тем, что в дни ГКЧП московские милиционеры не проявили должную лояльность к Гавриилу Харитоновичу. Не знаю, в чём там на самом деле было дело, но могу лично засвидетельствовать, что милиционеров в те дни на улицах Москвы просто не было. Была ли это нелояльность к Попову, Янаеву или банальное желание представителей органов не подставлять голову пьяной толпе, сказать сложно. Однако факт остаётся фактом, победители ГКЧП начали ритуальную пляску на его трупе, а заключительным па этого языческого танца был развал страны.

Дмитрий Язов

Язов Дмитрий Тимофеевич - один из четырёх ныне живущих маршалов Советского Союза. Родился 8 ноября в Оконешниковском районе Омской области. В 1987-1991 гг. - министр обороны СССР. Член ГКЧП, в 1991-1993 гг. - заключённый тюрьмы «Матросская тишина».

- Если сложить полярные мнения о событиях 19-21 августа 1991 года, то, как ни парадоксально, можно вывести характеристику действиям ГКЧП, которая, думаю, устроит и правых, и левых: заговор нерешительных людей. Как вы сегодня оцениваете ГКЧП и свою роль в нём?

- Прежде всего: никакого заговора не было. Перед тем, как ехать в Форос к Горбачёву, на одном из объектов КГБ собрались: Крючков, Павлов, Янаев, Шейнин, я, со мной были Варенников и Ачалов… Короче, все те, кто остался в Москве и не уехал отдыхать. Решив ввести чрезвычайное положение, мы опирались на то, что 17 марта 1991 года был проведён всесоюзный референдум, на котором более 70 % населения СССР проголосовали за его сохранение. Горбачёв же, вопреки референдуму, собирал князьков из союзных республик для того, чтобы вырабатывать договор о создании Союза суверенных государств. А что значит суверенное государство? Суверенное - значит, самостоятельное. Я, Крючков, Пуго были на двух или трёх таких совещаниях. Я говорил Горбачёву: «Армию тогда не сохранить». Он: «Ты ничего не понимаешь!» Крючков тоже со своей стороны говорил Горбачёву: «Перестанет существовать Комитет государственной безопасности, способный контролировать эти республики». В ответ: «Ничего ты не понимаешь!» И в результате Горбачёв перестал нас приглашать. И они всё-таки выработали такой договор, опубликовали его в газетах в пятницу 17

августа, когда люди собирались на дачи и отдых, а во вторник 20 августа должны были его уже подписывать. Вот мы и поехали к Горбачёву: давайте введём чрезвычайное положение, иначе Союз распадётся. Он обиделся: «Что вы меня учите? Меня народ избрал...» Какой народ его избрал?

ГКЧП обвиняют в нерешительности. Но я не мог поступить как Ельцин в 1993 году, не мог быть Пиночетом и кого-то арестовывать. А арестовывать надо было верхушку во главе с Ельциным. Комитет госбезопасности, Министерство внутренних дел говорили мне: «Выдели в Медвежьих Озёрах две казармы, будем туда сажать арестованных». Но так никого и не арестовали. Мне звонит член Военного совета десантных войск: «Уражцева арестовали, что делать?» Я говорю: «Отпустите, нужен он мне...»

- Спустя пару дней с вами обошлись иначе...

- Да. Когда мы приехали к Горбачёву в Форос 21 августа, он нас не принял - видимо, с ним уже переговорил Ельцин. Сразу вслед за нами на Ту-134 прилетают Руцкой, Бакатин, Примаков. А когда они стали возвращаться, позвали с собой в самолёт Крючкова: «поговорить», а на самом деле, чтобы нас разъединить. Крючкова по прилёте сразу и арестовали. Через 20 минут сел наш самолёт. Нас тоже тут же арестовали. Они для этого привезли на аэродром рязанскую школу милиции. Я же мог посадить на каждый аэродром по десантной бригаде. Что такое школа милиции и что такое бригада десантников? Но это была бы гражданская война. Стрельба, по крайней мере... И это точно.

- Для чего же вы тогда ввели танки в Москву?

- Войска были введены в Москву для охраны Кремля, водозабора, Гохрана - важнейших объектов города. Когда 19 августа 1991 года у Белого дома стал собираться народ, Грачёву позвонил Лобов, просить охрану у армии. Грачёв: «Поможем!» - и перезванивает мне. Я говорю: «Хорошо, направьте туда батальон». И генерал Лебедь появился со своим батальоном у Белого дома, зашёл к Ельцину и доложил: «Мы вас охраняем!» Тут вдруг «Эхо Москвы» передаёт, что Лебедя застрелили. А через несколько минут он появляется у меня в кабинете: «Я был у Ельцина, доложил ему, что мы его охраняем». Никто ведь не знал, как народ будет реагировать. Лужков с Поповым на автобусах завозили водку к Белому дому. И если сначала там было тысячи две человек, то к вечеру стало тысяч семьдесят. Многие просто перепились. Я не согласен, что существуют стипендии имени Ельцина. Ну кто он такой? Разрушитель Советского Союза. Так вот... Мы не собирались брать Белый дом, даже свет и телефоны там не отключили.

Я могу рассказать о Грачёве, который во время ГКЧП был якобы на стороне Ельцина, одну интересную историю, которая произошла за несколько месяцев до введения ГКЧП. Шестая воздушно-десантная дивизия Грачёва стояла в Туле. Туда в качестве председателя Президиума Верховного Совета РСФСР или уже в качестве президента России должен

был приехать Ельцин. Накануне его визита ко мне на приём просится Грачев: «Товарищ маршал, может быть, нам напоить Ельцина? Он тогда выступать не будет». Я отвечаю: «Проводи учение!» А мы незадолго до этого проводили показательные учения воздушно-десантных войск для министра обороны США Чейни. С самолёта прыгают девушки-десантницы с флагами, преподносят Ельцину цветы, а Грачев в это время говорит: «Борис Николаевич, надо в честь этого выпить!» И Ельцину подают фужер спирта. Он его выпил, стал весёлый. Потом накрыли стол. Ельцин, чтобы взбодриться, пошёл с Грачевым купаться в озеро - а это был месяц май. Короче, напился до чёртиков и так в Туле и не выступил. Вместо него выступал Лобов. Но в тот день Ельцин решил, что раз Грачев его поил - он его друг.

- Обстоятельства вашего назначения на должность министра обороны СССР в 1987 году носили - понятно, не по вашей воле - трагикомичный характер. Согласны, Дмитрий Тимофеевич? Какой-то Матиас Руст…

- …Всё это было сделано специально! Мы Руста прекрасно видели. Несколько раз реактивный самолёт пролетал рядом с ним, и если бы истребитель пролетел на полной скорости, то, не задевая Руста, просто перевернул бы его воздушной волной. С какой стати какому-то Русту было с таким риском лететь на какую-то Красную площадь? Но дело в том, что когда в 1983 году мы сбили корейский пассажирский самолёт, было принято решение: гражданские суда больше не сбивать. Может быть, Руст поэтому и летел так смело? Мы же понятия не имели, что эта «птаха» летит именно на Красную площадь. Над Москвой его уже, конечно, было поздно трогать - обломки бы посыпались на город. Важно помнить, что в этот самый момент министр обороны Соколов, Горбачёв и Рыжков были в Берлине на консультативном совещании стран Варшавского Договора. После известия о прилёте Руста Горбачёв на обратном пути демонстративно не взял Соколова в свой самолёт. У меня, конечно, нет данных, что Горбачёв мог заранее знать об этом полёте, но предполагать, что он о нём мог заранее знать, я имею право. Этот полёт - дискредитация Советской армии в глазах общественного мнения нашей страны и всего мира.

Я был на заседании политбюро, которое разбирало этот инцидент. В тот день в три часа ночи меня стуком в дверь разбудил зять - я закрыл телефон подушкой, чтобы он не мешал выспаться. Говорит: «Вас вызывает министр!» Приезжаю в генштаб, Соколов удивляется: «Я тебя не вызывал». Начальник генштаба Ахромеев говорит: «Это звонил я, тебе в 10 часов надо быть на политбюро». Открывает политбюро Горбачёв: «Позор на всю Европу! Какой-то самолетишко прилетел, понимаешь, болтался тут…» Дальше докладывал первый замминистра Лушев, остававшийся в Москве вместо Соколова. Горбачёв ему говорить не дал: «Хватит, садись!.. - и обращается к дважды Герою Советского Союза Александру Ивановичу Колдунову, главкому ПВО: - Давай ты, Колдунов!» И опять: «Да у тебя тоже одни оправдания!..»

- То есть Михаил Сергеевич хотел, чтобы тогда Руста сбили?..

- ...Слушайте дальше. Константинова, Героя Советского Союза, маршала авиации Горбачёв тоже сажает на место и обращается к министру обороны Соколову: «А тебе, Сергей Леонидович, тоже надо определиться!» Потом нас всех выпроводили, а члены политбюро ушли в Ореховую комнату. Через 20 минут Савинкин, заведующий Административным отделом ЦК КПСС, приходит за мной и ведёт к Горбачёву. Горбачёв говорит: «Мы решили, что ты будешь министром обороны». Я отвечаю: «Я не готов. В Москве всего-навсего три месяца в должности замминистра по кадрам». - «Мы тебе лишние сутки для вхождения в должность дадим...» Все смеются. Соколов мне подмигнул: соглашайся. Я Соколова знал и раньше, когда он был командующим Ленинградским военным округом, я у него был начальником отдела планирования и общевойсковой подготовки; крепкий мужик, сейчас ему 99 лет. Горбачёв продолжает: «Ты, Толя, - обращаясь к Лукьянову, - и ты, Лев, - обращаясь к Зайкову, - представьте его в шесть часов коллегии. Всё, ты - министр!» Вот так, по-хамски, со всеми на «ты»... Соколов передал мне ядерный чемоданчик; пришли ребята, рассказали, как с ним обращаться - там никаких разговоров не надо вести, фишки передвигаешь, даёшь ими команду на удар или на отмену удара. В подчинении у меня оказались пять маршалов: Ахромеев, Куликов, Соколов, Куркоткин, Петров. Но в результате мы работали дружно: с замами у меня никаких эксцессов не было.

- В вашу бытность министром обороны СССР проводился в жизнь договор СНВ-2, сыгравший негативную роль в обороноспособности Советского Союза. Вы были за его заключение?

- Нет, конечно... Тут интересно вспомнить, что это ещё Громыко (в 1957-1985 годах - министр иностранных дел СССР. - Авт.) нехорошо поступил в этом плане. Когда заключали рамки первого договора о стратегических наступательных вооружениях во Владивостоке во времена Брежнева, Громыко согласился с американцами не включать их флот в этот договор. Под сокращение вооружений подпадали наземные войска, воздушные войска... Брежнев к тому времени был уже болен и, честно говоря, не очень во всём этом разбирался. После Громыко министром иностранных дел стал Шеварднадзе. Но в дальнейших событиях виноват не столько он, сколько Горбачёв.

Когда они первый раз встретились с Рейганом (в 1980-1988 гг. - президент США. - Авт.) в Рейкьявике, Ахромеев сказал Горбачёву, что нельзя подписывать договор, не включив в него системы ПРО, - американцы хотели, чтобы шло сокращение вооружений, а они бы имели право продолжать создавать противоракетную оборону. Но Горбачёв потом всё же подписал такой договор. Кроме того, нам пришлось сократить раз в сто больше ракет, чем им. У американцев было всего штук 50 «Атласов», подпадающих под этот договор, - они их уничтожили, а основная масса их ракет осталась на флоте: на атомном подводном флоте - ракеты «Поларис», на полутора тысячах самолётов Б-52, которые мы согласились считать за один боеприпас, в то время как этот самолёт поднимал 12 ракет. У нас же было 6 ракетных армий, которые надо было

сокращать по этому договору!

Когда я стал министром обороны, я раз сказал Горбачёву: «Михаил Сергеевич, что же вы делаете-то?» Он: «Не твоё дело! Ты ничего не понимаешь!» Два сказал - та же самая реакция. Потом Горбачёву это надоело, и он назначил Зайкова (в 1986-1990 гг. - член Политбюро ЦК КПСС. - Авт.) председателем комиссии по разоружению. И вот мы: переговорщики, Министерство иностранных дел, КГБ, Министерство обороны - сходились в спорах в его присутствии, а Зайков нас мирил, чтобы не докучали своими спорами Горбачёву. О чём, в частности, шёл спор? Американцы на каждый дивизион, который мы уничтожали, присылали свою группу наблюдателей - разведчиков, проще говоря. Мы же могли послать в Америку на заводы, где производятся ракеты, всего две группы. По договору ОБСЕ мы должны были уничтожить 20 тысяч единиц бронетехники! Американцы в Америке не уничтожали ничего, французы около 60 штук, англичане - ничего. Тогда я в срочном порядке из Польши, из Германии, из Венгрии стал вывозить более современные танки на Дальний Восток, а старые - в Европу, чтобы под сокращение попали бы они. Что тут началось... Приехала Тэтчер! Только она уехала - приезжает Никсон! «Почему, - говорит, - вы так делаете?» Я отвечаю: «Ваш флот не входит под сокращение, и наш не входит. И моё дело, какими войсками этот флот укомплектовывать». Передал потом ещё современные танковые дивизии Балтийскому, Северному, Черноморскому и Тихоокеанскому флотам.

- Почему НАТО не прекратил своё существование одновременно с Варшавским Договором?

- ...С НАТО вот как получилось... Горбачёв уволил секретаря ЦК, отвечавшего за Варшавский Договор, и назначил на его место Александра Яковлева, бывшего посла в Канаде, которого спешно ввели в политбюро. Через год Варшавского Договора не стало.

Москва, апрель 2010 г.

Леонид Кравченко

Кравченко Леонид Петрович - экс-председатель Гостелерадио СССР. Родился 10 марта 1938 г. в Брянской области. В 1988-1990 гг. - генеральный директор Телеграфного агентства СССР (ТАСС). Обвинялся в исполнении приказов ГКЧП по введению политической цензуры 19 августа 1991 г.

- Многим, когда речь заходит о ГКЧП, до сих пор непонятно, почему по всем телеканалам в драматический для государства момент 19 августа 1991 года транслировался балет «Лебединое озеро», по сути, вышучивая серьёзность намерений властей?

- Да, действительно, танки на улицах Москвы в сочетании с «Лебединым озером» по телевидению выглядели для большинства населения анекдотично. Но для тех, кто знаком с тем, как тогда

составлялись сетки телевещания, ничего особенного в «Лебедином озере» в тот день не было. За две недели до ГКЧП, 5 августа 1991 года, мною были утверждены программы телевидения и радиовещания на неделю с 19 по 26 августа. В этом легко убедиться, посмотрев эти телепрограммы в газетах того времени. Далее. Каждый третий понедельник месяца у нас была регулярная рубрика «Музыкальный телетеатр», а 19-е число как раз и приходилось на третий понедельник августа 1991 года, поэтому мы и поставили в этот день один из выдающихся музыкальных телефильмов, балет «Лебединое озеро». Кроме того, тогда, в отличие от сегодняшнего времени, планируя время эфира премьеры какого-либо фильма и спектакля, мы опирались на глубокие социологические исследования зрительской аудитории, поэтому и понимали, что огромное количество людей работают в две, а то и три смены. Соответственно все премьеры показывались дважды, а иногда и трижды в день. Утвердив эту сетку вещания, я, в принципе, должен был уйти на следующий день в отпуск вместе с Горбачёвым, по соседству с ним - в Крым. Так было каждый год. Но на этот раз Михаил Сергеевич меня не отпустил, сославшись на то, что я должен готовить прямую трансляцию подписания Союзного договора, дату которого обещал уточнить.

По поводу одновременного показа «Лебединого озера» по двум каналам… В моём случае с синхронизацией каналов во время ГКЧП было прямое указание сверху. Но, в принципе, в истории советского телевидения Первый и Второй каналы синхронизировались многократно, и, как правило, это происходило во время траурных событий, связанных с кончиной глав нашего государства. Была отработана целая схема одновременной работы двух каналов, впервые применённая во время смерти Брежнева. Я, кстати, был одним из участников её внедрения. Леонид Ильич умер 10 ноября, в большой по тем временам праздник - День милиции. В то утро, после того как уже была объявлена программа передач на день, в телецентр приехала группа людей в штатском, среди которых был генерал. Собрав узкий состав руководства телецентра, они сообщили, что скончался генеральный секретарь ЦК КПСС, и попросили пересмотреть намеченные сегодня к эфиру передачи, но при этом не отменять программы, которые не носят развлекательного характера. Мы спрашиваем: «А как же концерт из Колонного зала, посвящённый Дню милиции?» Нам отвечают: «Он уже отменён. Вы по этому поводу не волнуйтесь. Просто сделайте объявление, что концерт не будет показан. И всё». Так что 10 ноября 1982 года телевидение работало практически как обычно, но уже на следующий день оба канала работали синхронно. Телевизионное меню было тщательно подобрано - соответствующие фильмы, музыка, в основном классическая… Но, хочу отметить, это было «умное меню», его разрабатывали талантливые головы, там было максимально возможное в таких условиях тематическое разнообразие передач - тогда это было целое искусство.

- Как вы узнали о введении чрезвычайного положения?

- В ночь с 18 на 19 августа я спал у себя на даче в подмосковной Жуковке. В полвторого ночи меня разбудил телефонным звонком

секретарь ЦК КПСС Манаенков. Он сообщил, что за мной сейчас приедет машина с охраной, которая отвезёт меня на Старую площадь, где мне всё объяснят. Действительно, через несколько минут - как будто она стояла в 20 метрах от дома - подъезжает машина. В салоне трое ребят. На сумасшедшей скорости - 140-160 километров в час - мы домчали до комплекса зданий ЦК КПСС. В два ночи меня принимают Манаенков и Прокофьев - первый секретарь Московского горкома партии. Объясняют, что есть план введения чрезвычайного положения либо в стране, либо в Москве, либо в Москве и Ленинграде. Точно пока это не решено, но документы о введении чрезвычайного положения уже готовятся. Мне было рекомендовано поехать домой в свою городскую квартиру, привести себя в порядок и в полпятого утра быть у Шенина, заместителя генерального секретаря ЦК КПСС. Вместо Горбачёва он, как тогда говорили, оставался на партийном хозяйстве. В назначенное время Шенин меня принял и рассказал, что чрезвычайное положение решено ввести только в Москве, что уже есть состав ГКЧП, подготовлены соответствующие заявления, обращения…

И добавил: «Нужно подумать, что делать с телеэфиром». Я изумляюсь: «Чтобы готовить такого рода мероприятия, надо было поставить в известность за день-полтора… Что вы делаете?!» - «Это не ваше дело!» А ситуация действительно получалась комичной. С 10 часов по местному времени Дальний Восток уже начал смотреть утреннюю информационно-развлекательную программу, которая так и называлась «Телеутро». Через каждые следующие два часа по системе «Орбита» повторялось то же самое «Телеутро» в регионах других часовых поясов с подключением нескольких сюжетов местного телевидения. То есть до 6 утра, когда мы вышли на так называемый московский нулевой пояс, большая часть Советского Союза посмотрела музыкальную информационно-развлекательную передачу. Я говорю Шенину: «Телевидение сегодняшнего дня должно было быть перестроено с учётом политических событий, а заменить уже спланированную сетку невозможно. Нет людей для того, чтобы быстро подобрать всё более-менее соответствующие ситуации передачи. Сами телепрограммы тоже не под руками, а в фильмофонде их надо заранее заказывать, привозить». Тогда мне и было сказано работать на одном телеканале, как это делалось раньше в чрезвычайных условиях, во время похорон генсеков. Был чёткий приказ.

- Предшествовали ли созданию ГКЧП какие-то нестандартные ситуации в вашей работе, указывающие на неразбериху в верхах?

- Всё, что предшествовало созданию ГКЧП, имело фактически детективную предысторию, о которой мало уже кто знает. Ну вот, к примеру, случай, имевший непосредственное отношение ко мне, которого, конечно, не могло быть прежде в СССР. 9 августа 1991 года я находился в Ленинграде. Вместе с Тернером (американский медиамагнат, основатель CNN. - Авт.), Собчаком и Русаковым - министром спорта. Мы должны были подписать совместное соглашение о проведении в Ленинграде очередных Игр Доброй воли с трансляцией их на весь мир. Днём во время обеда в

гостинице «Смольнинская» в банкетный зал вдруг вбегает перепуганная дежурная, которая занималась приёмом и размещением постояльцев, и громко кричит: «Здесь есть Кравченко?!» Я отвечаю: «Есть!» - «Вас срочно требует к телефону Горбачёв!»

Я иду к телефону в центральный холл, в котором к тому моменту остался лишь милиционер - всех остальных уже выгнали. Беру трубку: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич!» Он: «Ты чего там торчишь?» Объясняю. Горбачёв: «Это всё, конечно, важно, но ты мне срочно нужен. По обычному телефону я тебе ничего объяснить не могу, ты же понимаешь… Подписываешь соглашение, сразу на поезд и утром звонишь мне в Форос». На следующий день, продолжая недоумевать по поводу того, что президент воспользовался обычным телефоном, я приехал на работу. Только-только собираюсь связаться с Форосом, как неожиданно раздаётся звонок из Алма-Аты. На том конце дочь Назарбаева, журналистка Дарига: «Леонид Петрович! 12 августа у нас в Алма-Ате знаменательное событие: совещание руководителей всех союзных республик. Будут обсуждать перед подписанием Союзного договора сложившуюся в стране ситуацию. В связи с этим хотелось бы оформить красивый телевизионный день - организовать с вашей помощью телемост: Красная площадь - Алма-Ата с выступлениями фольклорных ансамблей, народными гуляниями, плясками и песнями». Спрашиваю: «Вы это совещание проводите с участием Михаила Сергеевича?» - «Нет. Он же в отпуске, пусть отдыхает». К этому времени я был уже достаточно опытным в этих делах человеком и среагировал мгновенно: «Я в вашем мероприятии без разрешения Горбачёва участвовать не буду. Я должен ему позвонить, сказать о вашей просьбе. С точки зрения Москвы ваше мероприятие - российское и российское телевидение должно заниматься организацией этого телемоста». После этого я действительно позвонил Горбачёву, который объяснил, что искал меня для того, чтобы сообщить: в понедельник 19 августа надо будет с 12 до 16 часов вести прямую трансляцию подписания Союзного договора. Я, в свою очередь, сообщаю ему о своём разговоре. Горбачёв изумляется: «Я об этом мероприятии ничего не знаю! Я просто поражён, что меня не поставили в известность! Я сейчас приму все необходимые меры, чтобы отменить это совещание…» Дальше последовала матерная тирада, но это совещание в Алма-Ате действительно не состоялось.

- В первый же день чрезвычайного положения, 19 августа, в программе «Время» вдруг появился сюжет корреспондента Первого канала Медведева о Ельцине на танке, зачитывающем протест действиям ГКЧП… Как он попал в эфир Центрального телевидения?

- Я его разрешил. Только попросил моего первого заместителя Лазуткина посмотреть монтаж этого репортажа, поскольку сам поехал домой хоть немного поспать. Сюжет, который Медведев показал Лазуткину, был длиной около 2 минут, а тот, который оказался в эфире «Времени», - 3-3,5 минуты. Медведев просто обманул Лазуткина: показал ему усечённую версию, а в эфир дал полную. Мне на дачу тут же раздался звонок из ЦК, что нет, мол, никакого управления телевидением… В

общем, попросили вернуться на работу…

- Что ведь не спасло ситуацию, Леонид Петрович: 20 августа в той же программе диктор вдруг начал зачитывать сообщения международных информагентств о том, что лидеры мировых держав осуждают введение ГКЧП, а Ельцин поручил прокурору России возбудить в отношении них уголовное дело…

- Дело было так. Накануне ко мне зашли ребята из службы внешних связей и рассказали о том, что в Москве работает огромное количество информационных международных компаний: «Они снимают, а у нас с ними договоры на трансляцию, поэтому могут быть неустойки». Я дал тайное распоряжение пустить их через другой, девятнадцатый, подъезд в телецентр. Они и передавали по спутниковым системам те сюжеты, которые снимали. Почему я так поступил? Дело в том, что к тому времени для меня всё стало ясно. Я дозвонился до Янаева, который одно время был моим соседом по дому и с которым мы были знакомы семьями. Спрашиваю: «Геннадий! Что за бестолковщина происходит? Всё идёт как-то не так, глупо… У меня под окнами стоят 140 человек из «Трудовой России», требуют студию, чтобы заявить о поддержке ГКЧП. Что мне делать?» Молчание. «Давай я открою им студию? Надо во что бы то ни стало сломать этот телевизионный день!» Вместо согласия во всех студиях вдруг возникли цензоры, которые взяли все папки под свой контроль. Это всё, что они смогли сделать. Но важно помнить, что к моменту возникновения ГКЧП только на Первом канале определённое количество общественно-политических программ ещё оставалось под моим, Гостелерадио, контролем, а целый ряд передач, таких, как, скажем, «Взгляд», были неуправляемы. Российский канал уже полностью был самостоятельным, ельцинским; ленинградское телевидение было ельцинским и Собчака. На это телевидение союзный центр к моменту введения чрезвычайного положения не мог оказывать никакого административного влияния. Борьба, которая велась между политическими деятелями, втянула в себя в лице известных и влиятельных журналистов средства массовой информации, многие из которых стали опорой Ельцина.

Кроме того, ГКЧП мне не доверял. Не доверяли они мне изначально, потому что боялись, что я «настучу» Горбачёву. Считали меня человеком Михаила Сергеевича. В чём-то они, конечно, были правы, но, в принципе, с их стороны это была большая ошибка. В данном случае речь ведь шла не о наших отношениях с Горбачёвым, а о судьбе великой страны. К этому времени я был противником Горбачёва, потому что он вместе с Ельциным - хотел он того или не хотел - становился главным разрушителем великого государства. И ради сохранения СССР я бы пошёл на союз с кем угодно. А меня, по существу, взяли в плен, но как профессионала не использовали. Вот и началась эта нелепость с телевидением с точки зрения его профессиональной подготовки и использования в период чрезвычайного положения. Ночные привозы, увозы, «Лебединое озеро»… Да что там «Лебединое озеро»! Когда я с документами о введении чрезвычайного положения - первым среди них, кстати, было рукописное заявление

Лукьянова - рано утром приехал в Останкино, меня и всех пришедших на работу сотрудников телецентра не пустили в здание! А в круглосуточно работающем телецентре тогда, между прочим, числилось 9200 работников. Ночная смена не может уйти, а дневная войти. Пока мои охранники из «девятки» - все трое подполковники - не решили эту проблему, я сидел в машине.

- Это был просто хаос, саботаж власти или её паралич?

- Был полный паралич власти. Приведу яркий пример. Во вторник, 20 числа, состоялось заседание ГКЧП. Я настоял на своём присутствии там, чтобы попытаться решить главный вопрос: рассинхронизации каналов. В среду должен был собраться Верховный Совет СССР, и предстояло вести прямую трансляцию его заседаний. Пуго (в то время министр МВД. - Авт.) мне позвонил и пригласил в Кремль. Я захожу в главное здание, как говорили раньше, «с уголка» - откуда когда-то входил Сталин. На втором этаже, в приёмной Янаева, стоит мой сосед по дому Юрий Харламов. Спрашиваю, как дела. Он: «Хуже некуда!» В этот момент выходит сам Янаев. Обнялись. Спрашиваю: «Ген, как дела?» - «Хуже некуда! Сейчас будет заседание, пошли на третий этаж». Идём пешком по лестнице, на которой нет света, и вдруг напарываемся на строительные «козлы»: кто-то днём занимался отделочными работами и не убрал их. И вот исполняющий обязанности президента СССР и я ныряем под эти «козлы», с трудом выбираемся на третий этаж и начинаем помогать друг другу стряхивать с костюмов пыль и грязь. Перед самым началом заседания я встречаю Ахромеева. Он начинает возмущаться: «Всё проваливается! Всё идёт в высшей степени бездарно! Сегодня из-за бездарных людей, скорее всего, будет уничтожена великая страна! Как мало для этого понадобилось денег ЦРУ...» А мы действительно знали, что ЦРУ стало вдруг гораздо меньше тратить денег на СССР - оно стало просто покупать людей. Ахромеев продолжает: «Даже здесь, я уверен, всё будет записываться для Ельцина! Здесь каждый четвёртый - ельцинист. Тут не хватает Варенникова, которого специально сослали. Был бы он здесь - в течение суток без жертв всё встало бы на свои места». Я говорю: «А что же вы?» Ахромеев: «Я не такой человек. Я не могу. Мне интеллигентность мешает». Наконец начинается заседание. Янаев неожиданно зачитывает заявление: «Ходят провокационные слухи, что мы в грядущую ночь намерены взять под жёсткий контроль Белый дом, арестовать российское правительство, применить силу... Но всё это вздорные слухи, не имеющие никакого отношения к тому, что происходит на самом деле. Поэтому я прошу Кравченко передать сейчас в эфир, в программе «Время», моё заявление...» И отдаёт мне бумагу. Но в этот момент заговорил Крючков и ряд других членов ГКЧП: «А зачем это делать? Зачем давать такие обещания? Тогда уж давайте просить по телевидению вернуться Михаила Сергеевича...» Янаев тут же мне: «Лёня, отдай назад бумагу!» Возникла жёсткая дискуссия.

Представители депутатской группы «Союз», которые тоже принимали участие в заседании, начали требовать изоляции Ельцина и его команды, чтобы избежать крови в стране. В это время в помещение заглядывает

женщина-секретарь: «Леонида Петровича Кравченко к телефону!» Звонит первый зампредседателя правительства Щербаков: «Леонид Петрович! Надо срочно разместить в ближайшей программе «Время» моё заявление о том, что в связи с болезнью председателя правительства Павлова руководство правительством СССР возлагается на Догужиева Виталия Хусейновича...» Я созваниваюсь с телецентром, даю соответствующие указания. В этот момент объявляется перерыв заседания и в приёмную первыми выходят заместители председателя правительства Догужиев и Маслюков. Оба мрачные. Я предлагаю им задержаться у телевизора: «Сейчас будет важное сообщение». Диктор зачитывает текст о назначении Догужиева исполняющим обязанности главы правительства в связи с болезнью Павлова. Догужиев, никого не стесняясь, громко выругивается матом, а Маслюков его обнимает: «Виталий, ну чего ты расстраиваешься? Пойдём отсюда. Поехали ко мне, выпьем по стакану и на том закончим всю эту комедию». И они действительно ушли. Заседание продолжалось, но поскольку главного я уже добился - было принято решение, что каналы должны работать автономно, - уехал и я. Утром дал распоряжение послать телевизионную технику к Белому дому и давать в эфир информацию со всех сторон и точек зрения.

- Вот вы говорите, что с точки зрения использования телевидения ГКЧП всё делало не так. А как, по-вашему, должно было работать Центральное телевидение в дни чрезвычайного положения?

- Понедельник надо было делать днём открытого телевизионного марафона. Ведь с самого утра уже стали приходить «перегоны» с заявлениями в поддержку ГКЧП. Кстати, в том числе от первых лиц Украины и Казахстана: Кравчука и Назарбаева. Их кассеты пролежали у меня в сейфе до вечера, а потом они же и попросили их вернуть. (Смеется.) Нужно было включить все студии СССР и пригласить туда людей разных возрастов и профессий: от военных до работяг, чтобы они высказывали своё мнение по поводу положения в государстве. Провести телереферендум. У ГКЧП ведь по стране была абсолютная поддержка - минимум 92 % населения. Таким способом ГКЧП с помощью телевидения одержал бы лёгкую победу.

Между прочим, сразу после краха ГКЧП Ельцин лично распорядился возбудить в отношении меня уголовное дело. У меня до сих пор хранится этот документ; его мне подарил Полторанин со словами: «Вот, написано лично его рукой». И с должности руководителя Гостелерадио меня тоже сначала пытался снять Ельцин. И даже издал специальный указ. Но этот указ не имел никакой силы, потому что назначал меня на этот пост не Ельцин, а Горбачёв, к тому же формально Советский Союз ещё существовал и, соответственно, указы президента России для союзных министров были нелегитимны. Спустя четыре-пять дней ельцинский указ о моём освобождении продублировал Горбачёв. Но сделал это юридически грамотно, без каких-либо жёстких мотивировок о моей политической позиции, в спокойной, нейтральной форме: освободить и всё. Не знаю, обращался ли по моему поводу Ельцин к Горбачёву, думаю, так оно и было. Горбачёв после августа 1991 года был очень послушным Ельцину.

- За год до смерти Ельцин в интервью сообщил о Горбачёве: «И во время путча он был информирован обо всём и всё время ждал, кто победит, те или другие. В любом случае он примкнул бы к победителям - беспроигрышный вариант…»

- Могу по этому поводу сказать, что весной 1991 года мы с Болдиным (член ЦК КПСС. - Авт.) случайно оказались на дне рождения Михаила Сергеевича, где Горбачёв с теми же самыми людьми, которые позже оказались в списке ГКЧП, открыто обсуждал три варианта введения чрезвычайного положения в стране.

Долго наблюдая Горбачёва, я за пару лет до ГКЧП пришёл к выводу, что в его природе, в его психологии заложен опаснейший для большого политика изъян. Об этом мне рассказали и те, кто с ним долго работал в Ставропольском крае, его ближайшие сподвижники тех лет. Они говорили, что Горбачёв умел подбирать команду, впитывать интересные инициативы, но для того, чтобы лавры этих инициатив были записаны за ним, возглавлял сам процесс их внедрения и, ввиду отсутствия всяких организаторских качеств, тем самым губил дело. А потом разгонял всю команду, перекладывая на неё свою вину. Так было всегда. Мураховский мне прямо говорил: «Леонид Петрович, пожалуйста, не обожествляйте Горбачёва, рано или поздно вы тоже станете его жертвой». И действительно, Горбачёв много раз пытался «сдать» и меня. Так что цитата Ельцина, которую вы мне привели, - правильный вывод.

- «Она (перестройка. - Авт.) привела к таким катастрофическим последствиям, которых не могли вызвать ни мировые войны, ни революции. Советский Союз был взорван изнутри небольшой группой влиятельных лидеров партии». Кого именно из лидеров партии вы имели в виду?

- Безусловно, Яковлев, безусловно, Шеварднадзе… Это главные действующие лица по разрушению Советского Союза. Очень талантливые люди. Влиятельные люди. Они смогли не только сами, лично, объединиться в своих разрушительных устремлениях, но и смогли породить множество своих сторонников в этом деле, и прежде всего с помощью средств массовой информации. Целый ряд газет того времени были практически их штабами. К примеру, «Московские новости». Была даже карикатура по мотивам известной картины «Совет в Филях», где Яковлев с Шеварднадзе занимали главные места в редакционном совещании этой газеты. В своих разрушительных целях они очень тонко использовали национальный вопрос. Самый тонкий в СССР. Начали с Карабаха, столкнув Азербайджан с Арменией. Шеварднадзе вообще «хорошо поработал» на Кавказе. Там они предали блестящего командующего Закавказским военным округом генерала Родионова. Его молодых 18-летних пацанов-солдат откровенно избивали в апреле 1989 года в Тбилиси; военнослужащие, выполняя приказ, просто стояли в оцеплении, а их, без страха получить сдачи, жестоко били грузины - мастера-самбисты, боксёры, борцы - сбивали их с ног. В этот момент из Америки, кажется, прилетает Горбачёв. Я его всегда встречал и

провожал, поэтому лично видел, как ему тут же доложили, что в Грузии произошла беда. Лигачев (в то время секретарь ЦК КПСС, член политбюро. - Авт.) говорит: «Давайте туда направим Шеварднадзе, он же всё знает на Кавказе». Шеварднадзе категорически отказывается. Яковлев его поддерживает: «Лигачев сейчас летит на отдых в Сочи? Ну, вот пускай заодно и в Тбилиси заедет, там близко, и во всём разберётся». Я это слышал своими ушами. Наглая, грубая подстава. Кончилось всё тем, что пролилась кровь, и весь мир стал возмущаться.

Удачно и практично спекулировали Яковлев с Шеварднадзе и на политической непросвещённости населения. Яковлев, к примеру, возглавив комиссию по расследованию обстоятельств подписания пакта Молотова - Рибентропа, законодательно протащил приятную для прибалтов оценку того, что произошло в 1939 году. После этого удержать прибалтов в составе СССР стало практически невозможно.

- Созданный «идеологом перестройки» Александром Яковлевым в пику западным «голосам», которые в конце 1980-х как раз перестали глушить, «Взгляд» тоже способствовал развалу страны?

- В вашей формулировке «созданный Яковлевым «Взгляд» есть некоторое преувеличение. В 1987 году секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев пригласил к себе первого зампредседателя КГБ Бобкова, Афанасьева от «Правды» и меня и объявляет нам: «Через три месяца мы прекращаем глушить западные радиоголоса. Поэтому сейчас самое главное: уберечь молодёжь от тлетворного влияния Запада» - эту фразу Яковлева я записал в блокнот, который у меня цел и сегодня, - «и поэтому мы должны за короткое время создать свои программы, особенно для утреннего и вечернего эфира». Я, в свою очередь, собрал у себя в кабинете талантливых ребят из молодёжной редакции и предложил им сделать эти музыкальные информационно-развлекательные программы. Смелые по сюжетам и фактам, неожиданные по интерпретации этих фактов.

Да, безусловно, «Взгляд» помогал в разрушении Советского Союза, но, с моей точки зрения, происходило это позже, когда эти ребята уже были народными депутатами РСФСР и входили в оппозиционную союзному центру партию. Конечно, это был бесподобный феномен, примеров которому в мире нет и не было. Я и сейчас не скрываю, что я подал идею «Взгляда», так же как, скажем, и идею «Прожектора перестройки», и помогал этим ребятам. Но когда «Взгляд» стал самодостаточной передачей, он тут же стал откровенно политизироваться, ребята ушли от своих изначальных интересов и целей: от бытовухи. «Взгляд» стал сугубо антипрезидентским, и было понятно, что сделать с ним уже ничего нельзя. Приведу красноречивый пример. В конце 1990 года Горбачёв решил ввести пост вице-президента и назвал Шеварднадзе одним из кандидатов на него. Но на ближайшем съезде народных депутатов СССР Шеварднадзе делает громкое заявление об угрозе демократии в Советском Союзе и уходит из официальной политики. У нас же на следующий день был запланирован «Взгляд», в котором Шеварднадзе

должен был выступить в качестве вице-президента; все были уверены, что он согласится на этот пост и его на него изберут. Я побежал к Горбачёву: «Михаил Сергеевич, что делать?» Тот только выругался матом. Тогда в телецентре мы садимся на телефоны и весь вечер ищем Шеварднадзе, чтобы уговорить его прийти завтра на передачу. Находим его помощника Игоря Иванова - будущего министра иностранных дел России. Он говорит: «Лёня, можешь не стараться - не найдёшь, его сам Горбачёв четвёртый раз ищет. Зарылся в листья», - шутит. Что делать? Листьев с Любимовым предлагают: «А может, повторить летнюю программу о том, как Шеварднадзе летал в Африку?» В этом полёте, прямо в самолёте, они взяли у него большое интервью. Я отвечаю: «Нет, ребятки, чепуха получится! Это же не музыкальная программа по заявкам телезрителей». Они не согласились. В назначенное время на экране появляется известный диктор Игорь Кириллов и читает официальное заявление «взглядовцев»: «В связи с тем, что мнение сотрудников «Взгляда» на итоги работы последнего съезда народных депутатов СССР резко расходится с оценками этого события председателя Гостелерадио СССР Леонида Кравченко, «Взгляд» сегодня в эфир не выйдет». Для всех, и прежде всего, конечно, для меня, это было полнейшей неожиданностью. Игорю ведь все доверяли и полагали, что он в прямом эфире, как это и планировалось, лишь формально объявит о переносе программы на следующую неделю, а тут такое... А всё дело было в том, что Кириллов получал от «взглядовцев» хорошие деньги. И давно получал. К этому времени была создана телекомпания «ВИД», с громадными средствами на счетах.

- «Считать генсека идеалистом, сражающимся за свободу вопреки всему, впрочем, тоже не стоит - бесцензурное телевидение было его надёжным соратником в борьбе внутри Политбюро». По вашим словам выходит, что мотивы у горбачёвской гласности, оказывается, были вполне прозаические...

- Более того, как только телевидение начинало задевать лично Михаила Сергеевича, он воспринимал гласность весьма условно. Но сначала он действительно всячески поощрял всё новаторское в телевидении, в частности программу «Проблемы. Поиски. Решения». Еженедельный выход в прямой эфир по пять-шесть министров во главе с заместителем председателя правительства, где они два с половиной часа отвечали на вопросы. Вопросы, как правило, острейшие. Вознесенский - его отец был расстрелян по знаменитому «ленинградскому делу» - был ведущим этой телепередачи. Все кассеты с записями этих программ я отправлял Горбачёву - прямой эфир он мог смотреть не всегда, и они с Раисой Максимовной их смотрели дома. Она же подсказала Горбачёву, что эти просмотры могут быть мотивом для пересмотра его оценок некоторых министров. А когда произошёл случай с Шеварднадзе, о котором я вам рассказал, и я поставил Михаила Сергеевича в известность о желании Листьева и Любимова дать повтор летнего «Взгляда» с интервью Шеварднадзе в самолёте, Горбачёв мне резко сказал: «Хватит «Взгляду» издеваться над президентом и правительством! Если бы я себя не считал

демократом, я бы его уже давно закрыл! Они последние полтора года, являясь рупором Демократической партии России, являясь членами депутатской группы этой партии, на федеральные деньги воюют со мной и правительством. Ты им это разъясни! Это недопустимо! Это не демократия!»

Раньше бы он, может, и не обратил бы на всё это внимания, но поскольку наступил период острейшего противостояния с Ельциным, Горбачёв такие вещи уже терпеть не мог. При этом важный нюанс: «Взгляд» я не закрывал. Я потребовал от них заключения договора, где было бы записано, что у «Взгляда» остаётся полная свобода выбора проблематики, что они могут критиковать всё, что угодно, но «Взгляд» не должен позволять себе откровенных антипрезидентских выпадов. Договор они не подписали. Ушли с телевидения, но продолжали готовить на деньги государства программу «Взгляд» и показывать её на различных московских вечерах. Развешивали объявления: сегодня там-то и там-то «Взгляд» из подполья»; к примеру, в «Доме кино». Вместе с ними выступали какие-нибудь артисты или музыканты. Вход платный. Кроме того, они стали продавать за рубеж довольно грязные сюжеты о советской действительности.

- Вы упомянули Раису Максимовну… Правда ли, что на ваш вопрос, зачем Горбачёв всюду берёт с собой жену, Михаил Сергеевич ответил: «… когда я без неё, я могу работать только на 40 процентов своего интеллектуального потенциала»?

- Правда, была такая фраза. А дело было так. К нам на телевидение регулярно приходило 50-60 тысяч писем в месяц с протестом, что Раиса Максимовна появляется с Горбачёвым в кадре «в голосе», как говорят профессионально, то есть одновременно с ним говорит. Я тоже чувствовал, что это становится фактором, влияющим на популярность Горбачёва, на отношение к нему в народе. И однажды я с большой пачкой наиболее характерных писем специально приехал к Михаилу Сергеевичу. Горбачёв мне говорит: «Ты такой же обыватель, как и другие. Во всём мире ездят с жёнами…» Я: «Во всём мире ездят с жёнами в зарубежные поездки, но не по колхозам и совхозам. К тому же в поездках бывает всякое, помните случай в Раменском?..» А в подмосковном Раменском, куда Горбачёв приехал с женой, было сыро, грязь… Раиса Максимовна поскользнулась и упала. Это было снято, но тут же, естественно, мною конфисковано и отослано Горбачёву. Все их совместные поездки мы тщательнейшим образом контролировали и старались не давать в прямом эфире, потому что иногда были позорнейшие накладки.

Помню, когда к нам с официальным визитом приехал Рональд Рейган, Раиса Максимовна вдруг решила в компании жены президента США Нэнси съездить на советско-американскую выставку в Сокольники, приуроченную к этому событию. Наши сотрудники едва успели за ними, бежали, снимали на ходу, но к программе «Время» успели. Но тут выясняется, что «в голосе» дать Раису Максимовну мы не можем по причине того, что она постоянно ошибалась и вместо «советско-

американские отношения» говорила «советско-армянские отношения». Технологически ликвидировать эту ошибку в принципе было можно, но для этого нужны были монтажные перекрытия - то есть нужно было сделать дополнительную подсъемку, где бы Раиса Максимовна сказала эту фразу правильно, и ею накрыть ошибочную. Но такой подсъемки из-за спешки Горбачёвой сделать не удалось и накрывать оговорку было нечем. Убедился в этом и присутствовавший в телецентре помощник Горбачёва. Тем не менее спустя 20-25 минут после начала программы «Время» мне звонит сам Михаил Сергеевич: «Неужели ты ничего не можешь придумать? Поставь её куда-нибудь в отдел культуры, после спорта, перед погодой… она должна быть в эфире!». Вот что значит непосредственное влияние Раисы Максимовны; что у Михаила Сергеевича в такие моменты происходило в мозгах, мне сказать трудно. Я звоню своему помощнику: «Срочно найдите советский и американский флаги. Оператора вместе с ними в студию! В прямом эфире возьмёте эти флаги в кадр. Перебивками ошибочных фраз Раисы Максимовны будут флаги». Затем, чтобы оттянуть время, мы добавляем в программу несколько резервных сюжетов, которые показывать не собирались. В результате раздел «Культура» открывается репортажем о посещении советско-американской выставки Раисой Горбачёвой и Нэнси Рейган. В тот момент, когда Раиса Максимовна делала свою оговорку, режиссёр микшировал звук, и в кадре появлялись советско-американские флаги, а затем мы вновь выходили на звук и дальше можно было продолжать с любой фразы. После окончания сюжета мне перезванивает Горбачёв: «Чего ж ты такой капризный? Вышло ведь!» Пришлось ему подробно обо всём рассказать.

- Помнится, вас, Леонид Петрович, обвиняли в том, что во время выступления в конце 1980-х опального Ельцина в американском университете вы его с помощью телехитростей «сделали пьяным», а трезвым не показывали вовсе…

- Мы пустили практически все сюжеты о тогдашнем пребывании Ельцина в Америке, в том числе его облёт на самолёте статуи Свободы. Не пустили в эфир только один позорнейший сюжет, когда Ельцин в Нью-Джерси под сильным подпитием спустился по трапу на поле аэродрома, где его встречали официальные лица и пять мисс Мира, и пошёл писать на колесо самолёта. Это было снято телевидением, но в наш эфир, конечно, не пошло. В отличие, кстати, от Америки, где этот кошмар был показан. А что касается выступления Ельцина в американском университете… Накануне его только в 5 утра уложили спать, рано подняли и очень боялись, что он не дойдёт до трибуны. Но он дошёл и выступал… Мы это показали. После этого ко мне приходит комиссия, которую уполномочил Верховный Совет России, чтобы разобраться с безобразием, почему показали пьяного Ельцина. При этом у депутатов есть подозрения, что это монтажные хитрости. Я распорядился выдать Ярошевской, которая возглавляла эту комиссию, все исходники. Но кроме тех, что лежали у меня в сейфе: у Ельцина ведь было много проделок наподобие «хождения под колесо». Ну, например, когда Ельцин был с

визитом в Киргизии, во время официальных проводов в самолёт его несли на носилках, при этом Акаев (в то время президент Киргизии. - Авт.) шёл сзади и держал под козырёк. И это тоже было снято. Иностранные журналисты, которые, конечно, потом показали этот сюжет, спрашивали у Акаева: «А зачем вы честь отдавали? Вы же не военный». Он отвечает: «Для меня это не важно. Я провожал своего гостя, руководителя большой державы, которого я должен уважать в любом состоянии». Так вот, возвращаясь к той комиссии Верховного Совета... Они убедились, что съёмка подлинная, а я им сказал напоследок: «Не изобретено ещё в мире такого оборудования, чтобы пьяного на телеэкране можно было сделать трезвым и наоборот. А теперь наберитесь терпения...» - И я открыл сейф и показал им те два сюжета, про колесо и носилки.

Кроме того, что должны быть какие-то моральные нормы на телевидении, что можно показывать, а что нет, я знал ещё одну важную вещь. Наш сердобольный народ устроен сложно: если будет валяться пьяный, его поднимут, оботрут, дадут водички. Показывать пьяного по телевизору - это не тот способ, чтобы дискредитировать его личность в нашей стране. Горбачёв этой особенности нашего народа не понимал. Теперь он горько сожалеет, что не отправил Ельцина послом в какую-нибудь страну, а тогда был очень самоуверенным по отношению к Борису Николаевичу и не считал его настолько опасным, чтобы куда-нибудь отсылать. Горбачёв полагал, что у Ельцина столько личных недостатков, в том числе и его пьянство, что в народе его никогда не полюбят. При этом Михаил Сергеевич не заметил, что в действительности его рейтинг опустился настолько низко, что на его фоне не так сложно было стать популярным даже Ельцину.

Москва, август 2010 г.

Анатолий Лукьянов

Лукьянов Анатолий Иванович - бывший Председатель Верховного Совета СССР. Родился 7 мая 1930 г. в Смоленской области. Доктор юридических наук, профессор МГУ. Привлекался к уголовной ответственности по делу о ГКЧП.

- Когда, кем и с какой целью был создан ГКЧП?

- 28 марта 1991 года в Ореховом зале Кремля обсуждалось положение в стране. На этом совещании Горбачёв создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева, в которую за исключением Стародубцева и Тизякова вошли все будущие члены ГКЧП: Янаев, Язов, Крючков, Павлов, Пуго, Шенин, Болдин. Эта комиссия по изучению возможности введения чрезвычайного положения в СССР имела даже свою печать. После совещания у Горбачёва члены созданной комиссии перешли в кабинет Янаева, где договорились, что сотрудники Крючкова, Пуго и Болдина проработают форму введения чрезвычайного положения в стране. Собиралась эта комиссия дважды: у Янаева и у Язова.

В принципе возможности введения чрезвычайного положения с

учётом Конституции и международной практики законом были проработаны группой генералов КГБ СССР, идеологическое подразделение которого уже тогда подготовило воззвание к народу, которое и было опубликовано в августе.

На этих совещаниях, кстати, вставал вопрос о том, что Горбачёв может отыграть и назад. Тогда, по воспоминаниям первого секретаря МГК КПСС Прокофьева, кто-то сказал, что в таком случае Янаеву быть в руководстве. И это правда, я был на этом совещании. Вот эта группа людей и ездила в Форос к Горбачёву. Хитрый и умный Гдлян очень точно сказал по этому поводу: если бы победило ГКЧП, Горбачёв въехал бы в Москву на красном коне, а победил Ельцин - он въехал на белом коне.

Таким образом, ГКЧП было задуман и создан по указанию Горбачёва. Судом признано, что никакого заточения Горбачёва на даче в Форосе не было, у него была полная возможность приехать в Москву. Члены ГКЧП, которые первый раз ездили к Горбачёву, просили его поддержать их в том, чтобы не допустить подписания конфедеративного договора. Они ссылались на то, что, согласно решению Верховного Совета, это должно произойти в сентябре на съезде народных депутатов. У президента СССР были все возможности не допустить введения чрезвычайного положения, немедленно возвратившись в Москву вместе с теми, кто прилетал к нему в Крым, или, как крайний случай, задержав их в Форосе. Следственные материалы подтверждали это однозначно. Я даже не говорю о том, что соотношение числа лиц, приехавших из Москвы, с численностью форосской охраны президента было, по крайней мере, один к ста. Но, как мне рассказывал покойный генерал Варенников, Горбачёв сказал им тогда: «Чёрт с вами! Действуйте!»

- Что лично вы и возглавляемый вами Верховный Совет делали для спасения СССР?

- Когда готовился Союзный договор, в обсуждениях которого я тоже участвовал, на тексте этого договора я написал своё особое мнение, что он является договором не союзным, а конфедеративным, что он противоречит мартовскому референдуму, на котором 76,4 % граждан СССР высказались за сохранение страны. К договору также были приложены мнения трёх больших групп юристов о том, что договор незаконен. Накал при обсуждении был очень большой. Все республики выражали своё мнение. Азербайджан и Армения пошли по пути Прибалтики. Очень колебалась Украина.

В этих условиях Верховный Совет СССР был вынужден принять решение - и его поддержал съезд народных депутатов - об обязательности сохранения СССР как союзного государства. Мы приняли несколько законов, призванных спасти СССР, закон о едином гражданстве, к примеру. В результате возникла серьёзная конфронтация между Горбачёвым и Верховным Советом. Мне даже пришлось выступить на июльском пленуме ЦК КПСС в 1991 году. Это было настолько резкое выступление, что в перерыве один из членов Политбюро ЦК подошёл ко мне и сказал: «Ты ещё поплатишься за своё выступление!» Кроме прочего,

подогревание нашего внутреннего раздрая со стороны зарубежных стран было невероятным!

- Многие предпочитали уйти из власти, чтобы не нести ответственность за распад державы.

- В этой обстановке я дважды ставил перед Горбачёвым вопрос о том, что я не буду больше занимать должность Председателя Президиума Верховного Совета, поскольку не могу защищать Союзный договор, который идёт вразрез с мартовским референдумом. В ответ мне стали приписывать какие-то карьерные устремления... Ничего подобного не было! Я тогда сказал Горбачёву, что буду отстаивать позицию партии, даже если останусь один. На что Горбачёв мне ответил: «Мы будем вдвоём».

- Что фактически стало главной причиной распада СССР?

- Фактическая точка в существовании Советского Союза была поставлена 29-30 июля 1991 года в Ново-Огарёве, когда там встретились три человека: Горбачёв, Ельцин и Назарбаев. Во время споров по Союзному договору возник вопрос по поводу новой бюджетно-финансовой системы СССР. Ельцин настаивал, чтобы вместо двухканальной бюджетной системы ввести одноканальную. То есть все налоги поступали бы отныне не в бюджет Союза, который потом распределял бы их по республикам, а в бюджет республик, которые из этих денег давали бы средства на поддержание государством своих функций СССР. Выступая на этой встрече, я напомнил Ельцину, с чего началась Гражданская война в США. А она началась с того, что три штата начали отстаивать именно одноканальную бюджетную систему.

Понимая, что проект договора в его последней редакции может не получить поддержки в Верховном Совете и уж тем более на съезде народных депутатов СССР, Горбачёв предложил президентам России и Казахстана подписать его не в сентябре - октябре, как это было заранее оговорено, а буквально через три недели - то есть в августе 1991 года. Именно в обмен на это Горбачёв позволил Ельцину из статьи 9 проекта договора собственноручно вычеркнуть слова: «Указанные налоги и сборы вносятся плательщиками непосредственно в союзный бюджет». Одновременно Горбачёв взял на себя обязательство издать сразу после подписания этого договора указ о переводе под юрисдикцию России всех предприятий союзного подчинения, расположенных на её территории.

- Зачем это всё нужно было самому Горбачёву-то?

- Подписание такого Союзного договора без съезда народных депутатов позволяло Горбачёву сохранить должность союзного президента, а с другой стороны - ликвидировать Союзное государство как федерацию советских республик. Ведь обстановка в стране постоянно накалялась. Появилась многопартийность. Появились мнения Сахарова, мнения других либеральных общественных деятелей. Горбачёв думал, что, оперевшись на них, у него появится возможность дистанцироваться от Верховного Совета и от съезда народных депутатов, которые не

позволяли ему добиться единоличной власти.

Меня за мою позицию по поводу Союза впоследствии стали обвинять чуть ли не в организации ГКЧП, хотя на самом деле это было не так.

- Что это было за «подогревание нашего внутреннего раздрая» из-за рубежа, о котором вы упомянули?

- В качестве ответа могу процитировать малоизвестное в России выступление экс-премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер, состоявшееся в США, в Хьюстоне, в ноябре 1991 года. В этом выступлении она всё назвала своими именами: «Советский Союз - это страна, представляющая серьёзную угрозу для Западного мира. Я говорю не о военной угрозе - её, в сущности, не было, наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой экономике и сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достичь высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Причём основным было навязывание гонки вооружений. Важное место в нашей политике занимал учёт несовершенства Конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики. Причём практически простым большинством голосов членов её Верховного Совета. Правда, реализация этого права в то время была практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И всё-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики. К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась стабильной. Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов - я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере возможности способствовала эмиграции из СССР нужных специалистов. Этим человеком был Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты. И поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен. Большие споры экспертов вызвал вопрос о выдвижении Бориса Ельцина в качестве лидера народного фронта с последующей перспективой избрания его в Верховный Совет Российской Федерации в противовес лидеру СССР Горбачёву. Большинство экспертов были против кандидатуры Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности. Однако состоялись соответствующие контакты и договорённости, и решение о

проталкивании Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России и была принята декларация о суверенитете России. Вопрос - от кого, если Советский Союз был в своё время сформирован вокруг России. Это было действительно началом распада СССР. Ельцину была оказана существенная помощь во время событий августа 1991 года. Когда руководящая верхушка СССР блокировала Горбачёва, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР, сторонники Ельцина удержались. Причём он обрёл значительную, хотя и не полную реальную власть над силовыми структурами. Все союзные республики воспользовались ситуацией и объявили о своём суверенитете. Правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключающей членства в Союзе. Таким образом сейчас де-факто произошёл распад Советского Союза, однако де-юре Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза». Вот так!

- Как же вы не разглядели в своём друге юности Горбачёве потенциального предателя?

- Да, считается, что я чуть ли не с юношеских лет хорошо знал Горбачёва. Это неправда, которую придумал Рой Медведев. Он нашёл университетскую газету того времени, где было написано, что секретарём курсового бюро ВЛКСМ был Лукьянов, а его заместителем Горбачёв. Но, во-первых, я был на два года старше, а во-вторых, был уже заместителем секретаря комитета комсомола МГУ. Хотя Лукьянов действительно учился на одном курсе с Горбачёвым, но Андрей Лукьянов - «А. Лукьянов», как было указано в заметке. А Рой Медведев во всеуслышание на съезде возьми и объяви нас друзьями.

Я могу лишь сказать, что этот парень-комбайнёр Миша Горбачёв действительно жил у нас в общежитии на Стромынке. Хваткий был, но… В моём служебном распоряжении в последующие годы были архивы Сталина… Да что там Сталина! Горбачёв был значительно слабее Брежнева - я работал с Брежневым над Конституцией. Может быть, его можно сравнить с Хрущёвым - я работал и при Хрущёве.

Говорят, что бывший чехословацкий диссидент Зденек Млынарж, которого я, как и Горбачёва, тоже помню ещё по университету, вспоминал, как на Воробьёвых горах молодой студент Горбачёв поклялся ему покончить со «сталинским социализмом». Клятв я таких не слыхал, а помню Горбачёва как правоверного защитника социализма и коммунизма, красноречивого и непримиримого ко всякого рода «отступникам».

Кстати, лишь однажды за всё время работы с Горбачёвым я услышал от него критическую самооценку. Это произошло на Крестьянском съезде, когда делегаты стали на фактах доказывать союзному президенту, что при его молчаливом согласии в стране идёт деградация сельского хозяйства. Пытаясь как-то оправдаться, Горбачёв был вынужден тогда сказать: «В чём-то у меня не хватило ума и умения выслушать». Тут он был прав.

- После ГКЧП вы встречались с Горбачёвым?

- После ГКЧП я видел Горбачёва лишь один раз - мы столкнулись в МГУ на Дне юридического факультета. Оказались там одновременно. Не разговаривали. Это было исключено!

Москва, март 2010 г.

Андрей Луговой

Андрей Константинович Луговой - член комитета Госдумы по безопасности. Родился 19 сентября 1966 г. в Азербайджане. Работал в 9-м Управлении КГБ СССР - охране высших лиц государства.

- В советское время вы начинали свою карьеру в Кремлёвском полку 9-го Управления КГБ СССР. Принимались ли усиленные меры охраны Кремля в связи с введением ГКЧП в 1991 году?

- В ночь на 19 августа 1991 года именно я в звании старшего лейтенанта был ответственным офицером в военном лагере Кремлёвского полка, поэтому определённо могу сказать, что в связи с образованием ГКЧП у нас не проводилось никаких специальных дополнительных мероприятий. Не было никаких сигналов тревоги, звонков, предупреждений от дежурного по части. Более того, именно в тот день я проспал так называемый «контроль-утро» - проверку утреннего подъёма личного состава. Быстро встал, умылся, не включая телевизор, позавтракал и пошёл встречать автобус с приезжающими офицерами. И когда меня спросили: «Ну, как дела в связи с новыми событиями?», я понятия не имел, о чём разговор.

- Что конкретно входило в ваши функции?

- Кремлёвский полк охранял все подъезды к Кремлю. В моё время особой задачей нашего полка была также и охрана спецсектора отдельного авиационного отряда номер 235 «Аэрофлота». Проще говоря, стоянки самолётов наших высших должностных лиц. Когда в специальный сектор аэропорта «Внуково» прилетали высокопоставленные зарубежные должностные лица, там выставлялся исключительно караул Кремлёвского полка. Кремлёвский полк часто использовался для выполнения локальных задач безопасности на территории Кремля: охраны съездов КПСС, заседаний Верховного Совета СССР, съездов народных депутатов.

- Могла ли стотысячная толпа, нередко устраивавшая демонстрации на Манежной площади рядом с Кремлём в 1990-1991 гг., взять его штурмом?

- Думаю, что стотысячная толпа взяла бы Кремль штурмом достаточно легко. Ведь если такое количество людей полезет на стену, то у полуторатысячного кремлёвского полка попросту не хватит патронов отбить такую атаку. Но это лишь буквальный ответ на ваш вопрос. Полагать, что Кремль охраняют исключительно с точки зрения массовых беспорядков и возможных нападений огромной толпы, - неверно.

Организация безопасности территории Кремля ориентирована в первую очередь на реальные угрозы террористического характера в отношении первых лиц государства, а также на охрану их от возможных покушений всякого рода сумасшедших.

- Что делалось в СССР для пресечения массовых беспорядков?

- Для пресечения массовых беспорядков, которые теоретически могли бы случиться в непосредственной близости с Кремлём, во времена СССР было организовано взаимодействие Кремлёвского полка с подразделениями милиции, в том числе и с дивизией имени Дзержинского. Кроме того, во времена 9-го Управления КГБ СССР в Тёплом Стане дислоцировалась - да и сейчас дислоцируется, только под другим названием - так называемая отдельная бригада специального назначения, которая напрямую подчиняется Генеральному штабу Министерства обороны. Вот как раз эта бригада и предназначалась для возможных войсковых операций против толпы. Кстати, в августе 1991 года именно эта бригада специального назначения - а не Таманская и Кантемировская, как принято думать - вошла в центр Москвы и взяла под охрану Кремль и Белый дом. Так что, в принципе, безопасность Кремля со всех точек зрения, конечно же, обеспечивается очень надёжно.

- Как влияло на работу вашей структуры госбезопасности противостояние Горбачёва и Ельцина?

- На исходе Советского Союза безопасность первых лиц союзного руководства осуществляло, как уже упоминалось, 9-е Управление КГБ СССР, а безопасность руководства РСФСР - непонятная, полувоенная организация под названием Служба безопасности президента (СБП) России, которую возглавлял Коржаков. Между руководителем «девятки» Плехановым и Коржаковым шло жёсткое противостояние. Коржаков заявлял, что «девятка» мешает ему работать. Когда Ельцин въехал в Кремль, это противостояние спецслужб перешло уже на личностный уровень. Многие старшие руководители бывшего 9-го Управления КГБ - и в этом трудно согласиться с Коржаковым - были попросту уволены из органов. На их место поспешно брали людей, которые ни к КГБ, ни к «девятке» не имели никакого отношения. То же самое происходило и на уровне охранников. Ведь СБП занималась охраной только Ельцина, а когда тот встал у власти, естественно, потребовалась профессиональная охрана и остальным российским высшим должностным лицам, которую и поручили ГУО (впоследствии - Федеральная служба охраны (ФСО). - Авт.).

При Ельцине штат ФСО был значительно увеличен. Но вызвано это было исключительно характером ведомственного дележа той поры. Делили ведь не только объекты, но и штаты. К примеру, группа «Альфа» перешла в ведение ФСО, а затем её опять вернули в ФСБ, создав центр специального назначения. Эта ведомственная чехарда длилась два-три года. Но охрана с советских министров и членов Политбюро КПСС была снята сразу же после отставки Горбачёва и тут же назначена новым политическим деятелям России.

- Претерпела ли изменения работа, связанная с охраной госдеятелей, после распада СССР?

- Конечно, в Советском Союзе опасности для жизни и здоровья первых лиц государства было меньше. И власть была посильнее, и угроз подобных нынешним не было. О терроризме тогда ведь никто и не слышал. А тут вдруг появилась открытая информация о жизни и быте лидеров государства. Кроме того, радикальные экономические реформы, повлёкшие за собой демонстрации, забастовки, сильно увеличили угрозу для жизни и здоровья руководителей России. Но на их безопасности это никак не отражалось. Сложившаяся ещё в советские времена система охраны первых людей страны по-прежнему работала слаженно и надёжно.

Москва, июль 2009 г.

Аркадий Мурашов

Мурашов Аркадий Николаевич - член Политсовета Московского областного регионального отделения партии «Союз правых сил». Родился 2 декабря 1957 году в городе Жагань (Польша). Экс-сотрудник Института высоких температур АН СССР. Бывший ответственный секретарь Межрегиональной депутатской группы в 1989-1991 гг. В 1991-1992 гг. - руководитель ГУВД г. Москвы.

- Почему мэр Москвы Гавриил Попов именно вас, сугубо штатского человека, назначил на должность руководителя столичного ГУВД сразу после ГКЧП?

- Такая идея пришла Гавриилу Харитоновичу, видимо, во время августовских событий 1991 года. Быть может, она у него была и раньше, но, по крайней мере, в разговорах со мной он ссылался на то, что в те непростые дни московская милиция стала неуправляемой. Должен сказать, что к августу 1991 года вся российская милиция - за исключением внутренних войск Москвы и Ленинграда - уже не подчинялась министру внутренних дел СССР Пуго, а перешла в полное подчинение руководителю МВД РСФСР Баранникову. При этом столичное ГУВД, которое формально являлось структурой двойного подчинения - союзной власти и мэрии, заняло выжидательную позицию: ни во что не вмешивалось, ждало, чья же возьмёт. Попов, который к этому моменту работал мэром Москвы уже больше года, был страшно разозлён этой ситуацией, и, я думаю, именно тогда ему и пришла идея поставить во главе столичной милиции преданного и верного ему человека. Попову нужен был стопроцентный контроль за тем, что происходит в московском ГУВД и других силовых структурах, ещё и потому, что как раз в августе 1991 года была запрещена деятельность КПСС, партийные ячейки которой в силовых структурах традиционно считались её идеологическим оплотом.

Первым из задуманных Поповым кадровых перестановок состоялось назначение на должность руководителя столичного ФСБ моего хорошего товарища и помощника Гавриила Харитоновича - Жени Севастьянова; чуть

позже, в середине сентября 1991 года, дошла очередь и до меня. С Женей мы оба были физики, вышли из одной академии наук: он - геофизик, работал в Институте геофизики земли, а я - плазменный физик, трудился в Институте высоких температур. В конце 1980-х, когда Попов был фактическим руководителем Межрегиональной депутатской группы, я являлся одним из ближайших его соратников - ответственным секретарём этой группы. К моменту моего назначения в ГУВД мы с Гавриилом Харитоновичем уже работали несколько лет в абсолютно тесной связке с очень высокой степенью взаимопонимания. Поэтому нет ничего удивительного, что, когда Попов решал вопрос, на кого он сможет опереться в ГУВД Москвы, он выбрал меня, за которым действительно впоследствии чувствовал себя как за каменной стеной.

- Само по себе ваше назначение ведь не означало автоматического подчинения всего кадрового состава?

- Силовые структуры есть силовые структуры, там есть устав, присяга, люди носят погоны... Тогда эти профессиональные инстинкты ещё не были потеряны, но в то же время - время разгара перестройки и реформ - эти структуры уже отчасти были пропитаны демократическими веяниями. Да, когда было объявлено о моём назначении, милиционеры поначалу устроили мне обструкцию, которая заключалась в том, что они начали везде ходить и на меня жаловаться. Гавриилу Харитоновичу даже пришлось провести по этому поводу специальное мероприятие. Он собрал всех 33 начальников московских РУВД, представил меня им. У нас возникла своего рода возможность выяснения отношений: они могли предъявить свои претензии мне прямо в глаза. Но смелым оказался только один бойкий полковник по фамилии Никитин, по-моему, из Ждановского или Люблинского РУВД: «Зачем вы назначаете на эту должность человека, который в работе милиции ничего не понимает?!» Все остальные трусливо молчали. Кстати, позже, когда весь высший начсостав был выведен за штат и я по новой назначал себе заместителей, то я в первую очередь вспомнил именно о полковнике Никитине и сделал его своим первым замом. Согласился он, между прочим, совершенно спокойно, невзирая на то, что ещё недавно говорил обо мне критические вещи. Тем не менее назначение это, как показало время, оказалось неудачным, меньше чем через год с Никитиным пришлось со скандалом расстаться.

Объективности ради всё-таки следует сказать, что обструкция Никитина не была единственной: другие подразделения тоже по-разному выражали своё недовольство моим назначением. Некоторое время у меня ушло только на то, чтобы эти недовольные настроения в милицейской среде исчезли. И они исчезли. Важно же помнить, что за мной стояла не только городская, но и российская власть, а с сентября по декабрь 1991 года, пока оставался СССР, меня поддерживал ещё и Горбачёв. Так что милиции некуда было деться. Кстати, меня изначально поддержали многие низовые сотрудники ГУВД Москвы, да и среди авторитетных в милицейской среде людей оказались те, кому такой кадровый ход Попова пришёлся по душе. Например, бывший начальник МУРа, ныне покойный

Егоров Анатолий Николаевич, который в то время был народным депутатом РСФСР, моим коллегой по депутатскому корпусу. Его я тоже сделал моим вторым первым замом, начальником криминальной милиции. Ситуации моего отторжения кадровыми милиционерами продолжались всего-то около месяца, а уже к концу 1991 года у нас со всеми моими подчинёнными были нормальные, рабочие отношения.

- За окном вашего милицейского кабинета был тогда криминальный разгул… О бандитах было время вспомнить?

- Самое страшное в криминальном смысле время при мне ещё не началось. Ведь цены-то отпустили только с 1 января 1992 года, а весь этот рэкет и разборки в больших масштабах начались тогда, когда частные лица уже стали владеть большими деньгами, когда возникли солидные негосударственные финансовые структуры, то есть позже: в 1993-1995 годах. Моё время - это время стихийных вещевых рынков, когда вокруг «Детского мира» стояли ящики, на которых старушки продавали носки, кофты и тому подобные изделия. Крупный криминал, конечно, тоже был, но, повторяю, не в таких масштабах, которые случились позже.

Глава III. Горбачёв: измена или безволие?

Читатель, конечно, заметил, что в книге не хватает главного свидетеля (по мне, так главного участника) развала Советского Союза - Михаила Горбачёва. Виновата, однако, не профессиональная брезгливость автора по отношению к человеку, предавшему свою страну и свой народ, а активное нежелание Михаила Сергеевича давать интервью непроверенным СМИ и журналистам. Что, конечно же, является лишним доказательством, что рыльце последнего генсека, мягко говоря, в историческом пушку. Впрочем, уверен, что словесный понос товарища Горбачёва, от которого подташнивало даже привыкший ко всему советский народ, сегодня, в эпоху, когда содержательность является главным критерием читательского внимания к любому мало-мальски серьёзному тексту, к нашему журналистскому расследованию ничего не добавил бы. Так что обойдёмся без господина Дадуды.

Чтобы сразу расставить все точки над i, добавлю: главным виновником распада великой державы считаю её последнего руководителя Михаила Горбачёва. Ибо не было ни в 1985 году, ни позже никаких объективных причин для гибели Советского Союза. Нынешняя демагогия не слишком последовательных в своих умозаключениях ораторов о том, что СССР, мол, был колоссом на глиняных ногах, разумеется, действительности не соответствует. Подробную аргументацию из уст ведущих советских экономистов читатель узнает из главы «Народное хозяйство и бесхозяйственность», поэтому не будем забегать вперёд, а остановимся на личности Михаила Сергеевича.

Поразительно, но абсолютно все знавшие или не знавшие, работавшие или не работавшие с Горбачёвым люди, в том числе и сохраняющие по сей день с ним тёплые отношения, утверждают в этой

книге, что масштаб личности Михаила Сергеевича не соответствовал стоящим перед ним задачам. Единодушие, согласитесь, показательное. Но ведь отнюдь не обязательно, что сам по себе маленький человек во главе великой державы является фактором её разрушения. История знает немало примеров, когда посредственный правитель по крайней мере не мешал жить вверенному ему государству, а некоторые, окружив себя толковыми помощниками и не связывая им руки, даже умудрились остаться в памяти потомков как выдающиеся руководители. Лучший друг Михаила Сергеевича покойный президент США Рональд Рейган, например, как известно, начинал утро с рассматривания комиксов, тяготился бумажной рутиной, порой засыпал на заседаниях, однако ж благодаря ему словарный запас американцев обогатился термином «рейганомика», а «холодная война» вконец измотала главного врага Америки - СССР. А всё потому, что бывший артист Голливуда Рейган знал своё ритуальное место в политической элите США, а реальную работу за него делали высококвалифицированные помощники. Да, лавры доставались Рейгану, но не мешать подчинённым - это тоже талант начальника.

Горбачёва такая ситуация категорически не устраивала. Вернее, пожинать плоды успеха он был не прочь, но передоверить бразды правления страной (пусть и частично) кому бы то ни было не мог генетически. Вспомните многочасовые телетрансляции заседаний Верховного Совета СССР под председательством Горбачёва. Складывалось ощущение, что у первого лица Советского Союза вагоны времени, а нудная говорильня для него просто лекарство от скуки. В предыдущей главе читатель уже узнал мнение председателя Гостелерадио СССР Леонида Кравченко по поводу того, что Горбачёв, словно наркоман дозы, всякий раз жаждал получить свой кусочек популярности за любое начинание в экономике, в политике, в чём угодно. В результате оттирал от руля инициативных подчинённых, чем губил дело. Есть в этой странной приверженности покрасоваться рядом с новостроем даже в ущерб самому строительству что-то патологическое. Надеюсь, когда-нибудь медики скажут своё слово.

Но болезненное тщеславие Горбачёва было хоть и бедой для СССР, но не главной, приписывали же все победы социализма одному Леониду Брежневу, который, правда, в отличие от Горбачёва в процесс достижения этих побед не вмешивался, а значит, и не мешал. Фатальным для Советского Союза оказался реформаторский зуд последнего генсека, помноженный на его слабый характер. Почему бывший комбайнёр, провинциал, проживший всю жизнь (за исключением учёбы в вузе) в Ставропольском захолустье пусть и не последним человеком, с ходу в карьер взялся переделать великую державу? Отчасти ответ на этот вопрос я уже дал в предисловии к предыдущей главе: психология представителей позднего кремлёвского ареопага была такова, что их личные качества (талант, сила воли, мудрость и т. д.) зачастую не только не были пропорциональны занимаемым ими должностям, но ещё и само собой подразумевалось, что чем просторнее начальственный кабинет, тем бо€льшими стратегическими достоинствами наделён его обладатель.

Говоря проще, имелось в виду, что умнее человека (причём во всех смыслах), чем тот, что сидит в кабинете генсека, в стране нет, чуть менее умный занимает кресло председателя правительства, ещё менее умный руководит министерством и так далее, ну а если самое высокое кресло в стране займёт новый человек, значит, быть ему и самым умным. То есть само кресло руководителя сверхдержавы стало моральным основанием для Горбачёва начать её перестройку.

Оставим для соответствующих глав детали бессмысленных попыток Горбачёва подчинить себе гласность и его бессистемного шараханья в экономике, когда Горбачёв, словно бегемот в болоте, беспокойно ворочался, самогубительно расплёскивая воду, и обратимся к главной мысли: а был ли у Михаила Сергеевича умысел развалить Советский Союз. Думаю, что Горбачёв раньше всех понял, что появились ранее не виданные центростремительные силы, способные унести в тартарары великую страну, а поскольку никаких реальных, а не на словах попыток воспрепятствовать этим процессам он лично не делал, то, конечно, обвинить раннего Горбачёва как минимум в преступной бездеятельности и халатности можно и нужно. Но точку на этом, однако, ставить рано. Ибо к концу существования СССР роль Горбачёва в разрушении страны кардинально меняется: Горбачёв начинает прикладывать определённые усилия для того, чтобы иные коллеги во власти не препятствовали разрушению державы. Ниже читатель ознакомится с пронзительно искренним рассказом второго человека в стране, Председателя Совета Министров СССР Николая Рыжкова, о том, как его «ушёл» из власти Горбачёв. А ведь Николай Иванович был серьёзным противовесом Ельцину, то есть нейтрализовывал будущего могильщика СССР в его переговорах с Горбачёвым - сказывалась совместная работа Рыжкова с Ельциным в свердловские времена.

Кстати, именно Ельцина, а не Горбачёва некоторые часто обвиняют в развале Советского Союза, тем самым обеляя Михаила Сергеевича. Полноте. Да, формально Беловежские соглашения были инициированы Борисом Николаевичем, но если бы не Горбачёв, не было бы и Ельцина, вернее, не было ты того Ельцина, которого мы знали в конце 1980-х - начале 1990-х: прущего, словно танк, на бастион под названием «целостность страны». Сегодня Михаил Сергеевич кокетливо сокрушается, что не отправил в своё время первого секретаря МГК КПСС Ельцина послом в далёкую страну, а сделал министром, а потом и вовсе допустил в Председатели Верховного Совета РСФСР. Знал бы, мол, чем всё обернётся, упёк бы раздухарившегося партийца куда Макар телят не гонял. Не будем, однако, спешить верить вдруг «прозревшему» Горбачёву. Юрий Прокофьев, бывший партийный босс Москвы, расскажет в этой главе, как на собраниях партийного актива горкома генеральный секретарь пугал столичных коммунистов тем, что, если они будут плохо себя вести, он вернёт опального Ельцина. Вот вам и разгадка, почему Борис Николаевич, поднявший партийный голос аж на самого Михаила Сергеевича, не уехал послом в Гвинею-Бисау или на Острова Зелёного Мыса, а занимался партийным диссидентством.

Но если в 1987-1988 годах Ельцин был более-менее под контролем Горбачёва, то отчего же Михаил Сергеевич терпел Бориса Николаевича во власти в 1990-1991-е годы, когда партийный диссидент уже откровенно подсиживал властолюбивого генсека? Автор уверен, что ответ на этот самый интересный с точки зрения развала СССР вопрос даёт читателю Леонид Гозман: «Мы стали брать политически связанные кредиты. А политически связанные кредиты, которые вынужден был брать Горбачёв, связали ему руки, естественно. И он не мог уже отстаивать ни Восточную Европу, ничего другого». «Ничего другого», конечно, имеется в виду ниспровергатель самого Горбачёва - Ельцин. Собственно говоря, в этих словах господина Гозмана, подробнее ознакомиться с которыми читатель сможет в этой главе, и лежит разгадка самогубительного бездействия Горбачёва: Европа и Америка дали Горбачёву денег штаны поддержать, но за это потребовали не трогать Ельцина, позволить развалиться Варшавскому Договору, не мешать незаконному обретению независимости Прибалтикой и, наконец, не препятствовать подписанию Беловежского соглашения, то есть сняли штаны с самого Михаила Сергеевича. Обвели вокруг пальца, словно деревенского дурачка.

Вполне укладывается в эту версию и вялая попытка Горбачёва руками приближённых ввести чрезвычайное положение в августе 1991 года, то есть попытаться вырваться из-под американского ига. Правда, когда США заняли в отношении ГКЧП резко негативную позицию (на словах, впрочем, а не посредством крылатых ракет), покорный Горби разом слил соратников и до конца своих дней отныне вынужден вымаливать снисходительное к себе отношение заокеанских покровителей. Посмотрите, как ведёт себя Горбачёв после развала СССР: сплошная демагогия на тему «я всё делал правильно, да коммунисты мешали». Такая «отмазка» экс-генсека, конечно, прежде всего важна для Запада, минимизирующего таким образом своё участие в гибели Советского Союза. Но что она даёт самому Михаилу Сергеевичу, утратившему в конце концов самое главное - власть?

Для маленького человека, каким, как мы помним, является Горбачёв, она даёт многое. Прежде всего, конечно, свободу. Никто из руководителей России, гражданином которой является бывший генеральный секретарь, к нему тёплых чувств, мягко говоря, не испытывал и не испытывает, а повысить свой электоральный рейтинг, отдав Горбачёва под суд в условиях тотальной ненависти к нему российского народа, соблазн, согласитесь, большой. В этой ситуации покровительство дяди Сэма, заработанное Горби на потворстве агонии Советского Союза, как нельзя кстати. Горбачёва, будто затравленного зверя, приманкой и грозными окриками загнали в ловушку, а в клетке, понятное дело, качать права не пристало.

Так и живёт последние 20 лет отставной президент СССР, мотаясь от подачки к подачке в виде лекций или рекламных ролей, за что клетка у него не с Бутырской ржавчиной, а с американской позолотой. Разумеется, Горбачёв никогда не признается в том, что его вели американцы, а кроме него, по словам ещё одного героя нашей книги тележурналиста Алексея

Пушкова, это, в принципе, могли знать пара человек в Америке да Ельцин. Но последний уже в могиле, а американцам раскрывать главную загадку XX века, конечно, никакого смысла нет.

Так или иначе, устами героев своей книги автор касается темы: а если не Горбачёв, то кто? Большинство людей, знавших политическую верхушку позднего СССР, сходятся в мысли, что идеальным вариантом для нашей страны был бы приход к власти Юрия Владимировича Андропова в середине 1970-х годов. Тогда бы мы сумели пойти по китайскому варианту реформ, то есть сохранили бы и страну, и партию, и рынок бы ввели. Но - не получилось. Андропову на вершине власти судьба отвела слишком мало времени. В этой связи автор не мог, конечно, обойти вниманием сам собой напрашивающийся вопрос о том, почему проницательный экс-председатель всевидящего КГБ не разглядел в претенденте на роль своего преемника, в Горбачёве, те черты, которые сыграют спустя всего несколько лет злую шутку со страной? Мне кажется, что лучше всех на этот вопрос ответил помощник Андропова, известный публицист Фёдор Бурлацкий: «В тогдашнем политбюро Юрию Владимировичу не на ком взгляд было остановить». В результате получили то, что получили. Остаётся лишь догадываться, что сказал бы Андропов, узнав об истинном масштабе личности и разрушительной деятельности своего протеже Горбачёва.

Что же касается масштаба не политического, а сугубо личного, так сказать, человеческого, то Михаил Сергеевич был (и остаётся) человеком нелепым, не вписавшимся в образ царя на Руси. Когда народу, наконец, надоело сравнивать Горбачёва с Черненко, в глаза сразу бросились и самодовольная неуёмная говорливость генсека вкупе с какой-то заморской улыбкой, которую он цеплял на лицо особенно часто за границей, и каракулевая шапка-пирожок - дань партийной моде 1950-х, и беспрестанно мелькающая на телеэкране рядом с мужем первая советская леди Раиса Максимовна, и «друг Жорж», и фонетическая изобретательность генсека, под которую даже подогнали академический словарь, где слово «начать» имело уже два ударения. В общем, и смех, и грех.

В начале книги я уже касался темы, что надо было сделать с Горбачёвым, чтобы уберечь от него Советский Союз. Спецслужбам не стоило гнушаться спецметодов, а партийной верхушке, которую Горбачёв погубил вместе со страной, конечно же, надо было просто-напросто вовремя отрешить генерального секретаря от должности. Благо пример Хрущёва был не за горами. Надо сказать, что политическое поведение Хрущёва и Горбачёва похожи как две капли воды. «Гласность» - она же «оттепель». Замена старых соратников на молодых и покорных, Молотова на Брежнева - Гришина на Ельцина. Растущее недовольство народа лидером страны. Неуёмный зуд «экономических преобразований». Хрущёвская кукуруза - горбачёвская антиалкогольная кампания. Но вот финалы политических карьер у Хрущёва с Горбачёвым хоть и сложились одинаково плачевно, были разные. В октябре 1964 года инстинкт самосохранения членов Президиума ЦК КПСС заставил снять

волюнтариста Хрущёва, а у их коллег в конце 1980-х кишка оказалась тонка. Поэтому-то у Горбачёва, в отличие от Хрущёва, домашний арест сегодня не подмосковного образца, а немецко-американского.

Кстати, что касается тюремных перспектив мистера Горбачёва вообще, да и на сегодняшний день в частности. Автор не случайно открыл эту главу беседой с покойным Виктором Ивановичем Илюхиным. В ноябре 1991 года именно начальник управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности СССР Генеральной прокуратуры СССР Илюхин возбудил уголовное дело в отношении действующего Президента СССР Горбачёва по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине) в связи с нарушением клятвы Президента и Конституции СССР. Де-факто это была единственная попытка привлечь Горбачёва к уголовной ответственности за развал Советского Союза. Одна-единственная попытка с помощью суда разобраться в самой глобальной геополитической катастрофе XX века! В эпоху, когда цивилизованное человечество карает рядовых граждан, к примеру, за устную неприязнь к иностранцам или за нарушение тишины, где-то топчет землю не отведавший тюремной баланды человек, обрёкший на несчастья миллионы людей разных народов. Почему США оберегают Горби, а не требуют суда над ним за геноцид в отношении собственного народа, как они его требовали в отношении лидеров суверенных государств, членов ООН Слободана Милошевича и Саддама Хусейна, один из которых умер в тюрьме, а другой был казнён? Ответ очевиден. Выборочная гуманность Америки говорит сама за себя.

Виктор Илюхин

Илюхин Виктор Иванович - заместитель председателя комитета по конституционному законодательству Госдумы РФ. Родился 1 марта 1949 года в Пензенской области. Экс-начальник управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности СССР Генеральной прокуратуры СССР. Возбудил уголовное дело против действующего Президента СССР Горбачёва.

- В ноябре 1991 года вы возбудили уголовное дело в отношении тогдашнего руководителя СССР Горбачёва. Был ли это сугубо абстрактный идеологический поступок либо вы всерьёз были намерены посадить Михаила Сергеевича?

- Наверное, тут всё сплелось. Это был и идеологический поступок, чего греха таить. Но прежде всего я, конечно, выполнял свой профессиональный долг. В то время я возглавлял Управление по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Генеральной прокуратуры СССР. В этом управлении концентрировались все вопросы, связанные с функционированием КГБ, таможни, охраны госграницы и так далее. Почему никто не удивляется, если в отношении хулигана, разбившего витрину, возбуждается уголовное дело? Горбачёв же, разбивший государство, к уголовной ответственности до сих пор не привлечён. Тем не менее мой поступок не прошёл даром. Я дал правовую

оценку преступным деяниям Горбачёва и практически перечеркнул его возможную дальнейшую политическую карьеру. С тех пор на нём клеймо «изменник».

- Как звучало обвинение?

- Я возбудил уголовное дело по статье 64 «Измена Родине». Максимальное наказание до пятнадцати лет заключения или смертная казнь.

- Как вы всё это технически осуществляли? Посмотрели по телевизору очередную демагогию Михаила Сергеевича, в сердцах взяли бланк постановления и...

- Нет. Всё было иначе. Наше управление регулярно делало анализы всех правовых документов, которые касались вопросов безопасности государства. Однажды мои сотрудники принесли мне три подобные бумаги. Это были постановления Госсовета СССР номер один, два и три о предоставлении независимости Латвии, Литве и Эстонии, подписанные Горбачёвым. (После августовских событий 1991 года законодательная деятельность Верховного Совета СССР ведь была подменена решениями Государственного Совета.) Ознакомившись с этими постановлениями, я попросил подчинённых составить заключение: какие именно нормы Конституции Советского Союза в данном случае попираются. Вскоре был сделан официальный вывод о том, что за такого рода деяния можно применять уголовно-правовые нормы. А также было составлено заключение с перечислением нарушенных статей Конституции. Утвердив это заключение, я составил служебную записку Генеральному прокурору Трубину с просьбой его рассмотреть. При этом я был твёрдо уверен, что Трубин не станет этого делать потому, что над ним самим завис дамоклов меч. Речь идёт о том, что во время августовских событий 1991 года Трубин был в командировке на Кубе и высказался там за арест Ельцина. И Трубин знал, что о тех его высказываниях Ельцину всё известно, и вёл себя крайне осторожно. Поэтому четвёртого ноября 1991 года я принял решение самому возбудить уголовное дело в отношении Горбачёва.

- Должностные полномочия вам это позволяли сделать?

- Я имел право на возбуждение уголовных дел и на отмену незаконных решений, вынесенных всеми структурами власти. Да, некоторые упрекали меня в том, что я превысил свои должностные полномочия, поскольку в соответствии с Конституцией президент СССР был фигурой неприкасаемой. Действительно, такое положение было в тогдашней Конституции. Но и только. Ни в одном законе механизм неприкосновенности раскрыт не был. Самая большая прописанная неприкосновенность была у депутатов Верховного Совета СССР. В их отношении можно было возбуждать уголовные дела без согласия Верховного Совета. А вот задерживать, проводить обыски, предъявлять обвинения и направлять дело в суд без согласия Верховного Совета было нельзя. Из подобной практики исходил и я. Я ведь только возбудил уголовное дело в отношении имеющего неприкосновенность Горбачёва. И

всё. Если бы было проведено расследование, если бы были собраны доказательства для предъявления обвинения, конечно, дальнейшие действия в отношении президента СССР решались бы только через Верховный Совет, который его и избрал.

- Был шанс практически отрешить Горбачёва от должности или вы осознавали, что изначально ввязались в проигрышное дело?

- В принципе орган, избравший Горбачёва, в такой ситуации вполне мог бы попросить его написать заявление об уходе. Всё было достаточно реально. Когда я приводил эти доводы коллегам, которые меня упрекали, они только разводили руками. Так что я ничего не нарушил. Уголовные дела об измене Родине я возбуждал, такое право у меня было.

- Основания для возбуждения такого уголовного дела у вас были весомые?

- В этом отношении со мной меньше спорили. Сейчас практически вообще не спорят. Говорят: «Илюхин, ты тогда был прав! Действительно, государство разлетелось вдребезги!» Об упомянутых решениях Госсовета… Он не имел таких полномочий. Горбачёв не имел права выносить на обсуждение Госсовета такие вопросы. А он их не только выносил, но и готовил! И ещё более важное обстоятельство! На тот момент уже действовал закон о порядке выхода республик из состава Советского Союза. Где был расписан весь порядок такого выхода. Прежде, чем республика решит заявить о своём желании выйти из состава СССР, в ней, по закону, должен был состояться всенародный референдум. Если по его итогам было бы установлено, что две трети жителей этой республики, имеющих право голоса, всё-таки согласны на отделение, должен был устанавливаться переходный период. Протяжённостью до пяти лет. В это время необходимо было решить вопросы о собственности, вопросы о территориях, вопросы о границах, гражданстве, деньгах, пенсиях и так далее… Ничего вышеперечисленного ни в одной из Прибалтийских республик сделано не было! Референдумов не было! «Саюдис» (литовское общественно-политическое движение, возглавившее в 1988-1990 гг. процесс отделения Литвы от СССР. - Авт.), понимая, что не наберёт две трети голосов, подменил референдум… опросом. Но это же разные вещи! Но даже если бы референдум в той же Литве принёс две трети голосов за отделение от СССР, согласно закону, необходимо было выносить этот вопрос на обсуждение в Высший законодательный орган СССР - Верховный Совет. Где и должно было бы быть принято решение о выходе республики из состава Советского Союза. И этот порядок был прекрасно известен Горбачёву, подписавшему соответствующий закон 3 апреля 1991 года. То, что тогда не были соблюдены перечисленные мной процедуры, больно аукается и до сих пор. Посмотрите, что творится с вопросами гражданства, пенсиями некоренных граждан в Прибалтике!

- Вы с кем-нибудь советовались, кого-нибудь посвящали в свои планы, возбуждая столь резонансное дело?

- Нет. Я понимал, насколько это всё серьёзно, и не хотел вовлекать никого из своих сотрудников. Уж если и получать шишки, то одному. Я сам напечатал постановление и сам его подписал. Учитывая, что согласно уголовно-процессуальному кодексу СССР подследственность по этой категории дел отнесена к следователям КГБ, я направил постановление Бакатину (председатель КГБ СССР 23 августа 1991 - 6 ноября 1991. - Авт.). Другого выхода не было. Я отрицательно отношусь к Бакатину. Я его наблюдал раньше, когда мы рассматривали Карабахскую проблему, события в Закавказье. Самоуверенный, высокомерный. Не юрист, бывший секретарь обкома. Я про него всегда говорил с горьким юмором: «Если Бакатину предложили бы стать даже главным гинекологом, он бы и то согласился». Вместо профессиональных решений Бакатин занимался ломанием внутренних перегородок в тех министерствах и ведомствах, руководить которыми его назначали. Создавал иллюзию кипучей деятельности. При этом в КГБ был прекрасный следственный аппарат, который я хорошо знал. Работали блестящие специалисты. Конечно, получив мои материалы, Бакатин побежал на доклад к Горбачёву. Горбачёв был в шоке. «Какой ещё Илюхин, начальник Управления?!.»

- Ругался?

- Нервничал, как мне рассказывали. Кричал, орал в присутствии Бакатина. Но мне рассказывали и другое... Придя в тот день домой, Михаил Сергеевич почти весь вечер проплакал! Горбачёв ведь очень мелкий человек по своим интеллектуальным данным. При этом у него большой апломб и самомнение. У Горбачёва в зобу перехватывало, когда Запад называл его человеком планетарного мышления.

Так вот. Бакатин немедленно связался с Трубиным. Тот тут же дал команду: вернуть все мои материалы в Генпрокуратуру и отменить постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Горбачёва. Однако этого Бакатину было мало. Он собрал сотрудников оперативного управления, руководящий состав и доложил эту ситуацию. И добавил: «Илюхина надо наказать!» Ему отвечают: «Не за что!» Бакатин: «Накопайте!»

- Вы же наверняка предполагали, что какие-то действия в отношении вас в данной ситуации более чем реальны. Не боялись?

- Я не боялся, что будут копать. Я немного боялся за будущее своей семьи. Один из начальников управления возразил Бакатину: «В отношении Илюхина можете даже не копать, всё равно ничего не найдёте. Никогда вы его ничем не скомпрометируете». Но пытались!.. Я предполагал, что меня могут выгнать с работы и придётся расстаться с генеральским кителем. (Так оно и произошло.) Но я не предполагал, что это произойдёт так быстро. Четвёртого ноября я возбудил дело, а шестого ноября был подписан приказ о моём увольнении. Я думал, что со мной хотя бы недельку повозятся.

- С какой формулировкой вас увольняли из Генпрокуратуры?

- Было записано, что я якобы нарушил положение о порядке

прохождения службы в органах прокуратуры. Превысил свои полномочия. Мне приписали ещё одно «деяние». В то время я параллельно возглавлял группу следователей по проверке злоупотреблений в бригаде Гдляна - Иванова в Узбекистане. Мои сотрудники принесли мне законченное уголовное дело. Я отправил его Генеральному прокурору Узбекистана для утверждения обвинительного заключения в отношении Гдляна - Иванова. Все доказательства там были налицо. Мне же вменили в вину, что эти действия я не согласовал с Генеральным прокурором СССР. Я спрашивал: «С какой стати я должен был с ним его согласовывать? Выезжая и работая в Узбекистане, я много раз на месте возбуждал уголовные дела, ни с кем их не согласовывая, и всё было в порядке». Кроме того, уволили меня ещё с одним крупным нарушением. Я ведь был членом коллегии Генпрокуратуры СССР. Меня утверждал Верховный Совет СССР. Соответственно, без согласия членов коллегии уволить меня было нельзя. Но закон тогда уже не властвовал. Мне было в тот момент всего 42 года.

- По совести, не обидно было? Были весьма преуспевающим сотрудником Генпрокуратуры… Вам что - больше всех надо было, Виктор Иванович? Сами говорите, что понимали, что ваша карьера рухнет после такого поступка. Отсиделись бы в кабинетной тиши, никто вас сегодня не упрекнул бы.

- Да, в 39 лет я был уже государственным советником юстиции третьего класса. Генерал-майор. Это звание мне присвоил Громыко как Председатель Президиума Верховного Совета. В январе 1991 года Горбачёв присвоил мне вторую прокурорскую звезду, и я стал советником второго класса, генерал-лейтенантом. Вы знаете, если бы я только сидел в своём кабинете и шуршал бумажками, я бы, наверное, не решился на такой поступок. Но сложилось так, что на протяжении трёх лет до этого я побывал практически во всех горячих точках страны. Мне пришлось организовывать расследование событий в Фергане и Баку. Горы трупов, море слёз! Помню, как генерал-полковник Тягунов, отвечавший за тот самый район Баку, говорил мне: «Виктор Иванович, я, участник войны, никогда не думал, что мне снова придётся воевать и видеть убитых людей!» Я видел аэросъёмки, как азербайджанцы, которых выгоняли из прилегающих к Армении районов, бежали босиком, раздетые, в горах с детьми по снегу. Первые три месяца я возглавлял следственную бригаду по тбилисским событиям. Предательство Горбачёвым армии! Я был в Дубоссарах, видел первые трупы Приднестровской войны. Постоянно бывал в Прибалтике. Больше года находился в Карабахе, представляя Генеральную прокуратуру. От МВД был замминистра Николай Иванович Демидов, зампредседателя КГБ ныне покойный Пирожков был от КГБ. Когда нам там удалось стабилизировать обстановку, Горбачёв неожиданно для нас ввёл в Карабахе особую форму управления. Вновь взорвал ситуацию: деритесь дальше! После чего погибли сотни людей. Честно скажу, во мне всё кипело! Пытался искать ответ: кто виноват, почему так происходит. Вот и нашёл.

Что касается моей профессиональной судьбы… После 6 ноября 1991 года я пришёл в газету «Правда» обозревателем. Проработал там три

года, написав две книги. С 1993 года работаю в Госдуме. Так что я реализовался ещё и на стезе законодателя. Все узловые законы, нацеленные на укрепление государственной безопасности, разработаны и приняты по инициативе комитета по безопасности Госдумы, который я возглавлял два созыва и в котором работаю сейчас. Многие нормы и статьи этих законов я писал лично. Я никогда не работал на президентов, я всегда работал на государство.

- Не сыграло ли на руку рвущемуся к власти Ельцину то, что, возбуждая уголовное дело, вы таким образом ослабляли Горбачёва?

- Напротив! Я рассчитывал, что это послужит своего рода предостережением Ельцину. В своих тогдашних речах Ельцин ведь ратовал за то, чтобы на территории России было семь самостоятельных государств! Более того, Гавриил Попов и Старовойтова навязывали ему идею о том, что Россия должна состоять из 56-57 независимых территориальных субъектов! Фактически каждая область - государство. По замыслу Попова - Старовойтовой эти 56-57 субъектов должны были сначала выйти из состава России, а затем на договорной основе их следовало попросить вновь войти в федеративное государство. Представляете, что стало бы со страной? Это потом Ельцин резко отказался от своих замыслов. Однако с Ельциным я просчитался! Моё постановление в отношении Горбачёва не удержало его от развала страны. Удержать Ельцина могла только железная решётка.

- С Михаилом Сергеевичем вам довелось пообщаться после того, как вы попытались обеспечить ему небо в клетку?

- После - нет. Я с ним общался только один раз. Он как-то приехал к нам в Генпрокуратуру на коллегию с участием главных прокуроров всех субъектов СССР. В специальной комнате за сценой генпрокурор Сухарев представил меня Горбачёву. Горбачёв пожал мне руку, мы посмотрели друг другу в глаза, и больше я его никогда не видел.

Был более интересный случай. Когда я возглавлял комитет по безопасности Госдумы, у нас работал депутат Габоев. Он очень любил ходить на различные мероприятия с участием высокопоставленных лиц. Приходит Габоев как-то ко мне в кабинет: «Виктор Иванович, я у Горбачёва в фонде был! Видел Михаила Сергеевича и задал ему вопрос: «Как вы относитесь к Илюхину, который возбудил в отношении вас уголовное дело за измену Родине?» А Горбачёв мне ответил: «А что? Хороший парень Илюхин!» Я был поражён неадекватностью такой оценки меня Горбачёвым!

- Почему вы несколько раньше не попытались выполнить свой профессиональный и гражданский долг, Виктор Иванович? В ноябре 1991 года ведь Горбачёва уже никто не боялся…

- Раньше не было формальных оснований для привлечения Горбачёва к уголовной ответственности. Упомянутые постановления Госсовета были приняты 6 сентября 1991 года, а менее чем через два месяца я уже возбудил дело. Ведь об этих заседаниях Госсовета мало кто знал. Они

собирались кулуарно. Как только эти документы всплыли, мы их проанализировали, и я тут же возбудил уголовное дело. Это во-первых. Во-вторых, моё стремительное увольнение доказывает, что у Горбачёва все властные рычаги были по-прежнему в руках, и он свободно ими пользовался.

- Подспудная жажда прославиться, войти в историю, вами совсем не двигала в то время?

- Какая слава, о чём вы говорите?! Я был десятым ребёнком в семье и воспитывался родителями, простыми деревенскими людьми. Они вдалбливали нам с детства: работайте, живите дружно, не воруйте, не лгите. Кроме того, работа в органах прокуратуры в советское время подразумевала, что закон надо выполнять. Видимо, этого чувства у меня было с избытком. Я абсолютно не думал ни о какой славе. Мысли были о том, как жить дальше. В тот день, уходя на работу, я сказал жене: «Надюша! Я сегодня возбуждаю уголовное дело в отношении президента. Как ты на это смотришь?» Она ответила: «Витя, я всегда верила в твой разум: как сделаешь, так и сделаешь. За меня не волнуйся, мы всегда будем с тобой». У нас уже была дочка Катюшка. Я поблагодарил жену и заверил, что наша семья ни рубля из-за меня не лишится. Я же понимал, что теряю. За выслугу лет, звёзды плюс ставка я получал больше, чем Николай Иванович Рыжков! Рыжков получал 1200 рублей, Горбачёв 1300, а я 1250 рублей. Но я сдержал обещание. Работал в редакции и консультировал в одной коллегии. Восполнял прокурорские заработки. Где-то на третий-четвёртый день уже пошли журналисты. Тем не менее до конца значения своего поступка я не сознавал.

- Если бы ваш поступок обернулся снятием Михаила Сергеевича с президентской должности, оставалась вероятность спасти Советский Союз или в тот момент он уже был обречён?

- Мы и тогда ещё могли спасти Советский Союз! В ноябре 1991 года фатальной неизбежности его крушения не было! Даже позже, после Беловежских соглашений, на стороне Горбачёва оставались армия и органы государственной безопасности. Если бы этот человек захотел сохранить СССР, он вполне мог это сделать. Уж на какой-то период - несомненно. Кроме Прибалтики, ни один народ других республик не хотел выходить из состава Союза. На Украине вопрос на референдуме поставили некорректно: «Хотите ли вы жить в независимой Украине?» В марте 70 с лишним процентов населения высказались за сохранение СССР. Была у Горбачёва поддержка! Ельцин после Беловежья постоянно опасался ареста.

- Гэкачеписты, испытавшие на себе все прелести уголовных дел, арестов и тюрьмы благодаря Горбачёву и Ельцину, как сами-то объясняют свою нерешительность в духе самого Горбачёва?

- Я хорошо знал большинство из них. Лучше всех Владимира Александровича Крючкова. Общался с ним, ещё когда он был при должности, в силу того, что я осуществлял надзор за КГБ. Я говорил в

лицо Крючкову, что судил бы ГКЧПистов за халатное исполнение своих служебных обязанностей. Крючков - умнейший человек, блестящий аналитик. Я бывал у него дома, мы много разговаривали, обсуждали все эти вопросы. Наверное, на нерешительности Крючкова в августе 1991 года сказалось то, что он слишком долго работал помощником. Поэтому ему было непривычно принимать сложные самостоятельные решения. Кроме того, мы с ним спорили о возможных жертвах среди гражданского населения в случае твёрдых действий ГКЧП. Он называл какие-то нереально большие цифры. Я утверждал, что жертв было бы не больше, чем при штурме Ельциным Дома правительства в октябре 1993 года или при подавлении студенческого мятежа в 1989 году на площади Тянь Ань Мынь в Пекине. Конечно, каждая человеческая жизнь важна, но в результате Беловежских соглашений мы потеряли гораздо больше.

- Будь у вас сегодня возможность довести уголовное дело в отношении Горбачёва до конца, привлекли бы Михаила Сергеевича? И какую меру наказания ему определили бы? Смотрите: Лукьянов сидел, Крючков сидел, Пуго застрелился… Милошевич, Чаушеску…

- Привлёк бы! Взял бы двух-трёх следователей и лично этим бы занялся. Суть не в том, чтобы его жестоко наказать. Важнее юридически обоснованно всем показать, что такие мерзости в отношении своего отечества не прощаются! Хотя, по большому счёту, наказание для Горбачёва должно быть в виде реального лишения свободы. В назидание другим! Ведь почему Ельцин не тронул Горбачёва? Потому что сам был такой же. Когда 13 мая 1999 года я с трибуны Госдумы формулировал пять пунктов импичмента президенту Ельцину, там были обвинения по аналогичным горбачёвским преступным деяниям. Измена Родине. Разрушение вооружённых сил. Нарушение территориальной целостности государства. Геноцид в отношении собственного народа. И война в Чечне. При этом я хочу подчеркнуть принципиальную вещь. В том созыве Госдумы депутатский состав был крайне разнородный, не было устойчивого большинства, как сейчас. Тем не менее все пять моих пунктов получили большинство голосов! Не дотянули лишь до необходимых двух третей.

А Горбачёва бы я посадил.

Москва, июнь 2009 г.

Николай Рыжков

Рыжков Николай Иванович - член Совета Федерации РФ. Родился 28 сентября 1929 г. в Донецкой области, Украина. В 1985-1990 гг. - Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС. В 1990-е годы в Государственной Думе был лидером депутатской группы «Народовластие».

- В 1990 году на IV внеочередном съезде народных депутатов вы, Николай Иванович, произнесли ставшую крылатой фразу: «Вы ещё вспомните это правительство!» - и ушли с поста премьер-министра СССР.

Нет ли у вас сегодня ощущения, что вы тогда нас, свой народ, бросили? Если были не согласны с Горбачёвым, боролись бы с ним, используя свою власть.

- Нет. Дело в том, что в 1990 году уже не было власти и опираться было не на что. Власть ведь должна на что-то опираться, а если опираться не на что, то это не власть - а Дон Кихот Ламанчский, воюющий с ветряными мельницами. Я бился сколько мог, пока 26 декабря меня не увезли в больницу. А до этого, в последний год своего премьерства, я практически не сходил с трибуны. Год! Не было дня, чтобы я не стоял на трибуне съезда народных депутатов, Верховного Совета или других каких-то собраниях. Доказывал, выступал, говорил о том, что положение в стране тяжелейшее. Но в конце концов я понял, что из этого ничего не выйдет.

- Почему?

- Знаете, что происходило в 1990 году? Вернее, со второй половины 1989 года? В стране сложился треугольник личностей: Горбачёв, Ельцин и Рыжков. И была поставлена задача - его разрушить. Вряд ли Ельцин сам до этого додумался: я хорошо знаю его умственные способности - ему, конечно, советовали, подсказывали... То, что он, Ельцин, был в оппозиции, было понятно. Но те, кто подсказывал Ельцину, боялись, что мы с Горбачёвым найдём общий язык и единым фронтом выступим против них. А для них это было очень опасно. Поэтому в это время всё обрушилось на меня. Я понимал, что делается всё, чтобы дискредитировать и правительство, и меня лично, для того чтобы выбить единицу, и тогда определённое равновесие в стране будет нарушено. Я сколько мог сопротивлялся, но в то время была такая ситуация, что если бы сегодня кто-то делал то, что тогда делали эти люди, то им минимум по 15 лет тюрьмы дали бы. Это точно! Они бы все сегодня сидели в тюрьмах! Все! Слушайте, если шли разгружать вагоны студенты, а им давали деньги - уходите, не разгружайте. Останавливали заводы, фабрики. Ельцин говорил: «Переходите в республиканское подчинение, и не будете платить налоги!» Требовал часть золотовалютного резерва страны. Вот представьте, если сегодня Татарстан, например, или Калмыкия потребует часть своего золота? Где она будет сегодня? А в то время это было на полном серьёзе. Поэтому совершенно очевидно, что надо было меня окончательно вышибить.

- Михаил Сергеевич ведь не мог этого не понимать... Как он-то реагировал?

- В начале декабря я встречался с ним. Кстати, тогда не было такого порядка, как сейчас... Премьер приходит к президенту, и всё это под телекамерами показывают. Мы по три раза в день встречались.

- Чья была инициатива?

- Он звонил, и я звонил. Встречались, если надо, и обсуждали какие-то вопросы. И вот в одну из таких встреч, дней за 20 до отставки, я сказал Горбачёву: «Михаил Сергеевич, скоро будет внеочередной съезд

народных депутатов. Он изменит Конституцию. Будет не Совет Министров, а кабинет министров. Но даже дело не в этом!»… Хотя по той Конституции Совет Министров - это высший исполнительный, распорядительный орган государственной власти. Я цитирую дословно, как было. Кабинет министров - это аппарат при президенте, по сути дела. Такой замысел… И я говорю: «Дело не в том, что вы опускаете правительство на определённую ступеньку вниз. Я просто работать не буду! Я сколько мог, сопротивлялся. Сколько мог, убеждал людей. Но дальше я это не в состоянии делать. У меня безвыходное положение. Я не хочу, чтобы меня проклинали люди. Идти курсом экономики, с которой вы соглашаетесь с Ельциным, с Явлинским - это смерти подобно для нашей страны. Страна не готова. Вы не понимаете, куда нас толкают. Вы не представляете, что будет твориться. Десятки лет страна жила по своим законам. Десятки лет формировались институты управления. Госснаб, Госплан можно критиковать как угодно, но они были. Ну, давайте уберём Госснаб… но тогда должна быть другая система. А законов нет, постановлений нет… никакой методики нет. Куда ни кинься - старое давайте будем рушить, а нового же никто ничего не знает. Как же мы будем идти на такие радикальные меры…» Я говорил, что надо 6-8 лет, чтобы отмерло старое и появилось новое.

Второе. Я сказал ему: вы видите, что дело идёт к разрушению страны». Горбачёв: «Не дадим!» Возражаю: «Это вы говорите - не дадим, но я же не слепой…» Я же не слепой был, когда видел, как приехал Яковлев (А.Н. Яковлев - член Политбюро ЦК КПСС 1987-1991 гг., главный партийный идеолог в то время. - Авт.) из Прибалтики в 1989 году и сказал, что всё, что там делают народные фронты, идёт в русле перестройки. Говорю Горбачёву: «Вы помните это?» «Да, помню». «Почему же вы не остановили всё это? Ведь это не в русле перестройки было, а в русле национализма. Я говорил об этом на Верховном Совете, но никто и слушать не желает. Поэтому, Михаил Сергеевич, давайте так… Я съезд пройду и ухожу в отставку. Поэтому делайте какие угодно заявления, я вас заранее предупреждаю…»

- Как Михаил Сергеевич реагировал?

- Я бы не сказал, что он очень печалился. Не сказал бы… Он даже начал: «А кто тогда?» Я говорю: «Подумайте, кто. Почему я должен думать об этом…» Вот. 19 декабря я выступал на съезде народных депутатов. Я знал, что это моё последнее выступление публичное. Завещание по сути дела… Я очень долго работал над этим выступлением со своим помощником. Мы сидели, много раз перекраивали… И вот я вышел с этим выступлением. Самое главное, что там я во всеуслышание сказал: перестройка в том виде, в котором она была задумана, не состоялась. Вот и всё. Я подвёл черту, что она не состоялась, что она закончилась. Дальше говорил, что не только правительство несёт ответственность… Что мы несём ответственность, что все несут ответственность, и так далее. И самое главное - надо уберечь страну от развала. Вот такое выступление было. Оно опубликовано было, есть оно везде. Дальше я помню, с левого крыла, где-то под балконом кто-то

кричит: «Что ты нас пугаешь развалом страны! Ты вон цены на хлеб поднял…»

- Но вы же тогда действительно выступили с нашумевшим заявлением, что собираетесь поднять цены.

- Да. Я отвечаю: «Во-первых, я не поднял». А я собирался поднять на несколько копеек. И собирался это сделать для того, чтобы 6 миллионов тонн хлеба не попадало в мусорные ящики. И это не скоту. Это выбрасывали… Пацаны в шайбы играли в школе этими плюшками. И вот я сказал: «Цены на три копейки вы протестуете и чувствуете… Хотя мы это не сделали, а вот то, что идёт разрушение страны, на это вам абсолютно наплевать». Мы собирались сделать с полной компенсацией, кстати. 200 с лишним рублей на семью получалось. Ну и я вижу, что бесполезно дальше вести выступление… Я закончил. Вот только один крик там стоял. И потом я уже сходил с трибуны, понимал, что это последний раз, и сказал: «Вот что, уважаемые народные депутаты! Вы ещё вспомните наше правительство!» И ушёл. Другого выхода не было. Или пулю в лоб надо было пускать… Вот я и подумал: зачем мне это всё нужно.

- После этого сразу слегли с инфарктом. Горбачёв вас навещал?

- Получилось так… После инфаркта, после Нового года в 1991 году, мне разрешили ходить - сначала два шага, потом четыре… И я, посмотрев в зеркало, себя не узнал. Потом числа 12 января врачи разрешили Горбачёву со мной встретиться. До этого не разрешали. А тут он настаивал… и они сказали: повстречайтесь. В общем, он приехал и, увидев меня, аж вздрогнул, потому что я совершенно изменился. Худой, как тень, страшный… Сели. Он говорит: я не ел ничего, я всё по часам, по минутам… Принесли бутерброды, чай. Он говорит: «Так что будем делать?» Я говорю: «Михаил Сергеевич, я ведь понимаю, что вы меня не просто проведать приехали…»

- Он к вам в больницу приехал?

- В больницу. Палата там типа спальни, даже меньше этого кабинета.

- В ЦКБ?

- Да, в ЦКБ. Я говорю: «По-видимому, у вас какие-то проблемы есть?» Он отвечает: «Конечно. Время идёт. Надо всё-таки определяться, кто будет предсовмина». Я ему: «Я ведь вам сказал, что я ухожу. Всё. Назад слова не беру. Единственная моя просьба - дайте мне возможность выйти из больницы. Чтоб не в больнице меня снимали…» «Хорошо-хорошо!» Ну и стал говорить о кандидатурах. Кого назначить… Я ему сказал своё мнение…

- Павлова вы ему посоветовали?

- Нет, нет! Павлова, я думаю, предложили республики. Им, чем слабее предсовмина, тем лучше. Они знали, что как финансист он сильный, а как производственник нулевой. Он хозяйства не знал, поэтому им надо было такого. Об этом я и сказал Горбачёву…

- А ваша кандидатура какая была?

- Я назвал Назарбаева. Вот, говорю, пожалуйста, возьмите Назарбаева... Прошёл партийную школу, прошёл производственную школу, рабочим работал и дошёл до первого секретаря компартии Казахстана. Работал Председателем Совета Министров республики, был в моём правительстве, я же знаю его... Всё время встречались, он подготовленный, говорю, абсолютно подготовленный человек...

- ...что и показало будущее.

- Да. Ещё Бакланова Олега называл Горбачёв. Я говорю: «Олег хороший парень, но он знает только космос, а больше ничего. А страна - это не космос». Так и поговорили... «Ну ладно, будем думать». А оказывается, в тот вечер республики собирались и решили - Павлова. Я попросил Горбачёва, чтоб мне дали какую-то работу, но не в правительстве. Есть же какие-то общественные структуры в стране, где я мог бы работать. Мне только 60 лет исполнилось. «Хорошо, хорошо, мы этот вопрос решим!» А в палате у меня не было ни телефона, ни телевизора, ни радио - ничего!

- У действующего премьер-министра ничего не было?

- Ну, они правильно сделали... Всё-таки инфаркт есть инфаркт. Заводиться себе дороже будет. Потом не выкарабкаешься... И вот в понедельник 14 января... там ещё эти вильнюсские события были... Так вот какая-то сестричка проговорилась: «Николай Иванович, а ведь есть уже преемник ваш». Потом жена приходит... А она каждый день приезжала. Я спрашиваю: «Ты скажи, что - уже есть преемник?» Она: «А ты откуда знаешь?»

- То есть жене сказали тоже не говорить?

- По-видимому... Она говорит, что не хотела меня расстраивать. Я говорю: «А чего скрывать? Я Горбачёва только просил немного подождать...»

- Так вы и заявления даже не писали?

- Но я ему сказал, что ухожу в отставку.

- А на основании чего он мог вас уволить тогда, если ничего не писали?

- Это потом было оформлено решением Верховного Совета. Потом. А в данном случае этого вполне достаточно, что я сказал... А потом оформляется. Четырнадцатым числом всё было оформлено... что меня в отставку. В общем, вот так. Три недели я проходил реабилитацию в Барвихе. Научился ходить. Проходит февраль, март... Начинаю думать о работе, чего ж я буду сидеть дома. А в это время Горбачёв был в Белоруссии. И я в газете «Правда» прочитал, что ему где-то на тракторном заводе задали вопрос: какая судьба у Рыжкова. Он ответил: у него был сердечный приступ, будем считать, что у него всё будет нормально, а дальше... У меня такое ощущение, что кто-то дописал фразу:

«А что касается его дальнейшей деятельности, то пусть он сам и принимает решение». Я показал жене и говорю: «Всё! Никакой мне работы не будет».

- Николай Иванович, у вас же в тот момент, наверное, было много единомышленников в политбюро. Лукьянов, к примеру, будущий член ГКЧП. Маслюков, который впоследствии иначе как левый не воспринимался… Почему вы сообща не сняли Михаила Сергеевича?

- Это ничего не дало бы.

- Потому что уже был Ельцин?

- Да. Его, кстати, в апреле 1991 года почти не убрали. Я уже вышел после болезни. Был пленум ЦК КПСС. Я уже не член политбюро был, потому что на XXVIII съезде меня по моей просьбе туда не включили. Хотя я ещё и был предсовмина. Я сказал, не надо туда всех включать, у нас и так одна партия во главе. Нас и так за это долбают… зачем ещё, раз к многопартийности идём? А в апреле выступили регионы: «Надо уходить, Михаил Сергеевич!» Объявили перерыв на пленуме. А во время перерыва несколько человек бегали с бумажками, что нельзя Михаила Сергеевича отпускать. По-моему, было 60 или 70 подписей…

- …из четырёхсот членов ЦК?

- Да. Подошли и ко мне: «Подпишите, Николай Иванович». Я говорю: «Я подписывать не буду. Я считаю, ему надо уйти!» И отказался подписывать. Я не буду говорить, кто собирал подписи. Он сегодня уже на том свете…

- Тем более можно назвать.

- Аркадий Вольский бегал. Так что Горбачёва могли в то время снять. Но, понимаете, время было такое, что это ничего не дало бы. Перед XXVIII съездом, кстати, в июле 1990 года, когда мы видели, что страна становится неуправляемой, партия на ходу теряет авторитет… страшно даже вспомнить. И я говорил: «Михаил Сергеевич, что-то надо делать. Партию надо спасать - она в тяжелейшем положении, авторитет теряется. Ваш авторитет, как генерального - теряется. Давайте, может быть, вы станете… типа председателя партии. Типа номинального, почётного… Избрать генерального или первого секретаря, нового человека, который вёл бы работу, свежего. Может быть, доверие появилось бы…» Он согласился. Утром, только я приехал на работу, Горбачёв мне звонит. Из машины, по-моему… «Слушай, вот вчерашний разговор в отношении руководства партией…» Я говорю: «Но вы же дали согласие. Надо это делать, Михаил Сергеевич…» - «Я не согласен с тобой! Не согласен! Что ты из меня дурака делаешь! Ты из меня куклу какую-то делаешь… Нет! Я на это дело не пойду!» Ну он и отказался. Кстати, когда мы сидели рядом на XXVIII съезде и когда избирали Центральный Комитет, я сказал: «Михаил Сергеевич, против вас выступят 1200 человек». И почти угадал: тысяча сто с небольшим человек. Горбачёв спрашивает: «А ты откуда знал?» Отвечаю: «Да ничего я не знал… Я просто следил, как идёт голосование по вопросам, которые вы вносили. Я высчитал, что те люди,

которые не поддерживают ваши конкретные дела, не будут и вас лично поддерживать». - «Да-да-да…» Вот такая была свистопляска. Я не представляю, как в то время можно было выйти из положения.

- А кого, в принципе, могли бы избрать на место Горбачёва?

- В то время никто бы не справился. По-видимому, нам надо было пройти эту всю дикость. Сегодня даже вспоминать как-то неприлично… За месяц до этого съезда народных депутатов была встреча. Горбачёв, Ельцин, Силаев (И.С. Силаев - Председатель Совета Министров РСФСР 1990-1991 гг. - Авт.), был я, по-моему, Лукьянов был. И стали обсуждать. И снова: надо золото делить, валюту делить, надо это, надо это и так далее… Я говорю: «Борис Николаевич! Российская Федерация и Советский Союз как близнецы. В СССР 15 союзных республик и в РСФСР 15 автономных республик». Ну вот и представьте на минутку… А он: «Нет, мы станем формировать бюджеты сами и давать Союзу только какую-то долю… На содержание армии, скажем, или на содержание культуры. Станем всё забирать». Я говорю: «И мы будем ждать ваших двух копеек на содержание армии? Вы, вообще, соображаете, что это такое, Борис Николаевич?..» Но у него уже эйфория пошла, он понимал, что он почти что во главе всего. Я говорю: «Борис Николаевич, ну вот вы победите, и Российская Федерация будет самостоятельная, независимая… Как же вы тогда будете жить? Тот же Татарстан, Башкирия или Удмуртия скажет: я всё заберу, а тебе дам немножечко монеток на содержание армии… Как ты тогда поступишь?» - «Такого не может быть!» - «Как не может быть? Ты же сейчас это делаешь с федерацией… И Россия такая же федерация. Ты понимаешь сейчас, что ты творишь?» Бесполезно! Бесполезно! Пустые глаза… И я понял, что ничего из этого не получится. Я сказал: «Наступит время, и ты вспомнишь этот разговор…» Но потом, слава богу, Путин пришёл. Не пришёл бы - разрушили бы и Россию. Ведь Ельцин, имея Конституцию, зачем-то заключил больше 40 двусторонних договоров с регионами. Путин же потом ликвидировал всё это. Конституция сама по себе, а мы с вами сами по себе. Вот так! До сих пор с Башкирией и Татарстаном рассчитываемся. До сих пор! Им сказали: ребята, забудьте, что вы тогда подписали. А они: нет, мы же надеялись - давайте денежки. Я не знаю сколько в прошлом году, а в позапрошлом по 10 миллиардов рублей уходило туда на эти цели.

- Вы же знали Бориса Николаевича ещё по свердловским временам, когда работали директором Уралмаша. Как его правильно понимать? Не был ли истоком его радикального поведения в отношении советской государственности тот факт, что у него были репрессированные родственники? Или алкоголь виновен? Генотип, в конце концов, такой - раз не по мне, то пойду вразнос?

- Я не знаю, гены, не гены… Как все остальные, читал, что его отца привлекали, деда ссылали… Таких миллионы у нас людей в стране были, но не все же такие, как Ельцин. Я думаю, это не главное. Я его знал с 1968 года. До этого я знал, что есть Ельцин, что он строитель. Он строил дома в городе. А Уралмаш был расположен на окраине. Завод и соцгород, как мы

называли. В то время у нас 200 тысяч жило при заводе. И мы сами строили жильё, не пользуясь строителями города. Поэтому я Ельцина даже не видел. А в 1968 году он стал заведующим строительного отдела Свердловского обкома партии. А мой приятель, с которым мы начинали в своё время работать на заводе, пошёл по партийной линии. И дорос до завотделом оргпартработы. Вот он мне и говорит: «Ты знаешь, что у нас новый завотделом?» Говорю: «Слыхал». «Давай познакомлю?» - «Познакомь». Встретились. Часть цехов реконструировать мы могли только с помощью подрядных организаций. И Ельцин стал ездить к нам на пуск новых цехов, на оперативки уже как завотделом. Потом мой приятель предложил нас поближе познакомить. Стали семьями встречаться... То есть у нас достаточно хорошие отношения были. На Уральском политехническом институте сейчас висят две доски у главного входа... «Здесь учился первый президент России Ельцин» и «Здесь учился председатель Совмина Рыжков». Может, сняли, чёрт его знает... Нет, кажется.

- Сейчас уже не снимают...

- Да. Потом он стал секретарём по строительству. Я уехал в Москву. Позже он стал первым секретарём обкома. Первое. Что я могу сказать о нём? Физически... если б он не пил, ему износа до 150 лет не было бы. Здоровый мужик. Ширококостный. И, конечно, его вот эта пьянка погубила. Второе. Чем силён и слаб Ельцин? Несмотря на то, что он по образованию строитель, где бы он ни работал - он всегда был силён в разрушении. Всегда! Что разрушить - это его хлебом не корми...

- Строитель-разрушитель...

- Как ни странно. Казалось бы, в мозгах должно быть созидание, что-то новое... У Ельцина всё наоборот было. Разрушить парторганизацию, человека, производство какое-нибудь... В этом он классик! Я таких других людей не встречал.

- Уже тогда были задатки?

- Да, да... он в области творил такие вещи... А потом, когда стал первым секретарём, контроля над ним не стало, и пошло, и покатилось. Пьянство... Рассказывали ребята, что ночью ездили в вагонах на стройку, а утром их всех можно было на носилках выносить. При этом Ельцин был абсолютный ноль в созидании. Когда меня в 1991 году спросили, что будет дальше, я ответил: «Борису Николаевичу упала власть в руки, и он не знает, что с ней делать. Будет крутить-вертеть её... Он абсолютно некомпетентен в экономике и куда дальше двигаться». Об этом все, кстати, знали. Нахальства у него много было.

- Вы же выступали против его назначения на Москву в 1985 году, кажется?

- Да. Его сначала назначили завотделом по строительству ЦК КПСС. Он был очень недоволен. «Что это такое?!.. Первый секретарь Свердловского обкома... Смотрите: Рябов (Я.П. Рябов - первый секретарь Свердловского обкома КПСС в 1971-1976 гг. - Авт.) - секретарь ЦК, Рыжков

- секретарь ЦК, а я - завотделом…» Но, по-видимому, ему дали понять, что скоро и он будет секретарём. А вскоре действительно сделали секретарём ЦК по строительству. В мае - июне 1985 года, я уже был членом политбюро, мне звонит Горбачёв по прямой связи: «Зайди, надо посоветоваться». Я тут же - на одном этаже сидели - пришёл. Они с Лигачёвым ходят по кабинету генерального секретаря. «Ты, говорят, знаешь, что уходит Гришин?» Я говорю: «Знаю, обсуждали…» «А кто будет вместо Гришина?» Я отвечаю: «Честно говоря, не думал. У меня своё направление - экономика, у меня девять министерств и ведомств, которые я курирую… Егор Кузьмич, это твоё - ты же кадрами занимаешься». Они: «Да. Как ты смотришь, если всё-таки на московскую парторганизацию направить Ельцина? Он такой жёсткий, такие нужны в перестроечное время» Я говорю: «Вы делаете большую ошибку. Во-первых, вы уже сделали одну ошибку, сорвав его с области в ЦК. Надо было его министром по строительству ставить. И он бы работал, он умеет гвозди заколачивать… И сейчас ошибаетесь. Борису Николаевичу противопоказана власть. Он наломает дров. По пути к власти он пройдёт по трупам, по вашим спинам и ни перед чем не остановится. То, что он делал в Свердловске - это одно дело, Свердловск - периферия… А в Москве сколько институтов, академий, театров, интеллигенции сколько… Есть и рабочий класс, но это всё-таки не то. Это очень опасный для большой власти человек».

В общем, они трамбовали-трамбовали меня: «Ты же против?» Я отвечаю: «Михаил Сергеевич, я могу обещать одно. На политбюро я подниматься и выступать против не буду. Я промолчу, чтобы не вносить смуту в политбюро. Я всего полтора месяца как член политбюро». На этом и сошлись. Ну а потом известно что… Помню, был какой-то праздник во Дворце Съездов. Я приехал пораньше и увидел: в комнате президиума сидят Михаил Сергеевич, Раиса Максимовна, Капитонов и (И.В. Капитонов - председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС в 1986-1988 гг. - Авт.) пьют чай. Надо отдать должное Горбачёву - никаких пьянок никогда не было. Он вообще не увлекался этим делом и не устраивал застолий с выпивкой. Иногда 1 мая или 7 ноября собирались члены политбюро за чаем, по рюмке коньяка выпивали и всё.

- А другого перекоса не было? Я имею в виду антиалкогольную кампанию.

- Нет, нет. Так вот, сидим мы и пьём чай… И Раиса Максимовна так медленно говорит: «Николай Иванович, ну что же это ваш земляк делает?» А я не знаю, что ей ответить…

- Она имела в виду октябрьский пленум 1987 года?

- Нет. Это было позже, когда Ельцин уже пошёл вразнос… И Горбачёв, увидев моё состояние, говорит: «Раиса, Раиса, ты Николаю Ивановичу такой вопрос не задавай. Он единственный человек, кто нам говорил, чтобы не назначали Ельцина. А мы его не послушали. Ни я, ни Егор, ни пленум».

- После отставки были у вас встречи с Михаилом Сергеевичем?

- За 19 лет встретились всего два раза. Уломали меня китайцы… много-много фирм приехало. А у меня с ними всегда были хорошие отношения, хотя я не люблю всякие тусовки. Прихожу в киноконцертный зал «Россия», захожу в маленькую комнатку президиума… Костиков (В.В. Костиков - пресс-секретарь Б.Н.Ельцина в 1992-1994 гг. - Авт.) сидит, ещё кто-то, и Горбачёв в это время приходит… «О! Здравствуй!» Сели, чай пьём. А тогда знаете, что было… шумиха вокруг НТВ Гусинского. Горбачёв тогда к Путину даже ходил. И Горбачёв сам затеял разговор: «Вот, ты понимаешь, это что такое?.. Гласность!.. Смотри, что делается!» Я отвечаю: «Михаил Сергеевич! Я не знаю тонкостей, но 800 миллионов долларов, которые Гусинский дёрнул с Газпрома, - это не шутки. Вы знаете, я ведь заводчанин, 25 лет с рабочими и всякие слова знаю… Вот был у нас анекдот. Приходит Иван из цеха и говорит жене: Машка, давай бутылку! Она говорит: ты чего, Ваня, ещё только среда… А он: есть повод - я в профсоюз вступил! Жена отвечает: Ваня-Ваня, вечно ты вступаешь то в дерьмо, то в профсоюз… Я говорю: «Михаил Сергеевич, так и ты - зачем ты куда-то вступать начал?»

А вторая встреча… Я не знаю, Раиса, по-моему, уже умерла… Как-то на Рождество пригласил патриарх Алексий II на приём. И там был Горбачёв с дочкой. Подошёл буквально на две минуты: «Ну, как дела?» Я говорю: «Нормально». И разошлись.

- Будь возможность, что б вы сейчас передали всё-таки Михаилу Сергеевичу?

- У меня к нему один вопрос. Я ведь до 1987 года его искренне поддерживал… Можете ему это передать, если встретитесь с ним. Преобразования в стране были нужны. Говорю это, как заводчанин, знаю, как мы были повязаны по рукам и ногам. Плановая структура нашей экономики помогла нам победить в войне, совершить индустриализацию, но ситуация в стране менялась, а система оставалась прежней. Другое дело, что были допущены большие ошибки. Если бы мы перестройку ограничили, как она намечалась, только экономикой, то мы бы не оказались в таком положении. Ни одна страна в мире не занималась реформами при ослабленном государстве. Возьмите тот же Китай. Мы же, начав с экономики, взялись менять ещё и общественный строй и политическую систему! Мы всё бросили в один котёл, всё забурлило… Об этом мы говорили Горбачёву, но у него уже были другие советники в конце 1980-х годов. Советники, которые всё делали для того, чтобы вот всё произошло.

Что я могу сказать ему? Или он бодрится сейчас, пытаясь показать, что ничего страшного не произошло, что я, мол, всё правильно делал. Или он искренне верит, что всё сделал правильно. Для меня это полнейшая загадка. Я бы хотел, чтобы он всё-таки критически отнёсся к тому, что он сделал во время руководства страной. Я не скрываю, что есть и моя вина в том, что мы его сделали генеральным секретарём. Я ведь его поддерживал, когда мы его ставили. Но когда мы увидели, что этот

человек не приспособлен для руководства таким гигантским государством в 300 миллионов человек, было уже поздно. Он был бы хорошим проповедником. В старой системе, если бы её не меняли, Горбачёв плавал бы как в шоколаде. Я бы пожелал, чтобы он критически отнёсся к своим действиям… Живём-то один раз…

- …раскаялся.

- Да! Да! Живём-то один раз… Ну, уйдём, и что? Дадим возможность каждому по-своему интерпретировать. Сталин незадолго до своей смерти сказал одному журналисту: «Когда я умру, на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её». Вот посмотрите, сколько сегодня книг о Сталине. Идёт осмысление. Я хочу, чтобы Михаил Сергеевич помог этому осмыслению. Я не успеваю их собирать. Я ведь тоже не ангел, тоже не пушистый, у меня тоже есть свои грехи… но я всё-таки их осмыслил. Но, глядя на Горбачёва, я вижу, что своих грехов он не понимает. Или такой характер, что бодрится. Надо сказать честно, а не делать из себя бодрячка. Мы не молоденькие.

Москва, май 2009 г.

Юрий Прокофьев

Прокофьев Юрий Анатольевич - Председатель Президиума Центрального совета общероссийского общественного движения «Отчизна». Родился 20 февраля 1939 г. в посёлке Муйнак, Каракалпакская АССР. В 1989-1991 гг. - 1-й секретарь Московского городского комитета КПСС. В 1990-1991 гг. - член Политбюро ЦК КПСС. Участник ГКЧП.

- Вы входили в последний состав высшего органа партийной власти СССР, Политбюро ЦК КПСС. Почему вы, члены политбюро, большинство которых впоследствии громко сокрушалось по поводу развала страны, не попытались в каком-то рывке спасти Советский Союз? Извините, но Родина-то на кону стояла…

- Первая ошибка, которая была нами допущена, - это то, что на XXVIII съезде КПСС в 1990 году мы позволили внести в Устав партии изменение о том, что генеральный секретарь избирается и освобождается от должности только съездом. Иначе в апреле 1991 года пленум ЦК точно снял бы Горбачёва с поста генсека, тогда вопрос об этом стоял. Не зря, вероятно, материалы апрельского и июльского пленумов ЦК до сих пор засекречены; вот, дарю вам на память моё до сих пор засекреченное выступление на этом пленуме. Мы уже понимали, к чему всё идёт, и на июльском пленуме приняли решение о проведении внеочередного XXIX съезда КПСС в октябре 1991 года. После этого съезда Горбачёв бы генсеком не остался. И я считаю, что путч в августе 1991 года был хорошо подготовленной провокацией, сродни поджогу рейхстага в Германии, для того, чтобы в октябре не состоялся тот самый внеочередной съезд КПСС и чтобы курс руководства СССР никак не изменился бы. Чтобы Горбачёв продолжал чётко вести страну к развалу.

- Самоубийственный мотив самого Михаила Сергеевича при этом - самая большая загадка XX века?

- Зачем это нужно было самому Михаилу Сергеевичу? В 1992 году во время празднования первой годовщины основания «Независимой газеты» сатирик Иванов, который, как и Горбачёв, был в числе приглашённых, говорит Михаилу Сергеевичу: «Вы были президентом великой державы. Вы были генеральным секретарём крупнейшей коммунистической партии мира. Государство распалось. Партию запретили. Это у вас случайно получилось или вы нарочно сделали? Я не понимаю...» Горбачёв ответил: «Ну и хорошо, что вы не понимаете». Есть выступление Горбачёва в Стамбульском университете в 1999 году, где он заявил студентам, что целью его жизни была ликвидация коммунистического строя в СССР и коммунизма вообще. Раньше всех, по словам Горбачёва, это поняла его супруга Раиса Максимовна и помогала ему продвигаться по служебной лестнице, чтобы Горбачёву было проще решить свою задачу. И он эту задачу решил. Но в мире, как сказал тогда Горбачёв, остаётся ещё одно зло - компартия Китая, с которым надо во что бы то ни стало покончить, и тогда наступит всеобщее благополучие.

Ходили слухи, что Горбачёву после распада СССР якобы светил пост генсека ООН, а Михаил Сергеевич ведь был страшно самолюбивым человеком, обожал всякие почести, мол, должность Генсека КПСС была ему уже тесновата, а вот весь мир - это другое дело. Второй вариант, более вероятный. Горбачёв в чём-то запутался, и американцы заставили его действовать так, как было выгодно им. Юрий Иванович Дроздов, который в СССР 11 лет возглавлял нелегальную разведку, вспоминал, что в 1992 году в ресторане Фёдорова на Остоженке в Москве собрались ветераны разведки СССР и США; они, кстати, и до сих пор встречаются. Выпили. И кто-то из американцев сказал: «Вы точно не доживёте, но ваши дети когда-то узнают, кто из ваших работал на американскую разведку… И они будут в шоке!»

- Решение поставить Ельцина в Москве было фатальной ошибкой Горбачёва?

- Это была ошибка Лигачёва (член Политбюро ЦК КПСС. - Авт.). Ельцин был управленцем старого стиля. У него была великолепная память на цифры, на людей, но, скажем, в экономике он по-настоящему не разбирался. План любой ценой! У меня много воспоминаний о раннем московском Ельцине, около пяти месяцев мы с ним работали рука об руку с утра до ночи. Это была достаточно интересная фигура. Ельцин обладал, я бы сказал, не столько умом, сколько звериным инстинктом. Он моментально перестраивался, если чувствовал, что аудитория его не воспринимает, быстро понимал, что от него ждут слушатели. У Ельцина были два уникальных качества - он не боялся вышестоящего начальства и был способен очень быстро принимать неординарные решения. Но персонально человек для Ельцина ничего не значил; причём не только конкретный сотрудник, Ельцин и с письмами не разбирался, не вникал в них.

Из-за Ельцина покончил с собой бывший первый секретарь Киевского райкома партии Коровицин. Как это произошло? В Москву приехал президент Франции Миттеран. С его супругой Раиса Максимовна (жена М.С. Горбачёва. - Авт.) пошла гулять по Арбату. Зашли в овощной магазин. А что собой представляли овощные магазины советских времён, вы, конечно, помните. Горбачёв Ельцину за это воткнул. Ельцин тут же дал указание снять с работы партийного секретаря того района, в котором находился магазин - Коровицина, и исключить его из партии. Но партийная комиссия не нашла оснований для исключения Коровицина.

Тогда Ельцин бросил все силы - в том числе и спецслужб, чтобы доказать, что Коровицин взяточник; но я отлично знаю, что он никогда взяточником не был. Ходили по всем ателье района, по всем магазинам, спрашивали, где шьёт его жена, где, почём и что покупает… Жуткое давление! Коровицин ушёл на работу в Министерство цветной металлургии, но преследовать его всё равно продолжали. В результате он выбросился с девятого этажа на проспекте Калинина. Я единственный из руководителей Москвы был на его похоронах. Всего было человек 300, но никто - так боялись Ельцина! - слова не вымолвил ни в морге, ни на Троекуровском кладбище. Когда Ельцин меня спросил, почему там был, я ответил: «А как бы люди отнеслись к тому, что на похоронах не было бы ни одного руководителя Москвы?» Был ещё один похожий случай, когда с недостроенного гаража выбросился секретарь Перовского райкома, которому Ельцин никак не мог простить того, что когда-то, ещё до него, в Перовском районе Гришин избирался в Верховный Совет. Ельцин страшно не любил своих предшественников.

- Много легенд ходит про знаменитый октябрьский пленум 1987 года, где Ельцин проявил себя чуть ли не героем… Вы хорошо знали Горбачёва. Почему он не пресёк дальнейшую политическую самодеятельность Ельцина, в конце концов погубившую самого Михаила Сергеевича?

- На этом пленуме я не был, но отлично знаю, как и что было. К этому времени Ельцин понял, что Москва ему не по зубам. Первый раз я это почувствовал в сентябре 1987 года, когда в День города Ельцин приехал в Моссовет и пришёл ко мне в кабинет. Сидим разговариваем, а я вижу, что он мрачный, чёрный, без всякой радости на лице; человек в состоянии сильной депрессии. После этого я был в кабинете Сайкина, где раздался звонок Горбачёва: «Ельцин мне тут прислал письмо, просит отставки…» Отставки он не получил, но в состоянии депрессии выступил на этом самом пленуме. На мой взгляд, тогдашним руководством страны была сделана глупость - выступление Ельцина надо было публиковать, а не скрывать, поскольку в нём не было ничего крамольного, а ложную, «смелую» версию ельцинского выступления позже запустил один известный журналист.

Ельцин после пленума инициировал самоубийство - воткнул в себя большие ножницы для резки бумаг. Я там не был, но мне об этом рассказывали секретари горкома Карабасов, Андрианова и Кузнецов, которые первые вбежали в кабинет Ельцина на крик дежурного секретаря

и вызвали «Скорую помощь», хотя рана-то была незначительная. Потом был пленум горкома, на котором Ельцина снимали и с которым, видимо, немножко перестарался орготдел ЦК. Они поговорили с большим количеством людей, но многие члены горкома к Ельцину, мягко говоря, и так относились плохо, и я в том числе. Выступили с резкой критикой. Ельцин этого не ожидал, почернел и кроме «извините» сказать ничего не мог.

Горбачёв не думал, что Ельцина с таким треском освободят на горкоме партии. Настроение актива его в какой-то мере напугало. И я считаю, что Горбачёв оставил Ельцина в политике согласно той пословице: «Для чего в реке щука? Чтоб карась не дремал». Он периодически запугивал партийный архив: «Если не будет меня, то придёт Ельцин!» И доигрался.

- В 1980-е годы вы были не только не последним человек во властных структурах Москвы, но и со временем стали партийным хозяином столицы, поэтому знаете точно, кто стоял у истоков возвышения Юрия Михайловича Лужкова.

- Я не только знаю, но и сам, по крайней мере, два раза сыграл ключевую роль в карьерных назначениях Лужкова. Первый раз, когда в 1986 году первый секретарь Московского горкома КПСС Ельцин поставил передо мной, секретарём исполкома Моссовета, задачу: обновить всех заместителей председателя городского исполкома Сайкина. Причём поставил своеобразно… Если раньше существовала практика приглашать на эти должности главным образом первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, то Ельцин потребовал исключить этот номенклатурный контингент: «Найдите других людей!» Стал думать: кого? Нужны ведь были более-менее подготовленные люди. Мне подсказали, что в Моссовете существуют постоянные общественные комиссии и среди людей, их возглавляющих, есть специалисты, разбирающиеся в специфике работы городского хозяйства.

Одним из этих людей был начальник научно-технического управления Министерства химической промышленности Юрий Михайлович Лужков, возглавлявший общественную комиссию по коммунально-бытовому обслуживанию населения. Это прачечные, химчистки, швейные мастерские, местная промышленность… Курируемую им структуру Лужков изучил очень хорошо. Я с ним побеседовал. Он поначалу отказался. Пришлось уговаривать: «С Сайкиным вы наверняка найдёте общий язык, потому что у вас обоих есть опыт работы директорами крупных предприятий». Лужков встретился с Сайкиным и понравился ему настолько, что тот сразу сделал Юрия Михайловича своим первым заместителем. Так, с моей лёгкой руки, Лужков встал на первую реальную стартовую ступеньку к будущему руководству всей Москвой. Из Министерства химической промышленности в мэры города он не попал бы никогда.

Во второй, пожалуй, самый ключевой, раз я продвинул Лужкова в 1989 году, когда председатель Моссовета Гавриил Попов пришёл ко мне,

в то время первому секретарю МГК КПСС, с вопросом: «Кого вы посоветуете нам выдвинуть на должность председателя горисполкома?» Поскольку Попов просил кого угодно, кроме Сайкина, я предложил Лужкова. «Почему?» - спросил Гавриил Харитонович. Я ответил: «Потому что Лужков наименее политизирован, на партийной работе не был никогда и очень хорошо адаптируется к новым условиям». Попов попросил привести пример. Я рассказал, что, когда Лужков был директором предприятия, выпускавшего анализаторы почвы и воды, которые возили на машинах по всей стране, он на эти машины умудрился присобачить пчелиные ульи; машины ездили, пчёлы собирали мёд, Лужков этот мёд сдавал. Попов выслушал, и в результате состоялось решающее выдвижение Юрия Михайловича. Потом, правда, Лужков везде говорил, что его двигал Ельцин. Это неправда, Ельцин его выдвинул только один раз - после отставки Попова на должность мэра Москвы.

- То есть помощью коммунистов Лужков в годы перестройки не гнушался? Ну а демократом-то был правоверным?

- Последний раз я разговаривал с Лужковым утром 19 августа 1991 года - с этого дня наши политические дороги с Юрием Михайловичем разошлись, - а ещё в июле 1991 года Лужков приходил ко мне платить партийные взносы. Какое там гнушался!.. Помню, когда я его рекомендовал на работу с Поповым, Юрий Михайлович пришёл ко мне и говорит: «Юрий Анатольевич, вы же понимаете, что мне придётся змейкой прыгать между вами и Поповым?» Лужков никогда не был человеком Попова. Не знаю, кстати, кто именно рекомендовал его на мэрскую должность: Попов или сам Ельцин, который хорошо запомнил Лужкова по его плодоовощной деятельности в Москве.

В 1987 году, когда у нас провалился зампредседателя горисполкома, курировавший обеспечение Москвы плодоовощами, решили поставить на это направление Лужкова. Тот пришёл советоваться ко мне. Я ответил: «Вам это интересно не будет, зато городу будет полезно»; я действительно был в этом уверен, потому что знал, как быстро Лужков умеет адаптироваться к новым направлениям своей деятельности, да и организатор он был хороший. Юрий Михайлович возглавил Главмосплодоовощпром, вник в ситуацию, увидел, что плодоовощным базам дают фонд заработной платы под численность работающих, среди которых преобладали привлечённые на переборку овощей студенты и научные сотрудники, пошёл к премьер-министру Рыжкову и добился, чтобы деньги давали под объёмы работ. В результате работники плодоовощных баз стали заинтересованы больше работать сами, и через полгода мы в Москве привлекать к такого рода работам население перестали.

Демократом Лужков, конечно, никогда не был. У него даже была привычка, пользуясь своей лысиной и кепкой, сунув руку в карман, при выступлениях копировать Ленина. В 1999 году, когда Юрий Михайлович в тандеме с Примаковым решил выиграть выборы и прийти к власти в России, ко мне пришли люди, которые тогда в известной мере определяли

будущего президента России, и попросили дать характеристику Лужкову. Я им рассказал только одну историю о Юрии Михайловиче. Будучи руководителем Главмосплодоовощпрома, Лужков ездил в Сингапур, знакомиться с тем, как в этой стране поставлена соответствующая отрасль, а по возвращении поделился со мной общими впечатлениями от поездки: «Юрий Анатольевич! Вот ты ратуешь за коммунизм, а я там побывал! Знаешь, как в Сингапуре? Плюнул на тротуар - пять долларов. Упал мусор с машины - пятьдесят долларов. Употребляешь наркоту - вешают. Порядок - как при коммунизме!» «Мы поняли характер Лужкова», - сказали мне эти люди и больше никаких вопросов не задавали. Так что, что такое демократия, Юрий Михайлович никогда не представлял.

- В последние годы существования Советского Союза вы делили власть над Москвой с Гавриилом Поповым. Многие в Санкт-Петербурге недовольны тем, как управлял городом Анатолий Собчак - соратник Попова по Межрегиональной депутатской группе. Но ведь Москва довольно сносно выжила при Попове… Быть может, не так уж и важен опыт и знания управленца, если у человека есть демократическая воля?

- При мне, когда я руководил партийной организацией Москвы, Попов пробыл мэром около года, поэтому по поводу управленца Попова могу рассказать вот что… Гавриил Харитонович не знал ни города, ни системы его управления - и понимал это и потому и ушёл с должности мэра Москвы. Но до этого выполнил то, что ему было велено: возглавил от имени Межрегиональной депутатской группы столицу - это было очень важно, поскольку революции происходят в столицах, а не на периферии.

В августе 1990 года Горбачёв попросил меня и Александра Яковлева (секретарь ЦК КПСС. - Авт.) встретиться с Гавриилом Харитоновичем и выслушать его предложения по управлению городом. Попов только что вернулся из Парижа, где набирался опыта, и был в полном воодушевлении перенести парижскую схему на Москву. В беседе выяснилось, что Попов не понимает, что мэрия Парижа нанимает организации для ведения всего комплекса работ по ЖКХ и городу, а в Москве городское хозяйство полностью принадлежало мэрии. Никаких других организаций в этой области в стране тогда просто не было, соответственно, конкурсная система управляющих компаний Москве не подходила. Единственное, что сумел реализовать из своего парижского опыта Попов - это разделить Москву на девять префектур и создать вместо районов около 130 управ. Но делалось это им с сугубо политической целью - разрушить партийную организацию Москвы, чтобы городские структуры и партийные структуры столицы резко различались: тридцати трём районным партийным организациям было гораздо сложнее работать с префектурами и муниципалитетами. Вот и весь его демократический «вклад» в городское хозяйство Москвы. А в принципе Гавриил Харитонович довольно часто, как минимум раз в месяц, приходил ко мне, беседовал… Но как только мы с ним о чём-то договаривались, он шёл на митинг на Манежную площадь и выступал там с совершенно противоположных позиций. Я ему звоню: «Гавриил Харитонович, но мы же договорились?!» Он: «Юрий Анатольевич, но это же политика!» В одном из интервью я назвал Попова

самым умным, самым хитрым и самым беспринципным политиком конца 1980-х - начала 1990-х годов.

Ну а Москва в те годы выжила ещё и потому, что реально городское хозяйство вместе с нами тянул, кстати, Лужков, а не Попов.

- Как и Лужков, 18 лет Москвой правил член Политбюро ЦК КПСС Виктор Гришин, с которым вы тоже много работали. Если составить условный рейтинг знаковых руководителей Москвы: Хрущёв, Гришин, Ельцин, Попов, Лужков… Кто больше всего принёс пользы столице?

- Столько, сколько сделал для Москвы Гришин, не сделал никто. Гришин был лучший руководитель этого города. Взять хотя бы ситуацию с сохранением культурных памятников. Помню, как секретаря Сокольнического райкома партии чуть не сняли с работы за то, что на Разгуляе, рядом со зданием инженерно-строительного института, расчищая двор, снесли двухэтажное здание XIX века постройки. Гришин заставил по чертежам полностью его восстановить. То есть он всё это контролировал, и исторический центр Москвы сохранился благодаря Гришину.

Известная на всю Россию Московская кольцевая автодорога. В последнее время её почему-то было принято связывать с именем Лужкова, хотя МКАД построена при Гришине; у меня самого, кстати, есть грамота за строительство МКАД, я тогда ещё работал в комсомоле. Лужков только расширил и отремонтировал МКАД. План постройки Третьего транспортного кольца Москвы, который преподносили как лужковский проект, был составлен ещё при Гришине. При Гришине был разработан даже план Четвёртого транспортного кольца. Другое дело, что Лужков это - пускай с ошибками - но осуществил.

Если вспоминать об отношении Гришина к культуре, то у меня всегда вызывает раздражение Любимов (художественный руководитель Театра на Таганке. - Авт.). Театр на Таганке вообще не мог бы существовать, если бы его не поддерживал Гришин. При Гришине началось строительство нового здания Театра на Таганке. Гришин продавливал новые постановки этого театра, если их по каким-то причинам не разрешал Минкульт. Именно Гришин разрешил массовые похороны Высоцкого - в дни Олимпиады это было практически невозможно. Гришин никогда не был консерватором. Я пришёл с Гришиным в горком в одно время, только он первым секретарём, а я инструктором. Я видел, что поначалу он был очень жёстким человеком, но со временем узнал людей, вник в дела и помягчел. Хотя союзные министры всегда шли к нему и дрожали - Гришин же был членом политбюро. Помню, что самое страшное для нас было, если на бюро горкома Гришин тихим голосом говорил: «Ну что же вы, голубчик, так плохо работаете?» Значит, надо было назавтра писать заявление об уходе с работы.

А умер Гришин трагически в 1992 году. Мало того, что он переживал происходящее в стране, ему даже не назначили никакой персональной пенсии. И вот происходило какое-то очередное переоформление пенсий и

Гришина заставили прийти в собес лично, хотя во многих случаях за пенсионеров с доверенностями приходили родственники. Гришин умер в очереди в этом собесе. Считаю, что было обычное российское издевательство.

Москва, октябрь 2010 г.

Фёдор Бурлацкий

Бурлацкий Фёдор Михайлович - экс-главный редактор «Литературной газеты». Родился 4 января 1927 года в Киеве. Работал в журнале «Коммунист», газете «Правда», в отделе соцстран ЦК КПСС. Автор книги «Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн».

- Реформы у нас в стране довелось начать и провалить Горбачёву, выдвиженцу Андропова. Причём Горбачёв опирался на консультантов «раннего» Андропова, тех, кого ещё вы лично брали в начале 1960-х на работу к секретарю ЦК Андропову, - Шахназарова, Арбатова, Бовина, к примеру. Почему проницательный Андропов не разглядел в Горбачёве безвольную, не соответствующую масштабам страны личность?

- Я готов рассказать вам всю правду, потому что действительно был у истоков всех этих дел. Дело было не только в человеке. Я много критиковал Михаила Сергеевича, хотя мы сохранили с ним дружеские отношения. Возьмите одну из моих книг «Горбачёв и Ельцин. Схватка». Там есть моя оценка того, что произошло с Михаилом Сергеевичем. Михаил Сергеевич был совершенно не готов к той исторической роли, которая выпала на его долю. Он никогда не размышлял над серьёзными экономическими реформами. По натуре он мягкий человек…

- Это-то понятно. Непонятно, почему Юрий Владимирович вовремя не увидел в нём этих роковых для СССР черт и не оградил его от большой власти?

- У Андропова был очень небольшой выбор…

- …и мало времени, да?

- В политбюро не на ком было глаз остановить не только с точки зрения продвижения передовых идей, но и с точки зрения решения элементарных проблем. В некоторых отношениях были просто неграмотные люди. Подгорный, к примеру, посетив в Париже магазин «Лафайет», где увидел изобилие товаров, сказал помощнику: «Тоже мне, нашли дурака! Выбросили к моему приходу!»

Почему Андропов не разобрался в Горбачёве? Горбачёв был очень милый и приятный человек. Он мягко входил в отношения с людьми, но не путём решения каких-то проблем или задач, а путём занимательных, «культурных» разговоров. Но к роли реформатора Горбачёв был абсолютно не готов! И уже то, что он начал свои реформы с решения проблемы алкоголизма в стране, говорит о полном непонимании Горбачёвым ситуации в тогдашнем СССР. При чём здесь алкоголизм? Я

как-то сам брал интервью у Горбачёва и задал ему два вопроса. Я спросил: «Как случилось, что СССР в последние годы оказался в таком сложном экономическом положении?» Он ответил: «Фёдор, нефть сильно упала в цене, что сразу подкосило нашу реформу». А по поводу антиалкогольной кампании Горбачёв мне ответил: «Фёдор, мне это Лигачев подсунул!» А Лигачев не пил. Кстати, на одном из приёмов в Кремле, где был Рейган, я как-то спросил Лигачева: «Егор Кузьмич, вы совсем не пьёте?» Он: «Совсем не пью!» «А вот если президент Рейган скажет тост, выпьете?» «По политическим мотивам выпью!» И выпил до дна. Нашёлся!

- Бытует версия, что с приходом к власти Андропова могли начаться репрессии в отношении либеральной интеллигенции. Так ли это?

- Репрессии были бы только в отношении коррупционеров, а к интеллигенции Юрий Владимирович относился с большим снисхождением. Его абсолютно не волновало, в какой тональности построена фраза в тексте и прочие подобные вещи. Когда Андропов стал вторым секретарём ЦК КПСС, он попросил через помощников официально передать главному режиссёру Театра на Таганке Любимову, что теперь тот может свободно работать и ничего не опасаться. Это дословно! Я это точно знаю, потому что наша группа помощников и поддерживала артистов Таганки. Андропов не был мягким человеком, венгерский опыт не прошёл для него даром, он очень боялся всякого рода событий, направленных на развал страны, но говорить, что он был склонен к репрессиям, нет абсолютно никаких оснований.

- Вы были главным редактором «Литературной газеты». Правду говорят, что решение ЦК о том, что у «Литературной газеты» может быть своё, отличное от партии, мнение, принималось при непосредственном участии Юрия Владимировича?

- Этого вам я сказать не могу. Когда меня назначали главным редактором «Литературной газеты», напутствовал меня на эту должность Горбачёв. Другой важный штрих, который вас интересует, был связан не с «Литературной газетой», а со статьёй Андропова в журнале «Коммунист». Вскоре после того, как он стал генеральным секретарём, он решил заявить свою политическую позицию. Я сейчас уже не помню, как называлась эта статья. Андропов назвал меня в качестве одного из авторов для подготовки этой статьи. В составе группы пишущих эту статью были и ярые догматики, и умеренные люди, и я - который выделялся своими прогрессивными, как, по крайней мере, я тогда считал, взглядами.

Меня пригласил Крючков, ранее бывший заместителем Андропова в КГБ, и сказал: «Фёдор Михайлович, на вас рассчитывает Юрий Владимирович». Я сделал свой кусок текста - Косолапов (в то время член ЦК КПСС, с 1976 по 1986 год - главный редактор журнала «Коммунист». - Авт.) в значительной степени свёл его на нет. И статья получилась банальной. Хотя Юрий Владимирович замышлял её как программную. В ней были заявлены очень важные вещи: решительная борьба с коррупцией на основе ленинских принципов, касающаяся в том числе и

партийных льгот - персональных машин и так далее, изучение положительного экономического опыта реформ в соцстранах; изучение опыта европейской экономической интеграции - уже тогда Андропов об этом задумывался. К несчастью, многое из этого было нивелировано, а сам я был отправлен в командировку и не смог побороться за оригинальный материал.

- Что вы считаете наиболее важным, что успел сделать, придя к власти, Юрий Владимирович?

- Прежде всего настоящая, беспощадная борьба с коррупцией. Причём речь шла не о расстрелах отдельных государственных воров и чиновников, а о том, чтобы пройтись по всей партии и очистить её от воровства. Андропов считал, что коррупция, прежде всего, мешает даже не просто претворению наших социалистических идеалов в жизнь, а развитию страны. Второе. Именно Андропов повернул взгляды многих наших партийных руководителей в сторону западного экономического опыта. Сам он мало знал Запад, но смотрел на него через восточноевропейские страны, где уже тогда шли многие процессы, заимствованные у Запада. Третье. Андропов собирался проводить внутри партии линию на многообразие мнений и точек зрения на разные проблемы. Это была его элементарная позиция. Четвёртое. Это вопрос об экономических реформах. В то время Китай уже начал крупные экономические реформы, и речь шла уже не о том, чтобы подумать о себе, но и о том, чтобы понять, что делает наш великий сосед.

Я был автором книги о Мао Цзэдуне, второе издание которой было направлено на обоснование экономических реформ в Китае. Позже я написал статью «Междуцарствие, или Хроника времён Дэн Сяопина» - первую в СССР об экономических реформах Китая. Многие мне говорили в ужасе: «Зачем ты это сделал?!» Я отвечал: «Это согласовано! Об этом знают». Хотя это не было ни с кем согласовано. Но я специально позвонил Володе Крючкову и попросил его: «Володя, спроси Юрия Владимировича, как он относится к моей статье?» Андропов, который уже был генсеком, по словам Крючкова, ответил так: «Скажи Федору, что я просмотрел его статью... Она не вызвала у меня возражений». Вчитался ли он, вдумался ли - я не знаю. Но я точно знаю, что и другие консультанты обсуждали с ним вопрос о переходе к экономическим реформам. Андропов был сторонником реформ, но осторожным сторонником. Неоднократно повторял, что «вначале надо элементарно накормить страну». Я считаю, что если бы Андропов прожил ещё несколько лет, то он бы наверняка повернул страну к экономическим реформам. Но не к тем реформам, которые у нас состоялись при Ельцине!

Москва, август 2009 г.

Алексей Пушков

Пушков Алексей Константинович - автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» на канале ТВ-Центр. Родился 10 августа 1954

г. в Пекине. В 1988-1991 гг. был спичрайтером Михаила Горбачёва. Профессор и преподаватель МГИМО.

- Вашими устами, Алексей Константинович, Горбачёв отправил Советский Союз в небытие?

- Никак не моими.

- Ну как же?.. Вы же ему речи писали с 1988 по 1991 год?

- Писал - о необходимости заканчивать «холодную войну», но не распускать СССР. Чисто по-человечески я к Горбачёву отношусь хорошо. Изначально у Горбачёва были позитивные мотивы. Он не злой. Если бы он был злым человеком, он бы отправил в 87-м Бориса Николаевича либо первым секретарём в Сахалинский обком партии, либо отправил бы его послом в Монголию, где Борис Николаевич успешно бы спился…

- Для Советского Союза было бы лучше, если бы Михаил Сергеевич был злым!

- Он ещё и очень нерешительный человек! Я Михаила Сергеевича спрашивал: «Не жалеете, что, убрав Ельцина из политбюро, не сделали его послом в Монголии?» Он отвечает: «Да нет, это было бы неправильно… Хотя, может быть, и стоило». Тогда Горбачёв полностью утратил контроль над ходом событий. Поэтому как к политику я к Михаилу Сергеевичу отношусь негативно. Он согласился на уход из Восточной Германии без каких-либо компенсаций для СССР. Пятнадцать миллиардов марок, которые ему тогда заплатил Коль - это просто смешно. Надо было просить двести миллиардов! И нам бы их за объединение Германии дали. Трёхсотпятидесятитысячное войско, которое было у нас в Германии, мы не смогли как следует разменять! Мы могли потребовать на договорной основе от НАТО, чтобы оно не расширяло свои владения. В Восточную Германию они войска-то не вводят, как и обещали. Но зато вводят в НАТО Польшу и Прибалтику, что гораздо ближе к нашим границам. Госсекретарь США Джеймс Бейкер дважды приезжал в Москву и говорил Горбачёву и Шеварднадзе, что готов идти на многое ради объединения Германии. Спрашивал, какие нужны гарантии, договоры… Шеварднадзе оба раза отвечал: «Мы с друзьями не торгуемся!» Эта ситуация описана в книге американского историка Майкла Бешлосса и политика Строба Тэлботта «На высшем уровне». Позже мне подтвердил достоверность этих фактов Александр Бессмертных, который участвовал в этих переговорах.

- Почему они так отвечали?

- Потому что в Советском Союзе происходило бог знает что! Нарастало социальное недовольство. Власть долбила межрегиональная группа. В некоторых республиках начались волнения. Власти на всё не хватало. С одной стороны, внешняя политика была самой заметной частью деятельности Горбачёва: конец «холодной войны»! Да, но на каких условиях?! Исключительно на условиях Запада! Горбачёв там всё проиграл, но не выиграл и дома. Но надо понимать: когда начинается обвал такой системы, действительно трудно всё проконтролировать. У Горбачёва не хватало личной интеллектуальной и политической силы,

чтобы выстоять. А вокруг него были лишь люди конъюнктурного типа. Я думаю, Шеварднадзе, скорее всего, уже тогда всё понял и стал зарабатывать себе очки на Западе. Думаю, что его действия были осознанны, он понимал, к чему всё это идёт…

- Это больше похоже на правду.

- Но это касательно Шеварднадзе. А Горбачёва? До конца не могу понять, о чём он думал тогда.

- У вас была компетенция зайти к нему и спросить?

- Нет, тогда не было. Я был в группе его спичрайтеров, а не помощником. Отвечали за эти вопросы Шахназаров, Остроумов, Черняев. Они могли зайти и что-то сказать. Я находился во втором эшелоне. Мы писали аналитические записки, которые ложились на стол Горбачёву, их представляли на политбюро, а также речи.

- В то время вы именно так, как сейчас, представляли себе ситуацию в стране и мире? Или считали, что всё в порядке?

- С общим направлением, что надо реформировать систему и заканчивать «холодную войну», я был согласен. Но ход событий повергал меня в очень глубокий шок. Я видел, что в ЦК КПСС народ запоем читает антикоммунистическую прессу. Я говорил коллегам: «Вы понимаете, что система не реформируется, а рушится? А когда она рухнет, будет катастрофа!» Мне отвечали: «Да ладно тебе, ты преувеличиваешь!» То, что наступает конец, я окончательно понял после отставки Шеварднадзе на съезде народных депутатов в 1990 году - «в знак протеста против надвигающейся диктатуры». Я был в зале. Это был очень драматический съезд. Горбачёв ведь тогда предложил Шеварднадзе стать вице-президентом; в итоге стал Янаев. Но Шеварднадзе отказался. Он чувствовал, что разделение на два лагеря: либералов, куда входил Александр Яковлев, и консерваторов, где был и председатель Российской компартии Полозков, Крючков, и будущие члены ГКЧП, закончится острым конфликтом. Он понимал, что Горбачёв в своём слабом центризме не удержит ситуацию. В то время работа для меня стала большим бременем. Я понимал, что работаю в обречённой структуре, уже неспособной к выживанию. И стал вести переговоры с руководством МИДа - о переходе на дипломатическую работу. Этот переход должен был состояться в сентябре 1991 года. Но не состоялся.

- А вы не хотели свой уход осуществить раньше, демаршем?

- Я против демаршей - они дурно пахнут, в основном, желанием продаться подороже. И всегда с большим подозрением относился к тому, что у нас называлось «демократическим движением». А тогда можно было уходить только к демократам, где было много демагогии. Я видел среди демократов людей, которые прекрасно существовали в рамках советской системы, были передовыми комсомольцами, членами парткомов, имели прекрасные квартиры, а потом выяснилось, что они вдруг стали страшными демократами, просто, оказывается, они в себе всю жизнь подавляли свои убеждения! Лучший пример тому - Юрий Афанасьев.

Была среди демократов масса желающих оказаться на гребне любой волны. Были попросту голодные люди, убеждения которых диктовались отсутствием доступа к цековскому буфету. Были, конечно, и крупные фигуры, страдавшие за свои убеждения… Солженицын, Сахаров… Хотя я считаю, что окружение Сахарова, и прежде всего жена Елена Боннэр, его во многом использовали, наваривая себе тем самым очки на Западе. Ельцина я поначалу считал фактором демократизации, поскольку самим своим несогласием он делал систему более свободной. Но лично Ельцин мне никогда не нравился. А после событий 1993 года я от него окончательно отвернулся.

- Сейчас, встречаясь с Михаилом Сергеевичем, напоминаете ему о его странном поведении в те сложные времена?

- Иногда напоминаю. Михаил Сергеевич не раз бывал в студии «Постскриптума». Подчас он обижается. Однажды сказал мне: «Слушай! Ты меня с Борисом через запятую не ставь». Это в одной из программ я выразился: «Тенденции, характерные для Горбачёва, Ельцина…» Михаил Сергеевич оскорбился. Он Ельцина презирал, хотя и проиграл ему. Если бы не было Горбачёва, то Ельцин никогда бы не стал руководителем страны. Потому что только такой человек, как Горбачёв, мог не увидеть той опасности, которая исходила от Ельцина для всей страны и для него лично.

- И всё-таки, Алексей Константинович, с трудом верится в личную слабость человека, прошедшего горнила ЦК КПСС… Господин Гозман, например, утверждает, что Горбачёв был опутан Западом политически связанными кредитами.

- Да, есть ещё и «теория заговора». Будто Горбачёва с самого начала вели американцы. Но то, о чём вы говорите, знать может только сам Горбачёв; может быть, Ельцин, но он уже ушёл в мир иной; и, может, кто-то за пределами нашей страны - один-два человека. Поэтому это всегда будет сферой спекуляций, а истину мы не узнаем.

Москва, июль 2009 г.

Леонид Гозман

Леонид Яковлевич Гозман - сопредседатель партии «Правое Дело», советник гендиректора Российской корпорации нанотехнологий Чубайса. Родился 13 июля 1950 в Ленинграде. Был советником и.о. первого замреда Правительства Гайдара. Преподавал в США.

- Во имя чего Михаил Сергеевич развалил страну?

- Вы и правда думаете, что один человек может развалить страну?

- Диссиденты не могли развалить.

- Страна разваливается сама. Когда исчерпывает свои возможности, она разваливается. Она была сильная. Но она жила очень долго на продаже нефти. Она компенсировала неэффективность сельского

хозяйства и всего остального закупками за рубежом, которые компенсировались за счёт высоких цен на нефть при Брежневе. Когда наше тогдашнее руководство влезло в политическую авантюру в Афганистане, саудовцы испугались - решили, что мы рвёмся к тёплым морям. Бросились за помощью к американцам, с которыми у них тогда были плохие отношения. Американцы обещали помочь, а за это потребовали снять квоты на продажу нефти. Когда сняли квоты - упали цены на нефть. А как только упали цены на нефть, нам стало не на что покупать хлеб и всё остальное. Система была уже такая, что всех нельзя было заставить пухнуть с голоду. Поэтому мы вынуждены были брать кредиты. Потом нам их стало нечем отдавать. Мы стали брать политически связанные кредиты. А политически связанные кредиты, которые вынужден был брать Горбачёв, связали ему руки, естественно. И он не мог уже отстаивать ни Восточную Европу, ничего другого.

- Что такое политические кредиты?

- Когда частные банки стали отказываться давать кредиты Советскому Союзу, тогда Горбачёв был вынужден обратиться к правительствам западных государств с просьбой о кредитовании СССР. Они пошли на это... Но, если вы берёте деньги у потенциального противника, против которого учили на всех военных кафедрах, то вы уже понимаете, что он не даст деньги, если вы, допустим, оккупируете Польшу. Вы оккупируете Польшу, но денег не получите. Афганская война погубила Советский Союз. И её начал не Горбачёв, он тогда был никто. Он тогда не принимал таких решений. Это решение принял Леонид Ильич Брежнев, о котором вздыхает сегодня весь российский народ, как о золотых временах.

Санкт-Петербург, июнь 2009 г.

Глава IV. Удавка «холодной войны»

В перестроечные годы в общественном сознании стало укореняться мнение, что многие неурядицы советской жизни происходят из-за того, что прежние, старые, правители СССР не умели и не хотели дружить с Америкой, а США только и ждали возможности, чтобы помочь СССР. Но вот наступило новое мышление. Стало казаться, что без устали летающий по всему миру не по-русски улыбчивый Горбачёв вот-вот сделает Советский Союз частью западной цивилизации. А требовались для этого всего-то пустяки. То признать Катынь преступлением Сталина (и ведь признали), то вновь развенчать самого Сталина (легко опять развенчали), то покаяться и уйти из Афганистана (позорно бежали). Каяться-каяться-каяться, ну и, разумеется, одновременно клясться в лучших чувствах к Америке.

Но шли годы, канул в одностороннем порядке в Лету Варшавский Договор, во второй главе от маршала Язова читатель узнал, как шло сокращение вооружений по договору СНВ-2 - на десять наших ракет одна американская, но уровень заокеанской жизни и её блага, во имя которых

во всех смыслах СССР ослаблял сам себя, как были недостижимой мечтой, так и оставались. И невдомёк было наивным, словно дети, советским людям, что не нужна дяде Сэму ни дружба с СССР, и уж тем более не собирается он тащить на своём горбу страну победившего социализма в капиталистический рай, а бесконечное покаяние СССР требовалось Западу, чтобы заполучить морально-политические козыри для следующего этапа «дружбы по-американски» - для вмешательства во внутренние дела нашего государства. Ибо согласно американской внешнеполитической доктрине, выработанной в послевоенные годы, само существование Советского Союза было несовместимо с безопасностью США. Хоть тресни в дружеских заклинаниях, но, пока существует СССР, ни о какой дружбе речи быть не может. Вернее, речи-то как раз приветствовались, поскольку отвлекали наивное советское население от истинных целей американских президентов. Впрочем, заглядывая в день сегодняшний, очевидно, что под «существованием СССР» Госдепартамент США и ЦРУ имели в виду не столько геополитическое образование, которое само по себе вряд ли лишало их спокойного сна, а прежде всего, конечно, ядерное оружие - последний реальный аргумент и позднего СССР, и нынешней России в праве на независимость.

Министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных в своих размышлениях о корнях неприязни западного мира к СССР и об истоках «холодной войны» заходит дальше всех. Он утверждает, что США органически не воспринимали нашу страну с 1917 года за то, что она отказалась платить по счетам царской власти, денонсировала многие её международные договора, да и вообще вела себя как некультурный деревенский здоровяк на великосветском парти, а дипломатические отношения с СССР в 1933 году США заключили лишь в пику Гитлеру. Мне кажется, эта версия самая правильная. Фултоновская речь Черчилля в 1946 году, которую принято считать началом «холодной войны», была лишь продолжением общей довоенной политической риторики западного мира о принципиальном неприятии СССР, и теперь понятно, что у Сталина не было никаких шансов подружиться с США даже на волне антифашистского союзничества. К слову, по приведённому ниже в этой главе мнению мэтра отечественной международной тележурналистики Валентина Зорина, загадочная смерть президента Эйзенхауэра весной 1945 года не была случайностью. Эйзенхауэра отравили за попытку развернуть политику США лицом к СССР. То есть за отход от доктрины неприятия Советского Союза, которую Черчилль, очевидно, в назидание следующим президентам США озвучил на следующий же после смерти Рузвельта год.

Говоря о «холодной войне», нужно, конечно, коснуться и такой неотъемлемой её части, как пропаганда. В этой главе представлено несколько её лучших мастеров. И вот что интересно. Проведшие много лет в заграничных командировках журналисты Валентин Зорин и Дмитрий Бирюков, узнав воочию западную жизнь, отнюдь не спешат утверждать, что такая перестройка нам была нужна, а отказ от пропаганды - благо. Зато господин Познер, который из московской студии многие годы

оправдывал в глазах американцев ввод войск в Афганистан или высылку Сахарова, о развале СССР, похоже, не сожалеет, считает приход Горбачёва благом, иначе, мол, была бы ядерная война, а имея гражданство трёх стран, своей главной страной считает Францию.

В методах «холодной войны» США и ЦРУ были не брезгливы. Чего стоит одно только «политическое» назначение митрополита Краковского Юзефа Войтылы папой римским или продуманный до деталей образ лидера профсоюза «Солидарность» Леха Валенсы, который ещё и деньги получал от ЦРУ за свою антисоциалистическую деятельность. И ведь всё это делалось с одной-единственной целью - развалить сначала соцлагерь, а затем и Советский Союз. Просто какая-то маниакальная идея, с учётом того, что в СССР с 1917-го года уже родилось несколько поколений, которые никакой иной власти, кроме советской, не знали, да и знать не хотели, но однако ж стали заложниками реликтового страха США перед первыми большевиками. Вот у кого, скажите-ка на милость, было косное мышление в эпоху «холодной войны»: у СССР или у США? Уж много лет Советский Союз и международные договора соблюдал, и в ООН состоял, и вообще был похож на консервативное буржуазное государство по типу Австро-Венгерской империи, но догматизм американских политиков (или воспоминания об участи Рузвельта - Кеннеди?) не позволял им оставить 360-миллионное население СССР в покое и разрешить ему жить так, как оно жило.

Денно и нощно настырно пробивались сквозь советские глушилки «вражьи голоса»: «Голос Америки», «Радио свобода», «Немецкая волна» и многие другие помельче. Не жалели денег правительства Западного мира ни на штат этих радиостанций, ни на их оборудование. А что же было причиной этого нехарактерного для умеющих считать каждый цент капиталистов бескорыстия? Конечно, желание породить неприязнь у советского населения к собственной власти. Но в данном случае потуги западных «доброхотов», однако, были тщетны, ибо слушатели всяческих «голосов» воспринимали их исключительно как источник сплетен, диковинных новостей, рок-музыки, анекдотов. И как только количество официально разрешённой информации увеличилось, слушать «голоса» враз перестали. Неинтересно стало. Да скоро и сама жизнь внутри страны стала преподносить такие сюрпризы, о которых прильнувший к хрипящему радиоприёмнику советский человек и помыслить не мог.

Так что главной опасностью «холодной войны» была всё-таки не западная пропаганда, а гонка вооружений. Не буду приводить цифры, с ней связанные - их более чем достаточно приводит руководитель Международного отдела ЦК КПСС Валентин Фалин. Ясно, что победить в «холодной войне» - то есть выдержать темп гонки вооружений, навязанный Западом, у СССР шансов не было. США нас банально разоряли.

Что было делать в такой ситуации?

В первой главе генерал КГБ Николай Леонов рассказал, что предлагал руководству СССР отказаться от «размашистой походки по

миру», то есть предложил начать экономить деньги на просоветских режимах стран Третьего мира. (Впрочем, у советского посла в Ливии Погоса Акопова по этому поводу другое мнение, он утверждает, что от такого сотрудничества мы получали и материальную выгоду, а не только геополитическую.) Но этого, конечно, было мало. Лишь тотальный отказ СССР вестись на американские планы по ослаблению нашей экономики мог вернуть народному хозяйству СССР те деньги, которые у него забирала гонка вооружений. Нам следовало производить лишь необходимый для нанесения ответного удара минимум вооружений, способных уничтожить США. Никакие другие виды супермодного оружия нам были (и оказались) не нужны. Но попытки Валентина Фалина убедить Брежнева отказаться от губительной милитаристской политики результата не дали. СССР, словно ослик за морковкой, шёл за США в деле траты громадных средств на вооружение, но денег этих у нас было в несколько раз меньше, чем у зажиточного противника.

Зато решившись более не противостоять американским «друзьям» в конце 1980-х - начале 1990-х, Горбачёв с Шеварднадзе бросились в другую крайность: в одночасье «слили» все милитаристские и геополитические достижения Советской власти. Фактически бесплатно сдали ГДР, предали соцстраны Восточной Европы и арабский мир. Почему? Автор с изумлением узнал, что, оказывается, Шеварднадзе, настаивающий на объединении Германии в сроки, от которых приходил в ужас даже канцлер ФРГ Гельмут Коль, таким образом стремился перехватить лавры объединителя немцев у Горбачёва! Ничего себе соперничество! Читатель узнает от героев этой главы, сколько миллиардов марок предлагали в своё время СССР немцы за разрешение объединить свою страну, но, гляди-ка, пришлось подождать лишь несколько лет и прихода в МИД на Смоленской площади Эдуарда Амвросиевича, и Берлинская стена рухнула бесплатно. (Для непросвещённых поясню, что речь идёт не о деньгах за просто так, а за то имущество, которое мы впопыхах побросали в ГДР, за казармы, полигоны, дома для семей военнослужащих и так далее.) Отдельный, кстати, вопрос: зачем Горбачёв назначил министром иностранных дел не кадрового дипломата, а первого секретаря ЦК КПСС Грузии, который и по-русски-то говорил с трудом? Такие назначения делаются обычно для того, чтобы руководитель-варяг сломал устоявшиеся принципы работы какого-то ведомства и заставил его трудиться по-другому. Как «трудилось по-другому» главное внешнеполитическое ведомство СССР времён Шеварднадзе, говорить излишне, ибо распад Советского Союза налицо.

Впрочем, вряд ли само по себе соперничество Горбачёва и Шеварднадзе за право считаться основоположниками нового детанта могло разрушить СССР. Это версия Александра Бессчастных, но касается она, конечно, только деталей тотального отступления СССР во внешней политике. Собака зарыта глубже. Алексей Пушков в предыдущей главе высказал соображение, что, активно сдавая международные позиции СССР, Шеварднадзе готовил себе запасной аэродром. Была ли это должность президента суверенной Грузии, которую он вскоре занял, или

какие-то другие, более мелкие преференции, не важно. Важно, что это похоже на правду. Сам же факт размена вверенной министру иностранных дел державы на перспективы личной карьеры, разумеется, преступление, сходное с тем, которое совершали перебежчики, носители государственных секретов. В этом смысле расстрел по суду Шеварднадзе за измену Родине логически укладывается в понятие о справедливости, хотя, конечно, былого могущества стране не вернёт.

Валентин Фалин

Фалин Валентин Михайлович - дипломат, советский политический деятель. Родился 3 апреля 1926 г. в Ленинграде. Спичрайтер Громыко и Хрущёва. В 1971-1978 гг. - Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ. В 1989-1991 гг. - заведующий Международным отделом ЦК КПСС. Доктор исторических наук.

- Почему, на ваш взгляд, погиб СССР и был ли у него шанс на спасение?

- Американцы довели Советский Союз до комы и развала с помощью гонки вооружений. Как-то в «Нью-Йорк таймс» попал секретный документ Вайнбергера, где была процитирована его фраза о том, что американцы должны вести войну против Советского Союза и в мирное время, добиваясь постоянного обновления военных технологий и через это обновление обесценивая уже существующие военные системы для того, чтобы СССР вкладывал всё больше средств в создание новых систем и тем самым довёл свою экономику до краха. Какая страна могла выдерживать такой темп гонки вооружений? На момент кончины Брежнева наши военные расходы составляли 22-23 % внутреннего валового продукта, а у американцев они были 7,8 %, у немцев 5,7 %, у японцев 1,5 %. При этом наша экономическая база была в 7 раз уже, чем американская, европейская и японская; каждый доллар военных расходов для нас был в семь раз «тяжелее».

И обо всём этом - в отличие от того, что сейчас говорят, - мы, эксперты, не только не молчали, но писали на бумаге; остались эти документы, всё это есть в каких-то протоколах. У меня были разговоры и с Хрущёвым, и со всеми его преемниками о том, что мы занимаемся гонкой вооружений не против США, а против самих себя, что, участвуя в гонке вооружений, мы обслуживаем доктрину уничтожения Советского Союза. Я рассказывал Брежневу и Громыко, что ещё в 1905 году Берта фон Зутнер, участница пацифистских движений, приведших в результате к Гаагским решениям о способах ведения войны, получила Нобелевскую премию мира за свою работу «Гонка вооружений как средство ведения войны», но они меня сразу же обрывали: «Кто такая Зутнер?.. При чём здесь Зутнер?..»

В 1946 году при президенте Трумэне в США было принято принципиальное решение: какую бы политику ни проводило советское руководство, само существование Советского Союза несовместимо с американской безопасностью. Если исходить из этой посылки - а она была

краеугольным камнем всех американских доктрин, - никакого мирного сосуществования США и СССР не предполагалось. Все эти документы большей частью уже рассекречены. В плане «Дропшоп», одобренном Трумэном в качестве основы внешней военной политики США и НАТО, например, есть планы дробления СССР на 12 государств, каждое из которых будет не в состоянии самостоятельно обеспечивать свою безопасность и будет экономически зависеть от заграницы.

Чтобы спасти Советский Союз, мы должны были поступить очень просто… это, правда, крайняя позиция, но её, между прочим, занимал в своё время и Андрей Дмитриевич Сахаров. Мы должны были создать n-е количество 100-мегатонных бомб, разместить их вдоль американского Атлантического и Тихоокеанского побережий на дне океанов и, если бы американцы напали на нас, взорвать все эти бомбы; от США ничего бы не осталось. На Сахарова тогда кричали академики Капица и Тамм: «Что ты, Андрей, придумываешь?!» Он отвечал: «Иначе они нас разорят». Так и произошло.

- Вы долгое время работали послом СССР в ФРГ. Скажите, почему СССР упустил свою финансовую выгоду, когда принял решение об объединении Германии и выводе войск из неё? Немцы вон до сих пор, не смущаясь, ставят перед нами вопросы о перемещённых ценностях…

- Это всё Горбачёв. Я по этому поводу «долбал» его, приводил конкретные цифры… Горбачёву говорилось, что американские устные обязательства, или даже письменные, но не ратифицированные сенатом, не имеют никакой обязующей силы для будущих президентов. Он отмахивался: «Ты пессимист!» Я говорил, что есть примеры, когда США не выполняют обязательства, ратифицированные собственным сенатом… К слову, главное достижение американской политики после войны состоит в том, что США превратили её в продолжение войны иными средствами; у Клаузевица есть фраза: война становится тем воинственней, чем больше она политизируется… Выводя войска, мы оставили в Германии ценностей на триллионы, так что спокойно могли просить миллиарды. Скажем, при Эрхарде (федеральный канцлер ФРГ в 1963-1966 гг. - Авт.) нам предлагали за то, что мы разрешим объединение Германии, 125 миллиардов марок. Сегодня это, как минимум, в два раза больше. А при Горбачёве мы получили всего 14 миллиардов, на строительство казарм, да и то половину из них разворовали.

По поводу перемещённых из Германии ценностей у меня два года назад был доклад в Пергамонском музее, где я немцам расставил все точки над i. Они у нас разграбили и уничтожили 200 миллионов книг, а при этом требуют вернуть какие-то библиотеки. Я говорю: «Даже если бы мы вывезли всё из Германии - от флейты Фридриха II до ржавого гвоздя - мы бы не восполнили и доли того ущерба, который вы нам нанесли. Это был не грабёж вашей солдатни, а была государственная политика, рассчитанная на то, чтобы лишить русский народ прошлого, и на то, чтобы у него не было будущего».

- В России 2 сентября новый праздник - День окончания Второй

мировой войны, совпадающий с днём капитуляции японских войск перед СССР и союзниками. Правомерна ли эта дата?

- Когда же на самом деле кончилась Вторая мировая война? Мы считаем, что 2 сентября 1945 года в час две минуты по токийскому времени подписанием на борту линкора «Миссури» договора о капитуляции представителями правительства Японии. Но ведь президент США Клинтон в 1994 году заявил, что Вторая мировая война кончилась в 1991 году развалом Советского Союза. Как быть с этим утверждением?

- В своё время вы были заведующим Международным отделом ЦК КПСС, поэтому кому как не вам оценить реальную военную стратегию США сегодня в сравнении с временами СССР?

- Немцы говорят: «Чёрт прячется в деталях», многие факты, о которых не очень известно, говорят о реальном положении дел гораздо больше, чем общеизвестные вещи. В 1988 году в Бостоне американские физики Аксельрод и Каку издали книгу «Одержать победу в ядерной войне: секретные военные планы Пентагона», где они разбирают всю американскую официальную политику с конца Второй мировой войны до конца 1980-х годов с точки зрения возможного применения США ядерного оружия. Там указывается, сколько раз американцы собирались это делать против нас, против Китая, против Вьетнама, Индии и даже против Уругвая. Там приводятся слова Киссинджера (в то время Государственный секретарь США. - Авт.), который говорил в 1973 году, что если арабы перекроют нефтяные краны, то США применят против них ядерное оружие. В книге акцентируется внимание на том, что при планировании ядерных ударов по СССР американцы прежде всего намеревались уничтожить местности с наибольшей концентрацией русского населения, а с меньшей интенсивностью бомбить, скажем, Кавказ или Среднюю Азию. Бжезинский (в то время советник по национальной безопасности в Администрации президента США. - Авт.) на совещании, где рассматривался этот вопрос, объяснял, что ядро СССР - это русские, если поразить русских - всё рассыплется.

Кстати, русофобия с XVI века была и осью британской политики, и польской политики с XII-XIII веков, а первые решения Римской курии объявить, как бы сейчас сказали, экономическую и технологическую блокаду Руси были приняты в 1348 году - это связь времён, и если мы этого не будем помнить, мы ничего не поймём в современной политике… Так вот, в соответствии с планом Бжезинского первым же ядерным ударом США по СССР должны были быть уничтожены 113 миллионов человек; до этого был план - его представляли президенту Эйзенхауэру, в соответствии с которым первым ударом США должны были уничтожить 195 миллионов человек. Эйзенхауэр от него отказался: «У меня не хватит бульдозеров, чтобы убирать трупы с улиц».

Касательно деталей военной политики США можно ещё почитать 112-й меморандум Совета национальной безопасности США… я как могу пытаюсь обратить на него внимание наших нынешних вышестоящих деятелей. Согласно этому меморандуму, для американцев переговоры -

это «орудие политической войны», необходимое для того, чтобы, к примеру, прорвать «железный занавес», выиграть время и использовать его для перегруппировки сил… Но, несмотря на это, вести переговоры с США не совсем бессмысленно. Мы, скажем, боролись не столько за пробуждение здравого смысла в американском руководстве, сколько за влияние на общественное мнение в странах - союзниках Америки и внутри самих США. И сейчас перед российской дипломатией стоят те же самые задачи.

- Насколько в принципе важно соблюдать понимание исторического контекста событий и точность фактов в политической оценке тех или иных моментов прошлого?

- Факты важно рассматривать во всём объёме и быть предельно точным в обращении с ними. Я, например, когда работал в исследовательском центре Комитета информации, где мы готовили документы сначала для Сталина, а потом для его преемников, был приучен опираться только на факты и документы. Требования были жесточайшие: первая ошибка в написании фамилии, дате или цифрах означала строгий выговор, а повторная - увольнение. А как обращаются с фактами сегодня? К примеру, были ли действия советских войск в Афганистане исключительно войной СССР с афганскими мятежниками? Почему-то никто сегодня не упоминает, что американцы учили моджахедов владеть оружием и другими техническими средствами, передавали им «Стингеры», которыми те сбивали наши вертолёты и наше господство в воздухе в результате было практически сведено к нулю.

При Кейси (в то время директор ЦРУ. - Авт.) американцы из космоса снимали передвижение наших воинских подразделений в Афганистане, до батальона включительно, и сообщали эти данные моджахедам. Так что это была не война СССР с афганскими мятежниками. Военные действия против законного правительства Афганистана - тогда ещё был король - начались в 1976 году с территории Пакистана. Вёл их Хекматияр. Затем в 1978 году случилась апрельская революция офицеров, которых собирались назавтра расстрелять. Кстати, расстрельные списки с их собственными именами офицеры получили то ли от брата Амина, то ли от самого Амина, но не из Москвы. А всё, что сейчас пишут по этому поводу, - от лукавого. Или ещё по поводу объективного обращения с фактами. Ещё в советское время я требовал сказать всю правду о Катыни, но одновременно хотел, чтобы поляки сказали всю правду о судьбе 120 тысяч русских солдат, попавших в 1922 году в плен к Пилсудскому; по нынешним подсчётам, там было убито 84 тысячи человек, только в одном лагере 22 тысячи - больше, чем в трёх наших лагерях. А мы сегодня говорим, что польская тема закрыта. Для кого она закрыта?

- Мало кто знает, но нового праздника в России могло и не быть, ведь, судя по вашим словам, «…следуя плану черчиллевской операции «Немыслимое»: после Второй мировой 1 июля 1945-го должна была начаться Третья, и главной ударной силой против Советской армии должны были стать… снова немцы!» Этот факт подтверждён

документами?

- В марте 1945 года, вскоре после того, как Сталин спас американцев и англичан от больших неприятностей на фронте в Арденнах, Черчилль написал Сталину в телеграмме, что ореол этого поступка русских сохранится в веках, а потомки будут ценить этот подвиг очень высоко. И в марте же Черчилль даёт приказ собирать трофейное оружие, тщательно его складировать, потому что оно может пригодиться в будущей войне против русских. Одновременно он даёт приказ начальникам своих штабов разрабатывать операцию «Немыслимое», согласно которой война против СССР действительно должна была начаться 1 июля 1945 года. Силами 110 дивизий: американских, британских, польских, канадских и так далее... плюс десять немецких дивизий. Их англичане поначалу интернировали, держали в Южной Дании и в земле Шлезвиг-Гольштейн нерасформированными в расчёте на то, что в дальнейшем вклад немцев в новую войну может быть повышен до 40 боевых соединений.

Целью «Немыслимого» было нанесение Советскому Союзу тотального поражения, с тем чтобы Советский Союз подчинился воле США и Великобритании. Англичане долго отрицали, что Черчилль отдавал подобные приказы: заявляли, что это контрпропаганда СССР, но в 1998 году вдруг передали копии этих приказов и планов «Немыслимого» России и опубликовали их в прессе. Сталин, как я понимаю, этих текстов не видел, но разведка доносила, что разрабатывается такая операция. Поэтому он и предупреждал Жукова, а позднее Соколовского, чтобы они были готовы к агрессии со стороны Запада.

Кстати, одной из причин Берлинской операции советских войск в 1945 году, обошедшейся нам такими потерями, было стремление помешать возможному осуществлению «Немыслимого». Капитуляция немецких войск в Реймсе тоже была частью этого плана: в Реймс с директивой Деница (с 30 апреля по 23 мая глава немецкого государства и главнокомандующий вооружёнными силами Германии. - Авт.) приехали нацистские генерал Йодль и адмирал Фридебург. Они сообщили, что война на Западе прекращается, а война против СССР будет идти до последнего патрона, в расчёте на то, что немецкий Восточный фронт заменит Западный фронт.

- До последнего времени не утихают слухи, что под видом помощи дружественным партиям КПСС вывозила на Запад «золото партии». Правда это, Валентин Михайлович, или…

- Бред, конечно! Про «золото партии» я вам могу рассказать вот что. Приезжают ко мне как-то швейцарские банкиры, которые стали меня очень уважать после моего выступления у них в Базеле. Прощаясь, они дарят мне золотой франк. Я, естественно, их поблагодарил и тут же звоню управляющему делами ЦК КПСС Кручине: «Мне подарили золотой франк. Кому его передать?» Он прислал человека с соответствующей бумажкой, где мы зафиксировали передачу этого франка; указали его эквивалент в рублях и так далее. Вот всё, что мне известно о «золоте партии».

Что касается помощи нашим зарубежным друзьям... Во время войны был создан фонд всех дружественных партий, которые оказывали нам материальную помощь: давали деньги на закупку продовольствия, медикаментов... Так вот, если посчитать, что мы получили благодаря активности этих наших друзей во время войны и что мы им возвратили после войны через созданный для этого «Фонд солидарности», получатся разные цифры. В «Фонд солидарности» вносили деньги все социалистические страны, но взносы были мизерные - вклад СССР был 12 миллионов. Причём эти деньги шли на оплату дорожных расходов наших друзей, когда их приглашали сюда, на лечение их там. Шли эти деньги также на мероприятия типа празднования юбилеев газет «Юманите», «Унита». А ещё мы умудрялись за счёт этих средств посылать на отдых наши партийные делегации, от Совмина, от Верховного Совета. Когда я пришёл в ЦК заведовать Международным отделом, то сразу запретил такие поездки. Последним за счёт этого фонда, несмотря на мои протесты, съездил отдохнуть в Грецию Назарбаев с семьёй.

- Правда ли, что сразу после своей отставки Горбачёв избегал встреч с вами?

- Правда. Это было в институте Бара, который занимался анализом проблем мира и безопасности. Михаил Сергеевич поставил условие, что приедет туда, если меня среди присутствующих не будет. Не хотел со мной встречаться. Бранд (с 1969 по 1974 год федеральный канцлер ФРГ. - Авт.) сказал, что у него совесть нечиста. Так оно, наверное, и есть. Но Михаил Сергеевич не из тех, кто будет каяться...

Москва, август 2010 г.

Александр Бессмертных

Бессмертных Александр Александрович - Председатель Всемирного совета бывших министров иностранных дел. Родился 10 ноября 1933 года в Алтайском крае. Экс-министр иностранных дел СССР.

- Отмахнуться от того факта, что «холодная война», развязанная США, привела к гибели СССР, невозможно. Странно было бы в такой ситуации испытывать тёплые чувства к победителям. Верно?

- Неверно. Или не совсем верно. Во-первых. США непосредственно в период распада СССР не чувствовали, не заявляли себя и не были победителями. Они на эту роль тогда даже не претендовали. Более того, обе страны были едины в понимании, что с «холодной войной» мы покончили совместно. А утверждения, что США - победитель в «холодной войне», стали появляться лишь задним числом. Это очень важное обстоятельство, которое многие не берут в расчёт. Оно и понятно. События проходят, теряются нюансы обстановки, в которой всё это происходило.

Во-вторых. Мало кто до сих пор брался объяснить, почему сразу после окончания Второй мировой войны в рядах союзников - а союзничество и в

США, и в СССР, и в кругу близких к ним стран воспринималось как положительное явление, - начинаются серьёзные расхождения. Даже вражда. У нас этот факт привыкли списывать на «недальновидность» Трумэна и Черчилля. Но это крайне упрощённый взгляд.

Я считаю, ответ кроется в том, что «холодная война» началась не в 1945-1946 годах, а значительно раньше - после революции в России 1917 года. Ведь «холодная война» - в моём понимании - это война социально-политических систем. Супердержавы позднее олицетворяли их. В тот момент существовала мощная, развитая капиталистическая система. И весьма неожиданно возникает другая - социалистическая система, которая сразу вызывает подозрение и неприязнь у системы капиталистической. И не просто неприязнь, а даже известный страх. Эти факты и объясняют последующий ход событий, связанных с международной жизнью СССР. Новая система, созданная революцией и Советской властью, не воспринималась Западным миром как легальная. Если бы это была просто «красная вспышка» и всё, то никакой «холодной войны» не было бы. Таких «вспышек» в истории было немало. Взять ту же Французскую революцию. Она претендовала на смену власти только в своей стране. Большевики же заявили о глобальности своих намерений. Объявили, что весь мир до основания разрушат, по долгам платить не будут и вообще их цель - мировая революция. Во внешней политике с ходу были аннулированы секретные договоры царской власти; правда, довольно быстро опомнились. Именно революция с полным неприятием существующего мира больше всего и насторожила США и другие страны Запада.

- Нет ли в ваших утверждениях противоречия? С одной стороны, вы говорите о тотальном неприятии новой советской системы Америкой, с другой, по Вашим словам, СССР и США всё-таки были союзниками и эта дружба «воспринималось, как положительное явление» многими странами.

- Я не вижу противоречия. Когда революционная система стала вводить нэп, облагоразумиваться, обретать традиционные черты государственности, Запад решил, что с ней можно иметь дело. К этому толкали его и соображения политического реализма.

Но главное, почему в 1933 году США устанавливают с СССР дипломатические отношения и начинают сближаться с ним, - это то, что на горизонте замаячила новая явно зловещая система - фашизм. Ещё в зародыше. Но все уже понимают, что уродливый зародыш может вырасти в чудовище. Фашизм сразу заявил о себе как о третьей системе в мире. С учётом этого две изначальные начали искать пути к противодействию ей. Упрощая ход истории, не повторяя всех её изгибов, хочу сказать, что чем больше матерел фашизм, тем сильнее сплачивались для борьбы две первые системы. И когда началась война, они объединились в едином союзе, чтобы уничтожить урода. А после того как задача была выполнена, в американской повестке дня вновь встал вопрос отторжения советской системы, другими словами, возобновилась «холодная война» - на новом

ядерном уровне.

- В послевоенные времена Советский Союз, особенно в поздней его стадии, был, если угодно, вполне буржуазным государством. От большевиков в кожанках в нём сохранились только агитплакаты да песни. Заключая международные договоры, Советская власть их свято выполняла. Чем не устраивала США наша страна теперь? Почему поколения советских людей, выросших в новой системе, стали заложниками передаваемого по наследству, реликтового страха американских политиков?

- Да, вырастала цивилизованная страна, вопреки сталинскому тоталитарному режиму. С высочайшей культурой, наукой, техникой. Но как система она по-прежнему не устраивала Запад за отсутствие демократии, за слабое обеспечение политических прав человека. К тому же теперь она пугала ещё и своими успехами, в том числе стабильной социальной сферой. Материально-социальное обеспечение было не на очень высоком, но на стабильно-спасительном уровне. Более того, даже планирование как принцип экономического развития с его пятилетками было воспринято на Западе как своего рода полезная находка, как весьма разумный инструмент для развития огромной экономики. И только псевдолиберальная мысль, существующая в определённых слоях современного российского общества, полагает, что рынок может определять всё и что капитализм - это рынок, освобождённый от участия государства. Но если взять американские источники - книги по теории и практике американской демократии, то там подчёркивается особая роль государства в регулировании экономических процессов в стране. Государство играет серьёзную роль в развитии и нынешнего капиталистического уклада. И в крупнейших американских университетах изучается марксизм - для понимания глубинных процессов в системе капитала.

Так вот: если в первой половине XX века одна система старалась сломать другую, то во второй половине началось соревнование двух систем. В чём-то мы обгоняли Запад, в чём-то отставали. В ряде сфер мы фактически стали равными. Отставали в темпах и масштабах развития экономики, в объёме благ, доставшихся нашему народу. Америка - более благополучная страна, а мы менее благополучная - войны, национальные распри, привычно неумелая система управления и так далее.

- А выигрыш означал крушение государственных устоев партнёра по соревнованиям?

- Отнюдь не означал. Советская система проиграла соревнование капиталистической системе, но наше государство в обновлённом виде могло существовать и дальше. Вспомните, у Российской империи в 1917 году было вынуто нутро, как из ядерного реактора, а вставлено новое - социалистическое. Советский Союз, который почти полностью повторял контуры Российской империи, за исключением вышедших из неё Финляндии и Польши, был той же Российской империей, только с другим

социально-политическим наполнением. С другим двигателем и направлением развития. Поэтому считаю, что в конце 1980-х можно было, заменив старую систему на более новую, сохранить государство. И то, что это не было сделано, - действительно большая трагедия.

Лидеры перестройки, хоть и были коммунистами, фактически сами отвергали существующую систему. Признали её неисправимой. По существу уничтожалась та, вторая система. Но уничтожалась без проработанной стратегии реформирования. Реформаторы поначалу говорили, что лучшее из старой системы надо сохранить, а всё плохое выкинуть. Но не было ясной программы этой работы. С одними благими намерениями да ещё и поспешно идти на фундаментальные изменения страны - дело крайне рискованное.

Между прочим, после совместного завершения «холодной войны» в 1989 году, о чём было официально заявлено Москвой и Вашингтоном, Советский Союз ещё два года существовал как государство. Поэтому проигрыш системы в «холодной войне» произошёл раньше, чем развалился СССР. Это были два разных исторических события.

- Почему при сохранении НАТО исчез Варшавский Договор?

- Он был распущен вне связи с НАТО - это произошло из-за утраты блоком стратегических ориентиров, безразличия Москвы, захлёстнутой внутренними проблемами, и стремления наших союзников балансировать между СССР и Западной Европой. Скажу больше. При распаде Варшавского Договора американцы обеспокоились, что волна либерализации континента вымоет их из Европы. На переговорах между Джеймсом Бейкером и Эдуардом Шеварднадзе госсекретарь говорил, почему бы ограниченному контингенту советских войск не остаться в Германии и после её объединения: «Подумайте, может быть, какое-то присутствие войск СССР в Германии стоит сохранить?» Это осторожное предложение госсекретаря отражало беспокойство Америки по поводу того, что полный уход нашей армии из Германии может поставить под вопрос и будущее присутствия там американских войск. Объединённая Германия может потребовать этого. Эта подсказка не была воспринята Шеварднадзе. К тому же американцы перестали возвращаться к ней. Данным эпизодом я иллюстрирую мысль, что в период быстротечных эпохальных разломов бывает порой трудно выбирать верные стратегические ходы.

- Вашего предшественника на посту министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, игравшего одну из ключевых ролей в международной политике позднего Советского Союза, многие знавшие его люди называют в лучшем случае непрофессионалом, в худшем - предателем. Вы четыре года были заместителем Шеварднадзе, в том числе два из них первым заместителем, поэтому лучше всех можете ответить на вопрос: Who is mister Шеварднадзе?

- Шеварднадзе, появившийся в 1985 году на Смоленской площади (место расположения отечественного МИДа в Москве. - Авт.), конечно, не

был в тот момент профессионалом. В отношении его прихода в дипломатическом ведомстве царила настороженность. Шокирован был и Андрей Андреевич (предшественник Шеварднадзе на посту министра иностранных дел А.А. Громыко. - Авт.), который, как я подозреваю, полагал, что его заменит кто-то из профессионалов. Например, его первый заместитель, очень способный дипломат Георгий Корниенко. МИД решением Горбачёва был потрясён. Были опасения, что в политике начнутся серьёзные переделки, а этажи мидовской высотки заполнят грузины. Но Шеварднадзе поступил умно. Из Тбилиси он взял с собой только двух человек: личного охранника и Теймураза Степанова-Мамаладзе, который был автором всех его речей в Грузии и потом занимался этим и в Москве. Это был прекрасный человек и талантливый поэт и писатель.

С первого дня Шеварднадзе начал учиться. Тогда я был заведующим отделом США и Канады. Проблемы ядерных вооружений находились в зоне ответственности моего отдела; а обычных вооружений - отдела международных организаций. Я был первым, кого на второй день после своего назначения Шеварднадзе позвал к себе: «Александр Александрович, скажите, что у нас там с Америкой?» Я стал рассказывать. Прежде всего о том, что в последние годы проблемы ограничения ядерных вооружений превратились в столбовую дорогу в наших отношениях с Соединёнными Штатами; что через месяц у него предстоят переговоры в основном по этой тематике с госсекретарём Джорджем Шульцем. Стал излагать конкретные позиции обеих сторон. Эдуард Амвросиевич всё аккуратно записывал в блокнот, потом отбросил ручку: «Нет, я всё же зря согласился стать министром иностранных дел! Слишком всё незнакомо и сложно!» Я: «Уверен, всё освоите, мы поможем». И он действительно стал осваивать сложные вопросы довольно быстро. Шеварднадзе обладает изощрённым интеллектом. Въедливостью и трудоспособностью.

- Всё слава Богу, но с таким «приличным» министром к чему пришли все международные дела Советского Союза? К откровенному проигрышу…

- Это вы говорите о том моменте, когда политика лишь цеплялась за рушащиеся столпы нашего государства. У Шеварднадзе были ошибки, и не всё он делал правильно. Но, отвечая на ваш предыдущий вопрос, могу сказать, что через два-три года Шеварднадзе уже весьма ловко вёл переговоры. Но кое-что меня беспокоило. Во время бесед с министрами он начинал подробно рассказывать о том, как всё плохо у нас в стране, как всё разваливается, как растёт социальное напряжение, какие распри в руководстве, как будто хотел разжалобить собеседника, чтобы добиться уступки. Но так не делается. Дипломатия - это игра сильных, она выступает с позиций уверенности и устойчивости своего государства. Возможно, таким образом он добивался доверия к себе со стороны собеседника как к откровенному человеку. Но перед этим собеседником сидел, простите меня за неловкое выражение, не человек. Перед ним была держава, которая устами конкретного человека требовала чёткого

озвучивания её сильной позиции.

У меня с Шеварднадзе возникали расхождения, особенно по германскому вопросу; я, кстати, поэтому и ушёл с поста первого заместителя министра и уехал послом в Вашингтон. Процесс германского объединения оформлялся на ходу и поспешно, что вело к просчётам. Слишком быстро министр соглашался с германскими позициями. Даже сами немцы такого от Москвы не ожидали. Кстати, в его мемуарах, к которым я написал предисловие, Шеварднадзе особо гордится своей ролью в германском объединении - он как бы отбирает лавры у Горбачёва. Он сообщает, что ряд важных решений в германских делах он принимал сам, даже не советуясь с Президентом СССР. На мой взгляд, к этому моменту Шеварднадзе в чём-то действительно «гулял сам по себе». Он хотел остаться в истории именно тем человеком, который обеспечил объединение Германии. Однако история с этим не согласилась.

- Одним из главных рефренов нашей беседы является ваша мысль о том, что в распаде государства виноваты «неправильно понятое крушение системы, безответственность, неумелость»… Чьи конкретно неумелость и безответственность? Вы были не только министром, но и членом Совета безопасности и Совета обороны СССР. На вас, последних руководителях государства, и вина за его распад. Почему вы его не предотвратили?

- Распад системы, её экономического остова начинался медленно, с 1970-х годов. Ослабление власти Горбачёва происходило быстрее - в результате неверно выбранных приоритетов реформирования страны: надо было начинать с экономики, потом политики, а не наоборот. Развал государства, как это было и в феврале, а потом в октябре 1917 года, произошёл по историческим меркам почти мгновенно. Слабость и нерешительность Николая II, Александра Керенского и Михаила Горбачёва в противостоянии с революционно-агрессивным напором Ленина, Троцкого и Ельцина в атмосфере спонтанного ажиотажа толпы помешали удержать как Империю, так и Союз. Даже дюжине гениев не удалось бы остановить сорвавшийся с рельсов локомотив истории.

- Китаю оказалось возможно силами одного Дэн Сяопина.

- Дэн Сяопин не удерживал распад государства Китая - оно оставалось железобетонным, равно как и социально-политическая система. В этом разница. Дэн Сяопин во время вынужденной многолетней отсидки в годы «культурной революции» продумал верную концепцию развития Китая, проанализировав всё, что в тот момент происходило в мире и в самом Китае.

- Ну а почему этого не сделали вы?

- Китайцы сначала думают, потом экспериментируют, потом действуют. Не позволяют времени подгонять их. Русским кое-чего не хватает, особенно терпения. Будучи послом в Вашингтоне, я писал в Москву об опасности резкого ослабления страны, в частности, из-за растущего противостояния лагерей Ельцина и Горбачёва. Власть раздиралась изнутри на фоне резкого обнищания народа. Обещания

манны небесной как хрестоматийный фактор политики уже не работали. С чего началось буквальное разрушение страны в 1991 году? Я считаю - с действий ГКЧП. Сама того не желая, эта группа руководителей СССР совершила безумно непросчитанный ход. В то время, когда ещё сохранялась некая возможность стабилизации, когда девять республик всё ещё собирались жить в одном государстве. А на следующий день после ГКЧП республики заявили об уходе из СССР. Завершение распада СССР произошло в Беловежской пуще. Но я согласен с теми, кто считает, что многого можно было избежать при более расчётливой линии управления страной. Ведь даже когда в Беловежской пуще произошли события, связанные с государственным переворотом, Горбачёв не отнёсся к ним как таковым. Многие республиканские лидеры были этим ошеломлены… И лишь собравшись в Алма-Ате и поняв, что президент СССР не реагирует на беловежский переворот, что рубикон перейдён и возврата назад нет, они поддержали фактический распад СССР.

Помощник Горбачёва Черняев утверждает, что Михаил Сергеевич всё это делал из высоких гуманистических убеждений. Но я считаю, что он был психологически раздавлен действиями ГКЧП и группой Ельцина и потому проявил растерянность перед надвинувшейся катастрофой. Очевидно, его генеральная ошибка состояла в том, что он начал политическую, отодвинув на потом экономическую реформу. Китайцы, учтя опыт Советского Союза, начали с экономических реформ. И только сейчас, очень-очень аккуратно и медленно, занимаются подходами к политической реформе. Очень осторожно.

Второй просчёт заключался в том, что в качестве эталона были взяты весьма успешные на тот момент реформы Венгрии и Польши. А это были программы иного, не соответствующего Советскому Союзу, масштаба. Добавлю, что китайское экономическое реформирование уже инновационного плана началось позднее. Это был второй этап китайских экономических реформ. И он был основан на несколько иной тактике, нежели наш нынешний сколковский подход. Я считаю хорошей нашу идею - создавать очаги модернизационного развития. Но что сделали китайцы? Они пропустили через западные университеты тысячи своих студентов, которые стали потом широкой основой для успешного научно-технического реформирования Китая; не вернулись с Запада в Китай лишь 7 % выпускников. Нам было бы неплохо и к такому опыту присмотреться.

- Несколько лет вы были первым секретарём секретариата одного из самых выдающихся отечественных министров иностранных дел Андрея Громыко. Какие остались впечатления? Что бы, на ваш взгляд, сказал бы Андрей Андреевич, взглянув на нынешнее международное положение нашей страны?

- Громыко сегодня недопонят в массах. Кое-кому он всё ещё представляется угрюмым человеком и несложным политиком. На самом деле он был удивительно разносторонним, интеллигентным человеком, хорошо знавшим литературу, живопись и обладавшим тонким чувством

юмора. И разумеется - великим дипломатом XX века. У Громыко были две страны, которые он особенно близко держал в поле своего профессионального зрения. Прежде всего это США. Быть может, на кого-то мои слова произведут странное впечатление, но Громыко глубоко уважал Соединенные Штаты. Как страну и как нацию. Он был американистом. А второй страной была Германия, потому что он понимал: эта страна - центровое звено безопасности Европы. Поэтому, из какой бы далёкой поездки он ни возвращался, он, как правило, заезжал в Берлин. В ГДР. Пытался ощутить, нет ли чего-то, что может обеспокоить здесь ситуацию. Эти два направления во внешней политике СССР он очень ценил.

Но центральной идеей внешней политики СССР для Громыко была задача - добиваться всеми силами обеспечения безопасности нашего государства. Сохранения послевоенных границ мощной державы.

Если бы он увидел, что произошло с СССР, то, пожевав губами, возможно, тихо сказал бы: «Не сумели уберечь страну - трагично! Постарайтесь сохранить великий народ - ему ведь тоже не обещана вечность». Возможно, не так и не то бы сказал. Или промолчал бы и отвернулся.

Москва, ноябрь 2010 г.

Валентин Зорин

Зорин Валентин Сергеевич - политический обозреватель государственной радиокомпании «Голос России». Родился 9 февраля 1925 г. в Москве. Работал политическим обозревателем Центрального телевидения и Всесоюзного радио СССР, ведущим телепередач «Сегодня в мире» и «Международная панорама». Автор полутора десятков книг и монографий. Доктор исторических наук, профессор МГИМО.

- Канул в Лету Варшавский Договор - аналог Северо-Атлантического альянса, но до сих пор не самораспустится НАТО. Против кого продолжают «дружить» страны, входящие в этот военный блок?

- Логика сохранения НАТО понятна. НАТО - это инструмент геополитической экспансии США. Объединив под своим видимым или невидимым руководством другие страны, американцы достигают, благодаря этому, многих целей, что, конечно, является грубейшим нарушением обязательств, которые были даны американцами Советскому Союзу. Так случилось, что в 1989 году в Вашингтоне я был свидетелем встречи Горбачёва с Бушем-старшим. Обсуждался вопрос объединения Германии, это была важнейшая тема той встречи. Я лично слышал заявление Джорджа Буша о том, что если Советский Союз пойдёт на объединение Германии, то НАТО не приблизится к советским границам «ни на один дюйм». К сожалению, министром иностранных дел СССР, сопровождавшим Горбачёва, в то время был Шеварднадзе. Непрофессионал, партийный работник, он не сообразил, что такие обязательства следует юридически на бумаге закреплять. Поверили на

слово! Это вина министра иностранных дел СССР и серьёзный просчёт Михаила Сергеевича. Думаю, что если бы тогда это обещание Буша-старшего было закреплено юридически, то у нас сегодня не было бы многих проблем. При Буше-младшем стоял вопрос о создании ПРО в Польше и Чехословакии; но ведь этот вопрос не мог бы стоять, если бы эти две страны не были в составе НАТО. Не было бы юридической международно-правовой основы. Дело даже не в том, что Варшавский Договор распался, а в том, что это используется американцами в сегодняшней политике. И хотя свою идею «перезагрузки» российско-американских отношений Обама начал не с голословных заявлений, а с решения отказаться от создания баз ПРО в Польше и Чехословакии, НАТО при этом по-прежнему остаётся реальным инструментом американской политики.

- Мы с вами заговорили о том, что Обаме могут не дать осуществить намеченные им планы. Вы имеете в виду, что могут не дать, как не дали осуществить…

- Джону Кеннеди!..

- …и даже Рузвельту! Есть ведь у вас версия, что президента США Франклина Делано Рузвельта отравили.

- Это не моя версия. Это версия моего учителя академика Льва Николаевича Иванова. Он привёл нам, студентам МГИМО, целую систему доказательств того, что не мог этот человек умереть именно в ту самую минуту, когда исчезла необходимость в его политическом курсе. Уж очень это совпадало!

- Вице-президентом Рузвельту почему-то навязали вдруг Трумэна…

- …при том, что бой за кандидатуру вице-президента был дан заранее. Рузвельт при всём его авторитете в 1944 году не смог провести своего единомышленника Уэндела Уоллеса в вице-президенты. Поломали могучий авторитет и силу Рузвельта и навязали ему третьестепенного в тот момент и мало кому известного Гарри Трумэна.

- Трумэна, который тут же коренным образом изменил политику в отношении СССР…

- …который сбросил атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки. Который выдвинул доктрину, получившую название «доктрина Трумэна» - абсолютно антисоветскую, террористическую доктрину. Это был полный отказ от политики Рузвельта!

Москва, декабрь 2009 г.

Владимир Познер

Познер Владимир Владимирович - телеведущий программы «Познер» на Первом канале. Родился в 1934 г. в Париже. Работал секретарём Самуила Маршака. В 1970-1980-х в Гостелерадио СССР, комментатор главной редакции радиовещания на США и Англию в программе «Голос

Москвы». В 1991-1997 гг. соведущий на канале CNBC (США) в программе «Познер и Донахью».

- Почему ваш первый телемост с Донахью в 1985 году был из Ленинграда, а не из Москвы?

- Потому что мы договорились обойтись без столиц: из Америки не из Вашингтона, а из Сиэтла. А из Советского Союза не из Москвы, а из Ленинграда.

- До этого небывалого демократического проявления отечественной тележурналистики «с конца 70-х гг., как правило, посредством спутниковой связи, Познер появляется на западном телевидении. Он был частым гостем в программе Nightline на канале ABC, а также в шоу Фила Донахью...» (из статьи Г. Ясько. - Прим. ред.)

- В шоу Фила Донахью я не был, а на ABC и других каналах действительно был.

- ...«Обаятельный, красноречивый, «идеологически подкованный» и свободно говорящий по-английски с нью-йоркским акцентом, Познер мог легко убедить, разъяснить и представить в лучшем свете заявления и решения руководства Советского Союза относительно тех или иных внутренних и международных вопросов и, зачастую, оправдать наиболее противоречивые из них. Среди таких решений были решения о вводе советских войск в Афганистан, высылке Сахарова в Горький и перехвате южнокорейского «Боинга»...»

- Несколько грубо, но в общем правильно. Я защищал Советский Союз. Это же пропаганда! «Голос Америки» - только наоборот. Я был очень умелым, эффективным пропагандистом, потому что, во-первых, я долго верил в идеалы социализма. Меня привезли в СССР в довольно взрослом возрасте, а до этого мой отец воспитал меня соответствующим образом, и я был сторонником этой системы. Долго был. А когда находил вещи, которые противоречили моей вере, то старался искать им оправдание. Мне моя вера была очень важна. А раз я верил, я уже был эффективен, было очевидно, что я не играю в какую-то игру.

Во-вторых, конечно, большую роль играли мои личные данные, которые помогали в работе: ведь я практически был таким же американцем, как и моя аудитория. Так что действительно я защищал, находил оправдания, объяснял - до того момента, когда понял, что больше я этого делать не могу.

Интересно, что за всё время моей работы пропагандистом меня ни разу никуда не вызвали и не попросили сказать во время эфира так или вот так; со мной вообще никто на эти темы не разговаривал. Я только потом узнал, почему так произошло. Подход ко мне был такой: если Познер сделает хорошо, мы все друг друга можем поздравить, а если провалится, то скажем, что мы здесь ни при чём. Между прочим, тогда в Москву шли письма нашего посла в США Добрынина, который был в восторге от того, как я там выступаю. Имеется в виду, конечно, «выступаю там» по спутнику. А так я 38 лет был невыездным.

- Ваш коллега Валентин Зорин утверждает, что современной России катастрофически не хватает качественной пропаганды с точки зрения поднятия собственного имиджа за рубежом, где воспринимают лишь слова Путина и Медведева, но не журналистов.

- А что, он полагает, что американцы на самом деле слушали Зорина? Не слушали. Конечно нет. Они прежде всего слушают только своих, поэтому всякая пропаганда извне бесполезна. Никакое «Радио Москвы» и никакое Russia Today не смогут переубедить сколько-нибудь значительное количество людей. Ну, может быть, самую малость, ерунду, потому что и сегодня американцы доверяют гораздо больше своим средствам массовой информации, чем чужим. И это так во всём цивилизованном мире.

Кстати, в советское время, по разным данным, около 40 миллионов человек слушали все эти «голоса». И поэтому-то их и забивали! У вас есть сведения, чтобы когда-нибудь где-нибудь на Западе забивали передачи из других стран? А у нас их очевидно боялись. А почему боялись? А потому, что они говорили о тех вещах, о которых здесь нельзя было говорить; всё очень просто. А поскольку там такого положения дел нет, то они и не слушают чужих.

Так что я не очень понимаю, что имеет в виду Валентин Сергеевич, но могу сказать, что Россия за рубежом очень плохо себя подаёт, может быть, потому что считает, что это и не нужно, но это действительно так. Журналисты тоже могли бы сыграть свою роль в поднятии имиджа своего государства, но почему этого не происходит, я не знаю.

- Вы упомянули своего отца, российского эмигранта во Франции и в США, большого поклонника СССР. Правда ли, что с 1943 года, работая начальником русской секции отдела кинематографии Военного департамента США, он начал сотрудничать с советской разведкой?

- Не знаю. Он стал советским гражданином в 1941 году, и вскоре после войны, когда отношения между СССР и Соединенными Штатами стали сильно портиться, его вызвал хозяин - отец тогда работал в кинокомпании Metro-Goldwyn-Mayer - и сказал: «Дорогой мой! Держать на таком посту тебя, гражданина СССР, я не могу. Поэтому брось-ка ты это гражданство и стань обычным американским гражданином, мы тебе в этом поможем». Мой отец отказался и потерял работу. Стал безработным. Мы собирались вернуться во Францию, тем более что мой отец был в гораздо большей степени европейцем, чем американцем, и очень любил Францию, долго там жил. Но французы ему отказали в визе, поэтому вернуться во Францию мы не могли. И вот тогда Советское правительство предложило отцу работу в организации, которая называлась Совэкспортфильм, имевшей свою контору, в частности, и в Восточном Берлине. Отец это предложение принял. Мы уехали в Восточную Германию; тогда ещё даже не было ГДР.

- Что бы сказал ваш отец, если бы увидел, как закончил своё существование Советский Союз?

- Я думаю, что он был бы очень огорчён, потому что он верил в

социализм. Он очень хотел, чтобы Советский Союз стал тем государством, каким обещал быть вначале.

- Почему в 1991 году, в тяжёлое для страны время, вы её покинули?

- Я уехал работать в Америку, потому что не мог больше работать на советском телевидении. Я ушёл с советского телевидения до моего отъезда в США, потому что у меня появились серьёзные разногласия с руководством Гостелерадио. Председатель Гостелерадио СССР в 1990-м году Леонид Петрович Кравченко решил, что мне нет места на телевидении. А решил он так после того, как я в одном из интервью на вопрос: за кого бы я стал голосовать на президентских выборах - за Ельцина или за Горбачёва, ответил: за Ельцина. Когда интервью стало достоянием публики, оно вызвало реакцию, о которой я вам сказал. Тогда я написал заявление об уходе, и не просто по собственному желанию, а подробно объяснив, почему я не могу работать на этом телевидении. И ушёл. И тут, ничего не зная об этой ситуации, Донахью предложил мне вместе с ним вести передачу в Америке. Я ответил: «А почему бы и нет»; мне самому стало очень интересно, а смогу ли я вести программу в Америке. И я принял его предложение.

Москва, март 2011 г.

Погос Акопов

Акопов Погос Семёнович - Председатель Совета Ассоциации дипломатических работников. Родился в 1926 г. в с. Квемо Грузинской ССР. В 1986-1991 гг. - Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Ливии. Вице-президент Международной внешнеполитической ассоциации.

- Сегодня много говорят и пишут и о том, что Третий мир, мол, использовал Советский Союз, выбивая из нас в разных формах деньги, которые мы потом прощали - просто за лояльность. Так ли это? Расскажите на примере Ливии, где вы долгое время работали послом СССР.

- Нет, конечно, это не так. Мало кто сегодня знает, что отряд советских военных кораблей в Средиземном море мог заходить в любой порт Ливии, предупредив об этом ливийскую сторону всего за несколько часов. Таких возможностей мы не имели ни в одной стране Средиземноморья, даже в Латакии, у наших лучших друзей - сирийцев, не говоря уже о египтянах или тунисцах. А ведь моряку, который месяцами болтается в море, очень важно хоть иногда сойти на берег, отдохнуть. И экономическое сотрудничество, и его перспективы у нас с Ливией в период нахождения Каддафи у власти были очень хорошие. Советским Союзом в Ливии был построен ядерный научно-исследовательский центр «Таджура», а лично мне Каддафи говорил, что готов предоставить советским специалистам возможность строить в Ливии метро и железную дорогу от Туниса до Египта, предлагал сотрудничество в космосе и совместные работы по опреснению воды. Только за то время, пока послом в Триполи был я, Советский Союз и Ливия подписали договоры об

экономическом сотрудничестве на сумму 23,5 миллиарда долларов, выполнили намеченное примерно на 21 миллиард, а заплатил нам Каддафи 18 миллиардов. Согласитесь, даже по нынешним меркам очень солидные суммы. Да, около 3 миллиардов Каддафи за полученную от нас продукцию недоплатил. Мы стали начислять проценты с этого долга, довели сумму до 4,5 миллиарда долларов, но потом этот долг действительно простили. Но тут важно понять, что у Каддафи по поводу этого долга было своё мнение. Он говорил, что часть договоров мы не выполнили, нанесли ему экономический ущерб, который он и оценил в конкретные суммы. «Я подписал с вами соглашение о поставке запчастей для самолётов, - говорил он мне, - а вы мне их не доставили. Мои самолёты в это время стояли, гнили, ржавели. Кто возместит мне этот ущерб? Или. Я посылал на ремонт к вам свою подводную лодку, а вы мне её не вернули. Так заплатите за это или давайте сделаем перерасчёт». Так что в этой ситуации каждый считал по-своему; я, как посол, например, ходил к Каддафи и требовал: «Ты должен заплатить!». Но подавляющую часть по заключённым контрактам Каддафи ведь заплатил.

Москва, апрель 2011 г.

Дмитрий Бирюков

Бирюков Дмитрий Дмитриевич - известный тележурналист-поляковед. Родился в 1939 г. в Воронеже. В 1976-1981 гг. работал собственным корреспондентом Центрального телевидения в Польше. Заместитель председателя Гостелерадио СССР, пресс-секретарь Председателя Государственной думы, помощник руководителя Совета безопасности России.

- Катынский фрагмент российско-польской истории сыграл свою разрушительную роль для социалистического лагеря и для СССР в частности. Какова роль Запада в разыгрывании катынской карты?

- Думаю, что Запад в своё время сделал свою ставку на Польшу, потому что прекрасно понимал, что эта страна - ударный отряд недоброжелателей СССР в социалистическом блоке во многом из-за нашей непростой истории. К примеру, воспоминания о том, что 1 сентября 1939 года в Польшу вошёл Гитлер, а уже 17 сентября мы, и в этом промежутке в Бресте проходили совместные советско-германские парады, действуют на поляков до сих пор, как красная тряпка на быка. Они ведь от Гитлера рванули к нам, а их принимали в фильтрационные лагеря, и только уже спустя время из них вышли «Три танкиста и собака» и Армия Людова.

- Многие историки и политологи сегодня говорят о том, что польский профсоюз «Солидарность» в 1970-1980-е годы расшатал не только социалистический режим в Польше, но и весь соцлагерь во главе с СССР, поэтому, мол, надо было не предоставлять президенту Ярузельскому возможность самому разбираться в сложной ситуации, а ввести в 1981 году в Польшу войска. Что, на ваш взгляд, было бы при таком варианте

развития событий?

- Была бы европейская война как минимум! Эти историки и политологи сегодня почему-то забывают об одной важной детали той поры. Когда внутриполитическое напряжение в Польше достигло апогея, страны Варшавского Договора начали большие военные учения в Прибалтике; был задействован флот, авиация, плавающие средства пехоты. И в этот момент, в воскресенье, в нарушение всех американских традиций, Рейган (в то время президент США. - Авт.) делает заявление о нейтронной бомбе, явно противопоставляя его этим манёврам. Однако манёвры так и остались манёврами - никто в Польшу вступать не стал, хотя, не скрою, среди советского военного руководства были люди, которые говорили: «Давайте жёстко вступать в Польшу!», а вот мы, журналисты, хорошо себе представляли, к чему может привести такое решение, и каждый по своей линии доказывали, что ввод войск в Польшу - безумие.

Ярузельскому же, с моей точки зрения, в Польше надо поставить золотой памятник как раз за то, что он взял на себя ответственность справиться со сложной политической ситуацией в своей стране и не стал звать на помощь Советский Союз. Другое дело, что если бы руководство Советского Союза повнимательнее следило за зарождением внутриполитических проблем в Польше, то эти проблемы и их последствия не стали бы откровением для наших политиков, как не были в своё время откровением даже для меня. Когда в середине 1970-х решался вопрос об отправке меня корреспондентом Гостелерадио в одну из европейских стран, я попросился в Польшу. Меня пригласили на собеседование в ЦК и сказали: «Погодите немного, мы отправим вас в Лондон», но я ответил: «Не хочу ни в Лондон, ни в Париж, потому что с этими странами у нас отношения всегда одинаковые: чуть лучше или чуть хуже, а Польшу скоро рванёт так, что и нас обломками засыплет». На меня, конечно, посмотрели круглыми глазами: «Что ты имеешь в виду?» А я просто-напросто, готовясь к командировке в Польшу, много читал про эту страну, анализировал и сделал свои выводы. Позже один из беседовавших тогда со мной товарищей - Шишлин, к тому времени уже консультант Брежнева, приехал ко мне в Варшаву: «Слушай, а откуда же ты тогда всё знал?!»

- Неповоротливость такого рода во внешней политике - следствие, в том числе, и геронтологических проблем у правителей позднего Советского Союза?

- Не думаю. Я очень хорошо помню, как в конце 1970-х в Варшаву для переговоров с президентом Франции Валери Жискаром д'Эстеном приехал Брежнев, уже физически немощный человек с перекошенным от инсультов лицом, однако ясность мышления Леонида Ильича меня тогда поразила. Жискар д'Эстен спросил Брежнева: «Как виды на урожай?» Тот с тонким юмором ответил: «Если бы с Запада не было таких холодных ветров, то с урожаем всё было бы нормально». А позже, по традиции выступая в посольстве, приводил на память столько цифр, что, ещё раз

повторюсь, меня потрясло несоответствие его внешнего вида с его мышлением. При этом я, конечно, далёк от идеализации Брежнева - у него хватало слабостей, но, что ни говори, это был последний вождь, который знал жизнь не понаслышке, да хотя бы потому, что был боевым офицером…

- Чего не скажешь о Горбачёве, во времена которого Катынское дело сыграло на руку разрушителям СССР.

- Конечно. Горбачёвым воспользовались, но и он воспользовался ситуацией. При этом у Горбачёва наряду с наивными прожектёрскими планами, типа сделать ВАЗ ведущим автомобильным заводом мира, широко соседствовала мысль: «А что я с этого буду иметь?» Не думаю, что он был сознательным агентом влияния. Он просто конъюнктурно пользовался предложениями той стороны. Я был с Горбачёвым во время его последней поездки в Англию в качестве президента СССР, и даже мне бросалось в глаза, что к нему там уже относятся как к временной, но пока ещё выгодной фигуре.

Мой внутренний суд окончательный приговор Горбачёву пока не вынес, но очевидно, что он не был масштабным человеком, и это обстоятельство в тех конкретных исторических условиях его подвело. В последний раз я виделся с Горбачёвым лет семь назад, мы были у него в гостях с Рыбкиным (в 1994-1996 гг. Председатель Государственной Думы. - Авт.). Михаил Сергеевич завёл разговор типичного обывателя, а не большой политической величины. При этом Горбачёв до сих пор убеждён, что своим рукопожатием он осчастливливает любого человека…

- А уж интервью!

- Само собой. Кстати, помню один забавный эпизод по поводу интервью с Горбачёвым. Накануне одного из визитов Михаила Сергеевича в Польшу мы с ним ещё в Москве договорились, что он побеседует со мной после подписания официальных документов с Ярузельским. И вот мы в Варшаве. Кабинет первого секретаря ПОРП (Польская объединённая рабочая партия. - Авт.). Огромный и солидный. Большой стол. За ним Горбачёв с Ярузельским. Рядом телохранитель Михаила Сергеевича генерал Медведев. В этот момент ко мне подходит какой-то замшелый мужичишко из МИДа и, шамкая, говорит: «Берите интервью сначала у Ярузельского». Изумляюсь: «Горбачёв не будет ждать, пока я закончу интервью с Ярузельским!» - «Ну, я вас предупредил…»

Понимаю, что ситуация критическая, к Горбачёву меня подпускать не хотят. Ныряю под стол и появляюсь с микрофоном уже перед Михаилом Сергеевичем. В это время Медведев хватает меня за пиджак и вырывает из него рукав. Я поворачиваюсь к телекамере целым плечом и, как сейчас помню, быстро задаю Горбачёву вопрос: «По телевизору много показывают, как Польша видит вас, а как Польшу видите вы?» «Интересный вопрос!» - говорит Горбачёв и начинает, как всегда, пространно изъясняться. А Ярузельский в сторонке так и думает свою польскую думу.

- Донимала «девятка», в принципе?

- «Девятка», как, впрочем, и все ведомства, была конгломератом индивидуумов. Как-то раз в Польшу с Брежневым приехал один тип из «девятки», который нас, журналистов, допущенных в резиденцию генерального секретаря, ставил лицом к стене в тот момент, когда из неё выходил Леонид Ильич. Мотивов такого его поведения я не знал, но подошёл к Замятину (в 1978-1986 гг. заведующий отделом международной информации ЦК КПСС. - Авт.): «Что же это делается?! Мы же советские журналисты, над нами поляки смеются». Генерала этого уняли без шума.

- Если уж заговорили чисто о телевидении, не могу не спросить о цензуре.

- Её вообще как таковой не было. Была самоцензура. Например. Было негласное правило, что в каждом репортаже надо обязательно помянуть Брежнева. Но кто-то делал это через слово, а кто-то формально один раз. Более того, помню, Лапин (в то время Председатель Гостелерадио СССР. - Авт.) на коллегиях просил не частить с именем Брежнева. А цензура в её истинном понимании выражалась в том, что каждый цензор имел книжку, где было, скажем, указано: «Запрещено упоминать Краснодарский авиационный завод».

Была жёсткая цензура на космические темы, которая порой принимала фарсовые формы. Помню, я с советской стороны отвечал за всю телетрансляцию о полёте «Союз» - «Аполлон», а за цензора ко мне посадили главного редактора «Правды» Сатюкова с «вертушкой». И вот «Аполлон» неудачно приводняется в океан головой вниз. Сатюков кричит: «Почему не показываешь?! Это же гениальный пропагандистский шаг! У них техника хуже, чем у нас!» Возражаю: «Полёт-то совместный». Тогда Сатюков среди ночи звонит Устинову (в то время министр обороны СССР. - Авт.): «Дмитрий Фёдорович! Тут какой-то мальчишка ничего не понимает в пропаганде!» Устинов спросонья ничего не может взять в толк. Зато наутро меня вызывает Лапин и виновато говорит: «У нас произошла корректировка, мы вам планировали дать орден, но...» Я: «Сергей Георгиевич, вы меня этим ничуть не огорчили, мне нужна квартира». Лапин просиял: «Квартира?! Ну, это мы запросто!»

- Вы достигли больших иерархических высот в советском телевидении, поэтому кого, как не вас, спросить об облике телевидения нынешнего?

- Ну, разумеется, технические возможности современного телевидения несопоставимы с теми, что были у нас. На советском телевидении долгое время считалось большим достижением, если события сегодняшнего дня показывали на следующий день, потому что, скажем, хроника шла на третий, а то и на четвёртый. Мы же довели Брежнева до слёз, когда в программе «Время» показали видеорепортаж с партийного съезда, который в тот день открылся; Леонид Ильич закончил выступать, приехал домой и, увидев себя на экране, расплакался...

- А вы в результате попали в «Камеру»?

- Нет. Телепередача «Камера смотрит в мир» - это идея Генриха Боровика. Потом к ней подключился и Фесуненко. Но к Фесуненко очень настороженно относился Лапин, потому что в то время зятем Игоря Сергеевича был Макаревич. Однажды, узнав, сколько тогда зарабатывал Макаревич, Лапин прямо на коллегии выругался: «Какое-то говно Макаревич получает в пять раз больше, чем я!» И «пододвинул» Фесуненко. И к «Камере» подключили меня.

- Вернёмся к Польше и её роли в развале Советского Союза. Польские профессора Карпус и Резмер утверждают, что за всю советско-польскую войну 1919-1920-х годов в польском плену умерло не более 16-17 тысяч российских военнопленных из примерно 100 тысяч. Почему факт гибели русских военнопленных не называли преступлением Пилсудского?

- Потому что поляки на такие доводы обычно отвечают: «Вы же в той войне были агрессоры, мы просто защищались», хотя на самом деле они в отношении наших пленных проявляли невероятную жестокость. Сталин в этом смысле по-своему даже проявил милосердие, просто расстреляв польских офицеров в Катыни. Да и жертв среди русских было значительно больше, чем называют польские профессора, которых вы процитировали. Но, повторяю, эта тема в Польше не популярна, вас закидают шапками, если вы попытаетесь её поднять. Знают, что виноваты. Я как-то в своей передаче на польском телевидении упомянул о смутном времени, об обоих мужьях Марины Мнишек, так поляки сразу зашикали: «Хватит-хватит, неинтересно!»

Между прочим, я на тему Катыни конфликтовал с Яковлевым (член Политбюро ЦК КПСС, курировавший с 1987 года двустороннюю советско-польскую комиссию, занимавшуюся в том числе и Катынским делом. - Авт.), которого в конце 1980-х сопровождал в поездках по Польше. Его и мой голоса, конечно, были несопоставимы, но я говорил: «Александр Николаевич, хорошо, признаем Катынь, но тогда и поляки должны признать гибель наших военнопленных». «Ну что вы, мы сами виноваты…» - отвечал Яковлев. В принципе, советско-польская война, конечно, была авантюрой Сталина, решившего вмешаться в польские дела и недооценившего легионеров Пилсудского, но при чём здесь массовые издевательства над военнопленными и их гибель?

- Отчего отношение поляков к современной Германии, которая во время Второй мировой войны нанесла им колоссальный урон, мягко говоря, не хуже, чем к России, на стороне которой поляки воевали?

- Оттого, что в отношениях с Западом поляки смотрели прежде всего на его карман; то есть немцы для поляков, конечно, гады, но богатые гады. И никакая история никогда полякам не мешала и не мешает иметь с ними дела. Недавно издан сборник документов, украденных нашей разведкой в 1935-1941 годах из польского Генштаба и МИДа, где есть просто потрясающие сведения, скажем, о посещении Герингом Варшавы в канун войны. И, напротив, другой пример. Я жил в Варшаве в самом

центре, который во время войны был абсолютно варварски немцами разрушен, там даже работал целый музей оккупации Варшавы. Так что отношение поляков к Германии двойственное, как, впрочем, и к русским тоже. Одно - за кружкой пива, когда они костерят наши страны, а другое - на деле, когда нужно что-то купить или продать.

В этом смысле конфронтация Польши с нашей страной, которая исторически была всегда, в послевоенное время нарастала потому, что поляков очень раздражала социалистическая модель экономики, которую мы им навязывали. Если бы в 1970-х годах вы, будучи русским, произнесли вслух название металлургического комбината «Гута Катовице», то вам запросто могли бы дать в глаз. А дело в том, что этот огромный комбинат, выплавлявший металл для всего социалистического содружества, мог работать только на кузбасском угле, вагоны с которым на границе всякий раз приходилось перегружать, потому что, как известно, железные дороги в Польше узкоколейные, а у нас ширококолейные. Быстро перегружать получалось не всегда, комбинат лихорадило. И подобного рода болезненных и принципиальных для поляков вещей было много.

- В чём, на ваш взгляд, феномен Леха Валенсы, человека, победившего социализм в родной стране и ставшего её президентом?

- Его феномен в том, что такого человека, как Лех Валенса, в Польше давно и скрупулёзно искал Запад, а когда нашёл, то продумал его имидж до деталей. К примеру, пресс-конференции или какие-то важные встречи Валенса вёл, вальяжно куря трубку, но как только журналисты уходили, он эту трубку отбрасывал и брался за сигареты, которые ему были привычнее. Ещё интересная деталь. Однажды какой-то дотошный корреспондент, заметив, что на Валенсе нет носков, спросил его: «А почему вы носите туфли на босу ногу?» Тот, ничуть не смущаясь, ответил: «Откуда у меня, у простого электрика, деньги на носки? У меня и занавесок-то дома нет».

Но на самом деле всё, конечно, обстояло не так. Когда после введения военного положения в 1981 году Валенса был интернирован и заключён под домашний арест, к нему на свидание пустили брата, вмонтировав в его одежду микрофон, и записали их беседу. В ней, в частности, Валенса говорил, что заработал кучу денег и не знает, куда бы их получше вложить. Имелись в виду деньги, которые ему платил Запад. Фрагмент этой беседы потом передавали по польскому телевидению, но градус антисоциализма в Польше тогда был так велик, что никто этот компрометирующий Валенсу факт в расчёт не брал. Зато история связанного с «Солидарностью» ксёндза Попелушко, якобы убитого офицерами МВД, была раздута как только можно, поскольку на самом деле была типичной провокацией западных спецслужб во главе с ЦРУ, в результате которой Попелушко был причислен к лику блаженных.

- Почему же польские власти, наверняка зная о Валенсе эти неприглядные вещи, так считались с возглавляемым им профсоюзом «Солидарность», заключали с ним соглашения аж в 21 пункт, а не задушили зародыш польской перестройки в самом начале?

- Потому, что поляки вообще свою оппозицию никогда всерьёз не давили; я помню, что в центре Варшавы вокруг ЦК Польской компартии кругами ходили попавшие в немилость партийные функционеры, дискутировали, но их никто не трогал. К тому же Польша - мононациональная страна, а этот фактор был объединяющим для оппозиции. В том же Гданьске власти поначалу пытались бороться силовыми методами с народными волнениями, но ничего не вышло, напротив, в результате противостояния зародилась «Солидарность», к которой, конечно, примазывалось много попутчиков, но в целом изначально это всё же было рабочее движение. Хотя даже Валенса, протрезвев, позже самокритично заявил, что «Солидарности» многого так и не удалось сделать.

Вообще же, надо признать, что «Солидарность» - сложное политическое явление, в отличие, к примеру, от интеллектуальной части польской оппозиции, где в целом было много схожего с тем, что сейчас у нас делают, скажем, Немцов и Лимонов; знаю, что говорю, не Немцову рассуждать о коррупции, а относиться всерьёз к Лимонову после того, как он описал, как его имел в задницу негр на нью-йоркском пустыре, согласитесь, нельзя, при этом, объективности ради, скажу, что не могу ничего предъявить их соратнику Рыжкову-младшему, более того, ряд его политических воззрений вполне здравый.

- Вы упомянули блаженного Ежи Попелушко, а недавно другой польский церковный деятель той поры, покойный папа римский Иоанн Павел II прошёл процесс беатификации, а скоро будет причислен к лику святых. Были ли политические мотивы в избрании митрополита Краковского Юзефа Войтылы папой римским?

- Конечно, были. Причём это был чисто американский выбор. Войтыла ведь был очень убеждённым антисоветчиком. Именно антисоветчиком; важно понимать это и не смешивать понятия «антирусский» и «антисоветский». И сам он прекрасно понимал, что выбран папой римским по политическим соображениям. И это действительно был гениальный шаг с точки зрения десоветизации Польши. Ведь церковь в Польше как таковая всегда являлась очагом польскости, если можно так выразиться. Ходишь ты в костёл, значит, ты поляк, не ходишь - не поляк. Впрочем, даже во время тогдашней польской свадьбы девять десятых гостей шли в церковь, а остальные нет. Потому что коммунисты. Им в костёл на людях заходить было не с руки, даже если они в душе и верили в Бога.

Лично я с Войтылой знаком не был, но работал на всех его визитах, и помимо того, что имел о нём прекрасное визуальное представление, понимал его, так сказать, двойную миссию, которую, скажем, не все понимали в нашем ЦК, где мне всерьёз доказывали: «Избрание поляка папой римским огромный плюс для нас! Это же наш, социалистический папа! Он будет делать всё для укрепления социализма». А в реальности всё происходило наоборот. Причём Иоанну Павлу II и не надо было особенно ни за что агитировать соотечественников, достаточно было приласкать и пожалеть: «Эти русские - страшные люди!» И всё. Поляки

генетически были настроены против социализма.

Москва, апрель 2011 г.

Глава V. Народное хозяйство и бесхозяйственность

Автор уже утверждал и утверждает опять, что расхожее утверждение о том, что СССР якобы экономически настолько износился и без реформ просто-напросто не выжил бы, типичная байка. Так, как жил Советский Союз в 1980-х - начале 1990-х годов, он мог ещё жить 100 лет; другое дело, нравилось это кому-то или нет. Более того, реальный экономический коллапс в нашей стране наступил как раз после распада СССР. Обратимся к сухому языку статистики. Ввод в действие основных фондов промышленности в СССР в 1986 году был 7 % по отношению к основным фондам (до этого ещё выше), а, скажем, в 2002 году всего 1 %, что, проще говоря, означает, что мы банально проедаем созданное нашими отцами, ничего не создавая сами, зато шум о том, что СССР был нежизнеспособен, питает многие политические карьеры «спасителей от коммунизма» до сих пор. Или вот ещё о еде. В 1983-1985 годах гражданин США потреблял в среднем около 104,4 г белка, а советский - 98,3 г. Велика разница? Практически никакой. А что касается молочных продуктов, так их и вовсе советские люди употребляли больше американцев: 341 кг в год на человека против 260. Но вспомните, какой политический вой стоял все перестроечные годы о том, как изголодались советские люди вне цивилизованного мира и как сытно живётся за бугром последнему безработному.

Председатель Верховного Совета России, доктор экономических наук Руслан Хасбулатов расскажет ниже, как создавался в последние годы жизни СССР дефицит товаров и как одним махом с 1 января 1992 года, когда ещё не был отпет покойник - Советский Союз, полки магазинов вдруг, словно по мановению волшебной палочки, наполнились товарами. Не беда, что стоили эти товары в разы больше прежнего и были частенько просроченными западными отбросами - важно было наглядно убедить население, что Советский Союз умер не зря. Директор Института проблем рынка РАН, академик Петраков, который в те годы был экономическим советником Горбачёва, справедливо подмечает в этой книге, что при внешней возможности наесться до отвала, с января 1992 года в бывшем СССР впервые появился массовый голод, ибо если, стоя в очереди, у тебя был шанс получить хоть какой-то продукт за низкую фиксированную цену, то гайдаровский взлёт цен лишал возможности нормального питания целые слои населения.

А кто не помнит сахарный, водочный и табачный дефициты 1990-1991 годов? Когда измученная трезвостью толпа перегораживала главные магистрали Москвы, а экраны телевизоров пестрели сюжетами о непрерывно приземляющихся на советских аэродромах «Боингах» с гуманитарной помощью, среди которой превалировали сигареты и одноразовые шприцы. Искусственно созданная истерия вокруг псевдодефицита имела своей целью, конечно, не наполнить вдосталь

лёгкие советского курильщика никотином, а показать ему, в какой страшно нищей стране он живёт: куда ни плюнь, всюду шаром покати, и что избавить его от пустых полок в магазинах может только богатый и добрый Запад. Увы, после распада СССР Россия покатилась в экономическую пропасть так стремительно, что и компетентным органам, конечно, стало недосуг вспоминать и уж тем более разбираться, откуда «росли ноги» столь странного дефицита товаров, отсутствие которых так болезненно сказывалось на настроении простого советского человека. Не картошку же с морковкой было припрятывать на складах, право. Водка и сигареты - вот без чего русский человек полезет на стенку.

Но положа руку на сердце и отставив в сторону чисто искусственные ситуации, которые были призваны посеять недовольство у доверчивого советского населения, признаем, что ровнять изобилие западных товаров с ассортиментом советских магазинов, конечно, не приходилось. Ну и что с того? Да, на советских прилавках не лежали десятки сортов колбасы и сыра, мясо было одного-двух сортов, а за сосисками приходилось стоять в очереди, но ведь в жизни советского гражданина так было всегда. Всё познаётся в сравнении. Конечно, если одним махом перенести жителя СССР образца 1991 года в 2011-й год с честно индексированной советской зарплатой, то его мог хватить и инфаркт при виде такого потребительского рая. Но дело-то как раз в том, что такой рай никогда не был самоцелью советского человека, оборотных его сторон он не ведал (а узнал бы, глядишь, ещё сто раз призадумался), ну и, главное, в капиталистическом настоящем большинство граждан СССР с их зарплатами и профессиями сразу никто не ждал. Ждали кандидатов наук, переквалифицировавшихся в «челноков», молодых слесарей, ставших бандитами, врачей, раздающих типографскую продукцию у метро, копающихся в мусорных баках отставных военных, проституток, гастарбайтеров и бомжей. Короче, наиболее трудоспособное поколение СССР, расставшись в большей своей части с основными профессиями, освоив малоприятный и простой труд, получило за это право добавлять на пенсии к своему рациону недорогой киви и бананы. Не слишком ли большая плата за развал страны?

Впрочем, идея нашей книги не последствия развала СССР, а его причины. И в этом смысле надо признать, что экономика позднего СССР была неповоротлива и консервативна. Но эта глава, к примеру, открывается утверждениями покойного академика Леонида Абалкина, что такой советская экономика была не всегда. И что у неё было несколько шансов выйти на новый виток развития, шансов, к сожалению, упущенных. Прежде всего речь идёт о так называемой косыгинской реформе. По словам того же Абалкина, к концу 1960-х годов советская верхушка понимала необходимость модернизации народного хозяйства и была к этому готова. Но что помешало? Размышляя над этим вопросом, автор набрёл на собственный ответ, косвенное подтверждение которому нашёл, как ни странно, в интервью с первым мэром Москвы, ультра-либералом Гавриилом Поповым, которое тоже здесь опубликовано. На мой взгляд, страх реформ у Брежнева был основан на том, что он помнил

неприятие партийно-хозяйственной номенклатуры хрущёвских нововведений и, быть может, подспудно сам боялся участи Хрущёва при чересчур активных телодвижениях в экономике. Отсюда, вероятно, и желание Леонида Ильича стабильности любой ценой, переросшее позже в догму и сыгравшую не ключевую, но плохую роль в деле сохранения целостности страны.

Но говорить о стагнации советской экономики, повторюсь, конечно, нельзя. Более того, если сравнить среднегодовой рост экономики СССР и США в 1960-1980 годы, то мы увидим, что СССР прирастал на 5,1 %, а США всего на 3,2 %, в то время как сегодняшняя Россия так и не вышла на главные экономические показатели СССР 1990 года. Впрочем, вышеприведённая статистика не учитывает качество товаров, «Жигули» «Форду», конечно, рознь, хотя важно понимать, что о «Фордах» советский человек знал лишь понаслышке, были бы «Жигули».

А вот шанс встать на один технологический уровень с экономиками ведущих стран мира у советской экономики был реальнее всего, конечно, в конце 1970-х годов. Автор убеждён, что, решись Советский Союз вступить, к примеру, в ВТО, но не по горбачёвскому коленопреклонённому сценарию, а с твёрдых позиций великих старцев Политбюро, торг с нашей страной шёл бы на деликатных и подобострастных тонах, а не в форме приказов, которые слышит сегодня Россия. Слабых не любит никто, а с сильными считаются, невзирая на идеологические разногласия. Лучший пример тому - американо-китайские отношения сегодня. Надеюсь, читатель обратил внимание на крайне любопытную деталь в интервью начальника нелегальной разведки Юрия Дроздова, который в главе «КГБ против развала СССР» рассказал, что одновременно с созданием ООН была создана двусторонняя советско-американская комиссия по слиянию экономик наших стран. Вот вам и «холодная война»! Повторюсь, убеждён, что если бы Брежнев решил, говоря современным языком, интегрировать советскую экономику в западную, то он сделал бы это на гораздо лучших условиях, чем Ельцин. Потому что «друг Билл» прекрасно понимал, что Ельцин не Брежнев, и вил из «друга Бориса» верёвки.

Нередко главным показателем бесхозяйственности советской экономики и даже народнохозяйственной предтечей развала СССР называют аварию на Чернобыльской атомной станции и её последствия. Конечно, сама по себе отдельно взятая катастрофа, пускай и такого масштаба, не может быть показателем каких-либо макроэкономических процессов, но примером нерадивого отношения к делу, чем в позднем СССР грешило немало людей, является хорошим. Именно исходя из таких соображений автор дал в этой главе слово министру атомной энергетики СССР Николаю Луконину, который занимался ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС.

Вообще нередко встречавшееся наплевательское отношение к собственной работе имело зачастую идейную подоплёку. Государственное - значит, ничьё, а зарплату и так заплатят. Моральное право так думать советский гражданин имел по одной простой причине. Он жил в

государстве, которое законодательно запрещало ему не работать, то есть не оставляло выбора. Или просиживай штаны в ненавистном НИИ, или пойдёшь в тюрьму. Кстати, феномен научно-исследовательских институтов, где десятки тысяч советских людей болтались без дела годами, а то и десятилетиями, на взгляд автора, объясним просто. Это была завуалированная форма пособия по безработице, отсутствие которой тоже декларировалось законодательно. В результате получалась двусмысленная ситуация: человек терял квалификацию, но не испытывал связанных с этим материальных тягот.

Объективности ради следует сказать, что часть людей и во времена Советского Союза жила по капиталистическим принципам. Я имею в виду спекулянтов всякого рода. Большинство делало это из чисто меркантильных соображений, а вот герой этой главы Сергей Мавроди, например, потому, что советская действительность для него была хуже горькой редьки. Но на разрушительные для страны процессы эти люди никак не влияли, чего не скажешь о первых легальных советских бизнесменах, с которых, по сути, началось моральное разложение руководителей предприятий разного ранга. И хотя генерал-полковник милиции Владимир Васильев в этой главе утверждает, что «фундаментальная коррупция появилась только в 1990-е годы», а в СССР были только взятки, рискну предположить, что зародыш коррупции появился всё-таки в 1988 году с принятием закона о кооперации. Многие заинтересованные люди увидели, какие возможности несёт конкретно для них рынок в виде «откатов» и прочих ловких штучек. Кстати, этот отряд первых советских предпринимателей был самым яростным ненавистником всего советского и развала страны даже не заметил, а то и приветствовал. Тут приведено интервью с первым советским миллионером Артёмом Тарасовым, из которого читатель детально узнает, как начало распродаваться народное имущество и как люди, этим занимавшиеся, умеют делать круглые глаза. В общем, вывод напрашивается сам собой. Горбачёвские ростки рыночных отношений оказались ещё одним существенным фактором разрушения страны.

Леонид Абалкин

Абалкин Леонид Иванович - научный руководитель Института экономики РАН, академик РАН. Родился 5 мая 1930 г. в Москве. В 1989-1991 гг. - заместитель Председателя Совета Министров СССР. Автор экономических реформ эпохи перестройки.

- Укоренилось мнение, что у советской модели экономики не было никаких достоинств и никаких самих по себе чисто экономических ярких достижений.

- Мы много занимались в институте историей экономики СССР. Главное преимущество советской модели экономики состояло в том, что сочетание плановых начал с инструментами рынка позволяло рассчитывать на успехи в народном хозяйстве, и прежде всего в аграрном секторе этого хозяйства. К примеру, одной из отправных точек эпохи

бурного развития экономики СССР в 1920-е годы является одновременное решение советских властей о переходе от продразвёрстки к продналогу и решение о создании Госплана. Тогда же началось введение золотого червонца и реализация новой экономической политики. За короткий период нэпа страна возродилась после мировой и гражданской войн. К 1927 году по показателям развития промышленности и сельского хозяйства, по результатам доходов на душу населения Советская Россия вернулась на уровень 1913 года. Многие предприятия переводились на хозрасчёт, инвестировали свою прибыль в развитие. Возрождалось или создавалось заново мелкое, в том числе кустарное, производство. Качественно изменились хозяева крестьянских хозяйств. Директор Института сельскохозяйственной экономии и политики Чаянов писал Молотову в 1927 году: «…произошла значительная смена руководящего состава крестьянских хозяйств: старики ушли и к руководству пришли солдаты мировой и гражданской войны. Это люди с неизмеримо более широким кругозором, чем хозяева 1906-1915 годов. Этот новый «персонал» крестьянских хозяйств на две головы выше старого, более подвижные и восприимчивые к агроулучшениям». Именно совокупность этих причин обусловила подъём села в начальный период нэпа. К сожалению, в дальнейшем с отходом от рыночных принципов экономики началось строительство административно-командной модели хозяйствования, и нэп был отменён.

Второй яркий момент в развитии советской экономики, который я хотел бы отметить, - это реформы Косыгина. Это была лучшая пятилетка в истории СССР. С 1965 по конец 1960-х годов была попытка соединить элементы плановых начал и рыночной самостоятельности предприятий. Я очень хорошо помню это время, потому что большего ожидания реформ в экономике, чем тогда при Косыгине, впоследствии в стране не было. Существовал общий духовный подъём, настроения ожидания. В то же время появилась получившая широкое распространение теория конвергенции в экономике - соединение планового начала и рыночных инструментов. Но политические события - как внутренние, так и внешние - косыгинскую реформу остановили. Мы вступили в период застоя, который продолжался почти 20 лет. За это время мы упустили переход к политике энергосбережения, компьютерную революцию, «зелёную революцию» в сельском хозяйстве. Тот механизм управления народным хозяйством, который сложился тогда в СССР, был неадекватен вызовам времени. Мир вступил в эпоху научно-технической революции, но наша экономика оказалась неспособной следовать примеру развитых стран. Все достижения, которые мы имели к этому моменту - космос, к примеру, - уже не поддавались чисто плановому регулированию, надо было сочетать новые подходы к решению назревших проблем. Но этого не произошло, механизм управления экономикой сохранился в старом виде.

- Третьим ярким моментом можно назвать тот период, когда непосредственно с вашей помощью экономика позднего СССР фактически начала становиться рыночной и когда именно вами, а не младореформаторами - как принято думать - были заложены

законодательные основы нынешнего отечественного рынка.

- Та, условно говоря, перестроечная концепция экономической реформы претворялась в жизнь Правительством Рыжкова, где я работал его заместителем и как раз отвечал за реформы в экономике, с 1989 по 1991 год. Мы многое успели сделать. Получила развитие кооперация - первый уход из-под монополии государственной собственности. Мы приняли решение о создании сети коммерческих банков, которое и было реализовано в тот период. Приняли целый ряд законодательных актов о собственности, о земле, об аренде, о подоходном налоге и налоге на прибыль, о малых предприятиях и предпринимательской деятельности, о демонополизации экономики и её разгосударствлении. Был принят закон о Центральном банке СССР, в результате банк был выведен из-под власти Правительства и стал самостоятельным. Кстати, когда наступило время гайдаровских реформ, тогдашнее правительство просто взяло наш текст по Центробанку и приняло по нему «свой» закон. Иногда мы работали и на опережение - было сложное время, шла дискуссия внутри самой власти: одни хотели реформ за 2-3 года, другие не хотели никаких реформ. К примеру, помню, возникла полемика о необходимости создания акционерных обществ. Первый опыт был с КамАЗом. Мне позвонил Рыжков и сказал: «Есть записка с просьбой разрешить акционирование КамАЗа. Какое ваше мнение, Леонид Иванович?» Я говорю: «Дайте мне шесть часов, я отвечу». Я связался с государственной Комиссией по экономической реформе, которой я в должности зампреда Правительства руководил, мы эту ситуацию обсудили и решили поддержать КамАЗ. Но закона об акционерных обществах, который должен был принять Верховный Совет СССР, ещё не было! И тогда мы приняли специальное постановление Правительства о создании в КамАЗе акционерного общества с распределением долей - они настаивали, чтобы 50 % находилось в распоряжении Татарстана, - «впредь до принятия Закона об акционерных обществах».

- Почему же сорвался эволюционный путь перехода советской экономики к рыночным принципам, в результате чего народу пришлось вкусить все прелести дикого капитализма?

- Да, это был один из шансов нашей страны пройти реформы нормальным путём, без шоковой терапии. К сожалению, шансом неиспользованным. Я отработал полтора года в этой своей должности: пришёл 1 июля 1989 года, а ушёл в декабре 1990 года, когда Рыжков получил инфаркт и практически прекратил работу на посту председателя правительства. Меня уговаривали остаться и в следующем правительстве, но я сказал, что работать с ними не буду, и вернулся в Институт экономики. Дальнейшие события в стране хорошо известны… Но я хочу подчеркнуть вот что. Пока Рыжков возглавлял союзное правительство, баланс политических сил между горбачёвским СССР и ельцинским РСФСР был устойчивым. Рыжков в своё время ведь был генеральным директором Уралмаша, а Ельцин в то же время лишь начальником стройтреста в Свердловске. И в разговорах пара на пару - Горбачёв - Рыжков и Ельцин - Силаев - перевес был на стороне Горбачёва за счёт Рыжкова. Но когда

вместо Рыжкова правительство возглавил Павлов, ситуация изменилась. А когда Ельцин осенью 1991 года и вовсе стал отменять решения президента СССР, я понял, что Горбачёв обречён. Он мог уйти раньше или позже, но судьба его была предрешена. Потом последовала галопирующая инфляция, огромные потери сбережений граждан, которые так и не были возвращены населению; в 1992 году цены выросли в 26 раз. Дефолт 1998 года - это тоже не случайное явление, а закономерный, логичный результат той экономической стратегии, которую всё это время осуществляло правительство России в лице всех своих премьеров: Гайдара, Черномырдина, Кириенко.

- Правда ли, что после возникновения у вас разногласий с Горбачёвым он в отместку прислал к вам в институт экономики, которым вы уже тогда руководили, комиссию во главе с Гайдаром?

- Нет, это было дело не Горбачёва, а скорее Шаталина. Шаталин тогда был академик-секретарь Академии наук СССР по отделению экономики, он и прислал Гайдара, с которым в то время писал совместные научные работы. Гайдар был здесь, проверял. Я высказал ему несогласие со многими его оценками по факту проверки. Мне ведь к 1988 году было сложно что-то быстро принципиально поменять в таком большом институте, изменить научные концепции, а Гайдар копался в основном в старых материалах, написанных ещё до моего прихода в институт в 1986 году: брал старые авторефераты, диссертации, какие-то другие наивные с точки зрения науки материалы - придирался. Одновременно Гайдар присмотрел способных людей в моём институте и забрал их с собой: в частности, Владимира Мау - ныне ректора Академии народного хозяйства.

- Правда ли, что после критики горбачёвской концепции ускорения на знаменитой XIX партконференции вокруг вас образовался вакуум, который решился нарушить лишь Николай Иванович Рыжков?

- Горбачёв тогда сделал доклад, и началось его обсуждение. Первые выступления оказались довольно дежурными - по существу, самоотчёт. Скучно было. Я послал записку с просьбой выступить, мне дали слово, и я пошёл на трибуну. Материал у меня был готов. Я сказал о том, что экономика страны нуждается не столько в увеличении темпов экономического роста, сколько в структурной перестройке. Привёл цифры и добавил, что из застойного периода мы ещё не вышли и я не поддерживаю соединение в одном лице должностей секретарей обкомов и председателей исполкомов. Горбачёв после моего доклада срочно вызвал начальника Госкомстата Королёва и велел ему проверить мои цифры. Королёв всё подтвердил. Тогда Горбачёв выступил сам, обвинив меня в экономическом детерминизме. Наутро стенограмма заседания партконференции будет опубликована в «Правде» и об ответе Горбачёва узнают все. А тогда в перерыве я, как всегда, вышел в подъезд Дворца съездов покурить - ни один человек ко мне не подходит. Никто! Спустя какое-то время из здания Совета Министров идёт Рыжков. Подходит ко мне, здоровается: «Надо поговорить, зайди после конференции ко мне». Я зашёл. Николай Иванович пригласил меня поучаствовать в нескольких

заседаниях правительства, после чего у меня с ним наладились хорошие деловые отношения. Рыжков проявил себя в этой ситуации как нормальный, не поддающийся никаким интригам человек. С его стороны это был человеческий поступок.

Москва, март 2010 г.

Николай Петраков

Петраков Николай Яковлевич - директор Института проблем рынка РАН, академик РАН. Родился 1 марта 1937 г. в Москве. В 1990-1991 гг. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС (с апреля 1990 г. - помощник Президента СССР) по экономическим вопросам.

- Говорят, в Советском Союзе был «водочный» бюджет и, мол, люди оттого так сильно и пили... Получается, антиалкогольная кампания была оправданна?

- Во времена Советского Союза государство собирало огромные деньги - до 30 % бюджетных доходов - в виде налогов с оборота с этого вида товаров, и у нас действительно был «водочный» бюджет. Многие это критиковали, и в результате, благодаря Лигачёву, у нас стал дефицитный бюджет. А сейчас этот вид дохода государство вообще практически потеряло - акцизные марки не дают и близко той прибыли, которую давала государству во времена СССР продажа водки.

То, что народ много пьёт, конечно, плохо, но плохо и терять прибыль государству: согласно статистике, в СССР пили 5 литров чистого алкоголя на человека в год, а теперь пьют 18 литров. Поэтому уместно задаться вопросом: а где прибыль в бюджет, почему он наполняется исключительно за счёт нефти, а эти доходы теперь поддерживают бюджеты олигархов? Да потому, что в июне 1992 года Ельцину был подсунут указ о ликвидации госмонополии на производство и продажу ликеро-водочных изделий. Указ был подписан, и рассыпалась государственная монополия, которая существует во многих цивилизованных странах.

- Как случилось, что с распадом СССР всё население страны разом обнищало?

- Каким образом было разорено практически всё население СССР? В 1991-1992 годах живые деньги были только у нас и наших родителей в сберкассах. Эти деньги Сбербанк давал в кредит под 150-200 % годовых, а вкладчикам, реальным хозяевам этих денег, выплачивалось всего по 2 %. Почему, если мои деньги давали в кредит под такие проценты торгашам, которые тут же завозили западные товары, мне не повысили мои проценты хотя бы до 75? «Так было надо», - сказал Гайдар.

- «К сожалению, при полном попустительстве прежнего российского руководства Запад уже интегрировал нашу экономику в мировое сообщество». А что же в этом плохого, Николай Яковлевич?

- Дело в том, что нас туда интегрировали так, как хотели они, а не так, как хотели интегрироваться мы. Насильно, по их правилам. По сути Россия стала монопродуктовым экспортёром, сырьевым придатком. Окончательно и бесповоротно. Если СССР ещё развивал промышленность, продавал станки, машины, строил промышленные предприятия за рубежом, то сегодня Россия в этом плане абсолютно разрушена. Такого рода интеграцию в мировое сообщество я называю политикой колониальной демократии. Ромен Роллан говорил, что нельзя привозить свободу, как Бурбонов в Европу. А США сегодня проводят как раз однополярную политику навязывания «демократии» другим странам. Где-то путём оранжевых революций - на Украине или в Грузии, где-то военным способом - в Сербии или Ираке. Такого рода вхождения в мировую экономику чреваты полной зависимостью стран от их невысокотехнологичного монопродукта. С точки зрения политики такая «демократия» чревата созданием большого числа малых партий, изображающих приверженность демократическим принципам, будучи на самом деле так или иначе управляемыми. Частная собственность в России, являясь одной из основных форм собственности, не приводит ни к какому улучшению жизни народа, а является только инструментом обогащения элит.

В Испании, Португалии, Греции в своё время существовали тоталитарные режимы, просуществовавшие дольше, чем прожил Сталин. В конце концов они демократизировались, и люди в этих странах тут же получили реальное улучшение жизни. И это при том, что у них, в отличие от нас, не было таких природных ресурсов, того интеллектуального потенциала; собственно говоря, кроме туризма и футбольных команд в этих странах ничего с экономической точки зрения по большому счёту и нет. Но они же вписались и в Евросоюз, и в валютную систему Европы. Да, у них возникли некоторые трудности в кризис, но эти страны уже во всех смыслах в Европе. Мы же, имея богатые природные ресурсы и высокий научно-технический потенциал, имея не Сталина и даже не Брежнева, а всего лишь Горбачёва, начали выходить из тоталитарного режима. И что мы получили через 20 лет? А произошло это потому, что в России была принята политика подчинения идеям колониальной демократии.

- Разве с чисто экономической точки зрения развал СССР не был благом?

- Нет. У нас был довольно тяжёлый, но всё-таки единый народно-хозяйственный комплекс; с деформациями, конечно, но их можно было исправлять. Я лично говорил Михаилу Сергеевичу Горбачёву, что для сохранения Союза необходимо, чтобы центр контролировал внешнюю политику, оборону и экологию. На что Михаил Сергеевич мне отвечал: «Я не хочу быть английской королевой». В результате развалилось всё. Ни в коем случае нельзя было проводить шоковую терапию, идея которой заключалась в спасении экономики путём ликвидации бюджетного дефицита. Что это такое? К примеру, в Боливию приезжает какой-нибудь Джеффри Сакс (американский экономист. - Авт.) или Ослунд (шведский экономист. - Авт.), где им говорят: «Экономика в кризисе. Доходов мало,

расходов много...» Они отвечают: «Так у вас же слишком большие расходы на оборону». «Сейчас сократим», - отвечает боливийский президент и действительно сокращает эту статью бюджета в пять раз. Денег на покупку автоматов Калашникова стало меньше. И только. В России так решать вопросы было нельзя. У нас оставались без работы целыми моногородами, поскольку СССР был производителем оружия. Значит, сначала, прежде чем сокращать расходы на оборону, нужно было тщательно готовить программу конверсии, давать предприятиям, делавшим, скажем, противопехотные мины, льготные кредиты на переход их к технологиям выпуска кастрюль и сковородок. Ничего не делали и ничего не давали, в результате десятки тысяч людей остались без работы. То же самое с наукой, работавшей на оборонку, где тоже не было программ конверсии.

- Разве Гайдар не спас Россию от голода?

- Конечно, Гайдар никаким спасителем не был. Тогда ведь произошла довольно любопытная ситуация: 31 декабря 1991 года Россия на грани голода, но уже 2 января 1992 года в России нет никакой угрозы голода. Во всех магазинах появились товары. Значит, эти товары были и раньше в нужном количестве и их просто прятали люди, которые знали, что скоро будут отпущены цены. Да, товары в магазинах появились, но цены на них были такие, что часть людей их купить просто не могла. То есть не было никакого спасения народа от голода, а людям, у которых были деньги, была дана возможность их тратить. Более того, если раньше в очередях стояли все, а по теории вероятности человек не может стоять в очереди всегда последним, значит, ему рано или поздно что-то доставалось по низкой цене, то при Гайдаре появились те, кому ввиду высоких цен не доставалось ничего. То есть именно при Гайдаре как раз и появились голодные люди.

Москва, сентябрь 2010 г.

Руслан Хасбулатов

Хасбулатов Руслан Имранович - завкафедрой мировой экономики Российской академии им. Г.В. Плеханова, член-корреспондент РАН. Родился 22 ноября 1942 года в г. Грозном Чечено-Ингушской АССР. С 1991 по 1993 год Председатель Верховного Совета России. С октября 1993 по февраль 1994 г. был помещён в следственный изолятор Лефортово. Освобождён по амнистии.

- Действительно ли, что ещё до появления правительства Гайдара, в позднее советское время, у вас в Верховном Совете уже были разработаны законодательные акты и планы по экономической реформе и вхождению страны в рыночную экономику?

- Это не было секретом в 1991 году, у нас работала группа выдающихся экономистов. О чём шла речь? Я рассматривал будущее рыночной экономики в двух секторах: стратегические отрасли - тяжёлая промышленность, добывающая промышленность, машиностроительный

комплекс, которые пока что нельзя было трогать; и другой сектор - это развитие рыночной экономики в остальных отраслях народного хозяйства: в сельском хозяйстве, в торговле, в отраслях лёгкой промышленности. Здесь следовало ожидать быстрого роста классической рыночной экономики. То есть создание нового класса мелких предпринимателей и помощи ему. Каждый день у меня бывало по нескольку делегаций на самом высоком уровне, и, я помню, премьер Франции меня спрашивает: «Руслан Имранович, чем бы вам могла помочь Франция?» Я отвечаю: «Если вы нам поможете подготовить двадцать тысяч специалистов, которые могут работать в условиях рынка, то не надо нам никаких кредитов». Это и был наш путь в рыночную экономику. А стратегические отрасли мы собирались сделать корпоративной структурой, которая станет действовать, как западные государственные компании, оставаясь в государственном секторе. Тем самым мы бы не дали рухнуть основным отраслям народного хозяйства, а рядом бы создали конкурентную рыночную экономику. Приблизительно так. Кстати, по мере развития и укрепления рынка можно было бы сокращать государственный сектор.

Я уже говорил об этой моей концепции... А Бурбулис в это время всех учил: «Надо полностью разрушить социалистическую экономику! Если мы её не разрушим, то оставим возможность социализму возродиться». Представляете?! Разрушать заводы! Какая разница между социалистическим заводом как таковым и капиталистическим? Между электронным заводом в Техасе и Омске? Никакой! Бурбулис не понимал, что завод - это овеществлённый элемент, который надо будет заново отстраивать, вкладывать деньги... Нет, надо разрушить до основания. Чисто большевистский подход!

- Почему же Ельцин назначил руководить правительством не вас - профессионального экономиста-международника и второго человека в стране - что было бы логично, а редактора журнала «Коммунист» Гайдара?

- Дело не во мне. Тогда было несколько достойных кандидатов: Святослав Фёдоров, Юрий Рыжов, Скоков и др. Все они могли быть превосходными премьерами. Ельцин безумно хотел понравиться американцам, которые в качестве программы перехода России к рыночным отношениям предложили ему экономическую идею «вашингтонского консенсуса». Что такое «вашингтонский консенсус»? Все восьмидесятые годы Латинская Америка находилась в страшном долговом кризисе: её долги принадлежали американским банкам, и те хотели их вернуть. Был разработан «план Брейди», названный по имени тогдашнего министра финансов США, который и стали внедрять в Латинской Америке. Но всё оказалось бесполезно. И тогда в конце 1980-х годов Международный валютный фонд попросил профессора Уильямсона из Школы мировой экономики Гарвардского университета мобилизовать лучших профессоров в сфере экономики, чтобы разработать новый план по спасению Латинской Америки от её долговых обязательств. Такой план был выработан в 1990 году под названием «вашингтонский консенсус» и тут же стал претворяться в жизнь. К 1992 году «вашингтонский

консенсус» тоже провалился и себя дискредитировал, и все латиноамериканцы от него окончательно отказались. Так вот с этим планом осенью 1991 года ознакомили Ельцина. И Ельцин загорелся «вашингтонским консенсусом»! Попросил у американцев гарантии, те ему обещали, и тогда он стал искать людей, которые должны будут проводить этот план в жизнь.

Понятно, что с этим планом обращаться за помощью ко мне было бессмысленно, как и, к примеру, к Святославу Фёдорову, которого тем не менее познакомили с «вашингтонским консенсусом», на что Фёдоров справедливо заметил: «Ну, ведь мы же не Латинская Америка!» Тогда Ельцин взял людей, которые готовы были реализовывать «вашингтонский консенсус». И всё это первоначально делалось с учётом Латинской Америки! Гайдар этого не понимать не мог, у него было больше сотни консультантов из США, которые им и командовали. Я в то время частенько получал законопроекты, написанные языком неудачного перевода с английского на русский - знаю, о чём говорю, потому что сам в силу профессии занимался, в том числе, и экономическими переводами. Я даже однажды в сердцах сказал Гайдару: «Егор Тимурович, да дайте мне лучше оригиналы на английском языке, раз у вас такие плохие переводчики!» То есть фактически всё это осуществлялось по представлению Международного валютного фонда и - что самое смешное - Министерства финансов США, в котором сидела огромная аналитическая группа, связанная непосредственно с консультантами Гайдара. Они и разрабатывали всю эту экономическую политику. А нам в Верховном Совете приходилось из последних сил шлифовать их законы, доводить их до ума - не давать окончательно развалиться экономике страны, чтобы не началась уже явная гражданская война.

- При Гайдаре полки магазинов наконец наполнились продуктами, так?

- Извините, но, прежде всего, именно Верховный Совет по согласованию с Ельциным отменил монополию внешней торговли. Ельцин осенью 1991 года прогнал Силаева, и правительства России попросту не было, его функции фактически выполнял Верховный Совет. Помню, я пригласил к себе руководителей всех подразделений Министерства внешней торговли и сообщил им об отмене монополии. Я сказал, что нам не нужна никакая помощь, пускай специалисты по экспорту на штатной основе начинают закупать продовольствие, а я или мои заместители будем от имени Российской Федерации подписывать контракты: «Правительства ведь у нас нет, но у нас полномочий больше, чем у любого правительства, потому что именно Верховный Совет утверждает состав правительства, а нас избрал народ». И у нас тут же стали поступать в страну крупные партии продовольствия.

Наоборот, Гайдар разрушил существовавшую систему снабжения населения продовольствием. В СССР в конце 1980-х годов дефицит продовольственных товаров составлял 18-20 %, остальное всё производили сами. А за один год гайдаровского правления производство

продовольствия в России сократилось на 50 %. За один год! К декабрю 1992 года, когда мы снимали Гайдара с должности, мы стали зависимы от импорта продовольствия наполовину. Колхозы и совхозы были Гайдаром уничтожены, поля запустели, начали резать скот, потому что прекратилось поступление мяса в резервные фонды государства. Зато пошло стремительное наводнение российского рынка заграничным продовольствием, которое очень часто было непригодно к употреблению. Как мне рассказывали, продукты с Запада приходили к нам порой с их стратегических складов, которые они собирались уничтожать ввиду истечения срока годности этого продовольствия, но не сделали этого ввиду отсутствия необходимых мощностей для этого уничтожения. Сколько потом было смертей и случаев отравления из-за этих продуктов! Тогда это было просто массовое явление. Вагонами, пароходами нам везли такое питание, а одновременно снижались нормативы медицинского и прочего контроля за импортом продовольствия.

Между прочим, и сокращение населения в России, начавшееся в те годы, связано и с этими делами тоже. Уменьшение деторождаемости тоже связано с некачественным питанием именно в эти годы. А сколько было болезней детей из-за некачественного детского питания. Причём закупались все эти продукты там за десять центов - лишь бы увезли со склада это бросовое продовольствие, а у нас они продавались по полной стоимости. Отчасти эта практика по инерции продолжается и сейчас - за всем ведь правительству не уследить, а заложил эту практику уничтожения народа - Егор Тимурович Гайдар.

А потом, что было толку от этих полных продовольствия полок, если у большинства населения практически не было денег, которые при Гайдаре моментально обесценились, зарплаты платить перестали. Поэтому учителя копались в мусорных баках, инженеры шли торговать на рынки. Посмотрите, сегодня же в стране колоссальная проблема, связанная с нехваткой квалифицированной рабочей силы. Инженеров-разработчиков, которые внедряют идею в конструкцию, - нет, квалифицированных рабочих - нет. Это же всё тоже оттуда пошло! Техникумы и ПТУ были разгромлены и превращены в казино. И это тоже последствия гайдаровщины. Модернизации-инновации! Как их осуществлять-то без восстановления квалифицированной рабочей силы? Где мастера-наставники? Где профсоюзы? В России же нет профсоюзов! Нынешние профсоюзные лидеры - соглашатели, они не имеют никакого отношения к профсоюзам. Профсоюзы разбиты и никакого влияния в обществе не имеют. Куда ни ткни - везде одни проблемы, уходящие истоками в гайдаровское правление.

- Знаменитое гайдаровское «Раздавите гадину!» непросто забыть даже сторонним наблюдателям расстрела Белого дома в 1993 году. Откуда у демократа Егора Тимуровича, который, кроме прочего, был вам лично, Руслан Имранович, обязан за своё формальное утверждение в фактической роли главы правительства, было столько антипатии к избранному народом парламенту?

- Да, это я буквально протащил Гайдара на заседании Верховного Совета, когда его, по просьбе Ельцина, утверждали руководить правительством. Все же депутаты были категорически против. И это было правильно. Что о нём знали? Что он работал в газете «Правда»? Фигуры в нём не видели, да и смешной он был. А в то время был большой выбор серьёзных претендентов на должность первого заместителя Ельцина в правительстве. Даже среди наших депутатов было несколько таких талантливых, толковых организаторов. Тот же Юрий Михайлович Воронин, который потом стал у меня после Филатова первым заместителем. Из него бы вышел прекрасный премьер - динамичный, сильный, грамотный; к тому же Воронин был доктором экономических наук, производственник, работал министром. И мы бы ему помогали. Откровенно говоря, я сейчас завидую председателю Думы - если он только использует свои возможности - с Путиным ведь можно хорошо работать, с Медведевым можно хорошо работать.

Конечно, я помню эту фразу Гайдара. Политические взгляды этих неолибералов-монетаристов всегда смыкались со взглядами крайне реакционных деятелей, которые наступали на права трудящихся. Наиболее яркий представитель этого направления - Аугусто Пиночет, ещё один «либерал», которого очень любила Маргарет Тэтчер. Пиночет ведь тоже пришёл к власти при помощи американцев, а точнее ЦРУ. Поэтому не случайно ельцинисты, в частности Бурбулис, выезжали в Чили изучать опыт Аугусто Пиночета; он был в моде в среде кремлёвских соратников Ельцина. Они так и говорили: «Мы должны действовать, как Пиночет!» То есть они хотели сосредоточить всю власть в руках Ельцина, чтобы он быстро провёл счастливые реформы, а потом даровал демократическую Конституцию. Была такая схема, и Ельцин быстро понял все её выгоды - речь ведь шла об укреплении его власти. Так они и действовали. Какой Гайдар демократ? Он один из столпов Ельцина - наследника Пиночета, кровавого диктатора! Тогда-то они не скрывали своих идей и взглядов, это сегодня их пытаются преподнести как представителей демократического крыла.

- Правда ли, что вы подтолкнули Ельцина к его историческому выступлению на танке в августе 1991 года?

- Не то чтобы подтолкнул… Мы стояли в коридоре Белого дома, когда, урча, подошёл танк. Народ стал вокруг него бегать, кричать. И я, не особенно вдумываясь, как бы шутливо, говорю Ельцину: «Борис Николаевич, конечно, это не броневик, - имея в виду аналогию с Лениным, - но тоже удобная площадка. Давайте, выступайте!» Он: «Вы что, Руслан Имранович, хотите, чтоб меня убили?» Стоявший с нами премьер Иван Силаев вмешивается: «А что! Хорошую идею подбросил Руслан Имранович! Идите, Борис Николаевич, никто вас не убьёт». К нам подошли другие наши сторонники и коллеги, и мы стали уже всерьёз обсуждать эту мою идею, которую я изначально сказал в шутку, не особенно над ней задумываясь. Обращаюсь опять к Ельцину: «От нас троих народ ждёт решительных действий, Борис Николаевич! Если не пойдёте вы, то пойду я». «Нет, - говорит Ельцин, - пойду я». И решительно направился к танку.

Москва, февраль 2010 г.

Жорес Алферов

Алферов Жорес Иванович - лауреат Нобелевской премии по физике 2000 года за разработку полупроводниковых гетероструктур и создание быстрых опто- и микроэлектронных компонентов. Родился 15 марта 1930 г. в Витебске. Академик РАН и депутат Госдумы.

- Сегодня бытует мнение, что развал Советского Союза был спасением для экономики.

- Развал Советского Союза был экономической катастрофой. Я часто говорю, что если бы передовую страну, США, в силу тех или иных причин разрезали на 15 государств, то это была бы экономическая катастрофа и для США, гораздо большая, чем великая депрессия 1929 года, из которой они бы не выбрались многие десятилетия. Зато мы с лёгкостью необыкновенной разрушили СССР, а сегодня экономика Украины не может развиваться без тесного взаимодействия с экономикой России. Белоруссия оказалась в тяжелейшей ситуации, хотя это единственная постсоветская республика, которая полностью сохранила свой промышленный потенциал. Но она тоже не может по-настоящему развиваться без тесного взаимодействия с российской, украинской экономиками.

По этому поводу я всегда привожу один пример. Я был в очень хороших отношениях с Владиславом Григорьевичем Колесниковым - министром электронной промышленности СССР, и как-то в начале 1980-х годов он мне говорит: «Жорес! Я сегодня проснулся в холодном поту! Мне приснилось, что «Планара» нет! А нет «Планара» - нет нашей электронной промышленности». «Планар» - это было научно-производственное объединение в Минске, которое занималось разработкой высокотехнологичного оборудования для электронной промышленности: степперы, шаблонное хозяйство и прочее. Всего три страны в мире: США, Япония и СССР делали степперы - самый важный технологический инструмент для кремниевой электроники. Так что нет «Планара» - нет электронной промышленности. И это действительно произошло, когда распался СССР - «Планар» оказался за рубежом. Хотя сам «Планар» выжил благодаря заказам из Китая. Недавно я читал лекции в Чаньчуне, в Институте точной механики и оптики Академии наук Китая, и вдруг увидел знакомые славянские лица - это были сотрудники «Планара»; китайцы хотят использовать наши предыдущие достижения. И правильно делают.

- Многие считают, что СССР именно тогда упустил шанс китайского варианта проведения реформ, который наиболее подходил бы нашей стране. Разделяете такую точку зрения?

- Нет! Конечно, нет. Я хорошо знаю Китай. Мы с ним тесно сотрудничаем в научном плане, я в Китае бываю ежегодно, а в прошлом году был даже два раза. И я один из немногих - к сожалению, немногих - иностранных членов Китайской академии наук, которая создана по образу

и подобию Академии наук СССР. Кроме меня из России иностранные члены Китайской академии наук - академик Григорян из московского университета и питерский математик Фадеев, а иностранных членов из США - 29 человек. Кстати, президент Китайской академии наук получал образование в Советском Союзе и неплохо говорит по-русски, как, впрочем, и предыдущий президент - физик-теоретик; старшее поколение в Китае ещё помнит русский язык. И прежде всего потому, что выведение индустрии Китая на определённый уровень до культурной революции было связано с нашей непосредственной помощью - мы строили там заводы и помогали развивать их образование и науку. Так вот… Я считаю, что нам многому нужно учиться у современного Китая, но и Китаю по-прежнему можно многому учиться у России. Да, конечно, надо изучать опыт того, как Китай развивает свою современную индустрию, как он вышел на передовые позиции в мире, но это автоматически не означает, что китайская модель - пример для России.

- Что вас, учёного, далёкого от реальной политики человека, подвигло на излёте Советской власти податься в народные депутаты СССР?

- Во-первых, это же было совершенно другое время, и я понятия не имел, к чему мы в результате придём. Во-вторых, не стоит забывать также о том, что ведущие учёные нашей страны тогда нередко бывали депутатами, те, кто не чурался государственной и общественной деятельности не в смысле политики, а в смысле продвижения наиболее перспективных научных исследований, более эффективной организации международного научного сотрудничества. В тот момент я был директором Физико-технического института - крупнейшего физического института страны, и председателем президиума Ленинградского научного центра. В депутаты меня выдвинул наш физтех и ряд академических институтов Ленинграда. Избирался я от Академии наук СССР - уже тогда выборы проводились по многопартийной системе, скажем, так: была «красная сотня» от ЦК КПСС, а остальные участвовали в жёсткой конкурентной борьбе. К примеру, на 20 вакансий народных депутатов от Академии наук на последнем этапе голосования претендовало 40 или 50 человек, и многие известные учёные этот барьер не преодолели. А ваш покорный слуга был избран среди таких людей, как академик Олег Нефёдов, Карл Ребане - президент Эстонской академии наук, Юрас Пожела - президент Литовской академии наук, Андрей Дмитриевич Сахаров, Виталий Лазаревич Гинсбург…

Избираясь в депутаты, я не ставил перед собой задач политического переустройства государства, а собирался концентрироваться на проблемах науки, образования, развития научных исследований, в частности в области информационных технологий и развития полупроводниковой электроники, так что ничего неестественного в том, что я стал народным депутатом СССР, по тем временам не было. Кстати, перебирая недавно старые бумаги, я обнаружил свою предвыборную программу, как кандидата в народные депутаты СССР, и могу сказать, что если бы я сегодня в ней что-то бы и изменил, то очень немногое. А своё

выступление на втором съезде народных депутатов я включал в более поздние сборники своих статей. Да и сейчас 99 % того текста я бы оставил без изменений, потому что речь там в основном была посвящена проблемам науки и образования - атака на Академию наук начиналась уже тогда.

Однако я должен сказать, что уже на первом съезде народных депутатов я был сильно огорчён, когда пришёл на первое заседание партгруппы - тогда была такая практика. Мы заседали в Андреевском зале Кремля - в зале Верховного Совета СССР, хотя сам съезд проходил в Кремлёвском Дворце съездов. Так вот на этом заседании, я помню, поразился тому, как народ орал, топал ногами по совершенно несусветным поводам. Точно так же на меня отрицательное впечатление произвёл и сам первый съезд народных депутатов, который вся страна смотрела по телевизору, три недели не работая. Вместо того, чтобы заниматься практическими вещами, необходимыми государству, съезд превратился в митинг, где депутаты один за другим кричали по поводу того, как у нас в стране всё плохо и ужасно. Я дал тогда интервью журналу «Наука и жизнь», где сказал, что мы любые всесоюзные конференции и семинары готовим гораздо тщательнее, чем был подготовлен этот съезд народных депутатов.

Санкт-Петербург, февраль 2010 г.

Николай Луконин

Луконин Николай Федорович - экс-министр атомной энергетики СССР. Родился в 1928 г. на станции Имам-Баба, Туркменская ССР. В качестве председателя государственной комиссии участвовал в приёмке в эксплуатацию объекта «Укрытие» для 4-го блока Чернобыльской АЭС и пуске оставшихся трёх блоков.

- Аварию на Чернобыльской АЭС нередко называют закономерной предтечей экономического краха Советского Союза. Каковы были обстоятельства этой трагедии? Как вы узнали об этой аварии и сразу ли в полной мере поняли масштабы катастрофы?

- Чернобыльская авария застала меня в Москве. Была суббота. В Министерстве среднего машиностроения, в состав которого входили все АЭС страны, проходил партийно-хозяйственный актив. Я, в то время ещё директор Игналинской АЭС, приехал пораньше. Захожу к первому замминистра Мешкову Александру Григорьевичу. Он говорит: «Хорошо, что зашёл. Садись. Слушай. Сейчас буду разговаривать с дирекцией Чернобыльской станции. Там произошла тяжёлая авария». Первый же вопрос его был: «Как охлаждается реактор?» Ему отвечают: «Охлаждается нормально, но у нас нет дополнительных поглотителей». То есть в 9.20 утра, когда происходил этот разговор, спустя 8 часов после аварии, когда никакого реактора уже не было в помине, а был лишь сильный пожар, Мешкова убеждали, что «всё нормально», да ещё просили дополнительные поглотители нейтронов, хотя на станцию уже и зайти-то

было нельзя.

Мешков меня спрашивает: «У тебя есть лишние поглотители? Звони главному инженеру, пусть отправит их на Чернобыльскую станцию». Звоню. Ведь раз требуют поглотители, значит, можно зайти в центральный зал, опустить их в пустые каналы... Я на всякий случай распоряжаюсь взять пробы в 30-километровой зоне вокруг станции, где у всех АЭС равномерно распределены датчики; хотя, в принципе, когда станция работает нормально, мы с них снимали показания только раз в месяц, чтобы зафиксировать, изменился ли радиоактивный фон в сравнении с естественным.

На коллегии в министерстве собравшимся об аварии так со слов её руководства и сообщили: на ЧАЭС было два взрыва, и всё. На следующий день после аварии я приехал к себе на Игналинскую и по вч-связи стал звонить в Чернобыль. Дозвонился. Прошу замминистра Мешкова, который уже был там. Он говорит: «Поглотители, которые вы сюда отправили, уже не нужны. Реактора больше нет!»

- Виноват ли, на ваш взгляд, кто-то конкретно в обширном радиоактивном заражении гражданского населения, как это произошло в Чернобыле? Можно ли было его избежать в таких масштабах?

- Можно. На всех станциях была специальная кнопка, которую в случае большой аварии с выходом радиоактивности в окружающую среду следовало нажать, после чего сообщение об аварии в автоматическом режиме шло в горком партии, в исполком, в милицию, специалистам станции и так далее. Кроме того, после нажатия этой кнопки по всем громкоговорителям рядом со станцией тоже автоматически должно было начать передаваться обращение к гражданам: никто не должен находиться на улице, во всех помещениях закрыть окна и форточки, радиоактивное загрязнение. Но эту кнопку никто на Чернобыльской станции не нажал. Растерялись. Руководство ЧАЭС не знало, что делать. А ведь люди гуляли как ни в чём не бывало по улицам. Более того, некоторые строители-монтажники даже подъезжали с детьми поближе к станции, смотрели, как она горит.

Помню одну женщину с ребёнком. Она получила на щитовидную железу 400 бэр - биологического эквивалента рентгена - очень большую величину. Но её двухлетний сын получил аж 1200 бэр. Поинтересовались, откуда она. Выяснилось, что с хутора, который располагался как раз по направлению ветра с Чернобыльской станции, куда и пошла самая грязь. «Я, - говорит, - находилась в хате, убиралась, а мальчик на улице играл в песочнице». Так вот эта хата, в которой даже не были закрыты форточки, в три раза снизила воздействие радиации на её щитовидную железу. То есть, повторяю, если бы по инструкции была нажата кнопка, как действовать населению в этой критической ситуации, это значительно снизило бы степень радиационного поражения людей, живущих вблизи станции. Кроме того, в Чернобыле был специальный запас нерадиоактивных йодистых таблеток. По инструкции персонал станции должен был разносить их населению. Выпив такую таблетку, человек

насыщает щитовидку нерадиоактивным йодом, и она уже не будет брать радиоактивный; вот почему, кстати, сейчас на Дальнем Востоке так активно раскупают йод. Но тогда в Чернобыле даже такие элементарные вещи не делались.

А возможна была эта дикость потому, что директор Чернобыльской атомной станции перешёл работать на неё с тепловой станции и физику реактора совершенно не знал. Незадолго до этого сняли главного инженера Чернобыльской АЭС, специалиста из Томска-7, где есть промышленные ядерные реакторы по производству плутония, сняли за то, что он призывал не скрывать нарушения, а на его место поставили опять же специалиста с тепловой станции, который в ядерной энергетике ни бе ни ме. Заместитель главного инженера пришёл на ЧАЭС с завода в Комсомольске-на-Амуре, специализировавшегося на ремонте атомных подводных лодок. Но ведь физика водо-водяного реактора и физика реактора на графитовом замедлителе - это совершенно разные вещи. Именно эти люди - и никто меня в этом не переубедит - и виноваты и в самой аварии, и в её последствиях. Директор станции, её главный инженер и его заместитель по эксплуатации. Все они потом получили по семь лет заключения. Директор и главный инженер живы до сих пор, а заместитель главного инженера Дятлов умер.

- За минувшую после этой трагедии четверть века каких только версий относительно причин взрыва на 4-м энергоблоке не выдвигалось: и официальных, и неофициальных. Но кому, как не вам, лучше всех известно, в чём истинные причины аварии. Понимаю, в двух словах и доступным языком об этом не расскажешь, но всё же... Начните, пожалуйста, с того, как собственно произошла авария?

- После пуска любого блока любого вида АЭС у нас или за рубежом обязательно проводится программа, которая является элементом ввода этого блока в эксплуатацию. Суть её состоит в том, что необходимо определить, сколько времени, в случае отключения внешних источников электроэнергии, понадобится автономной дизельной станции, чтобы набрать необходимые обороты, обеспечивающие работу системы охлаждения блока и - главное - хватит ли на это время вырабатываемой самим реактором электроэнергии: даже в полностью заглушённом реакторе на турбогенератор ещё поступает пар, вращает его, вырабатывая электроэнергию на собственные нужды - чтобы продолжали работать насосы охлаждения реактора. Это небольшая величина - около минуты, но порядок работы реактора в это время принципиально важно установить, потому что если даже минуту в нём не снимать тепло, то может начать плавиться топливо, могут выделяться накопившиеся радиоактивные осколки, водород, становящийся при определённых условиях взрывоопасной смесью, и рано или поздно обязательно произойдёт взрыв. Эксперимент по установлению показателей работы реакторов в условиях отсутствия внешней электроэнергии проводился на всех блоках ЧАЭС. Везде прошёл успешно, а на 4-м блоке - нет, старший инженер не смог поставить реактор на автоматический режим поддержания мощности в 250 электрических МВт, и он провалился в так

называемую йодную яму, поэтому снять все необходимые характеристики не успели. В тот раз ничего не случилось. Подождали два дня, а затем, как и положено, стали подниматься.

А 26 апреля произошло всё то же самое, но когда до отключения внешних источников энергии реактор провалился, его решили сразу поднимать на мощность, а этого делать ни в коем случае было нельзя. Потом я беседовал с начальником смены, во время которой и произошла авария, с Борисом Васильевичем Рогожкиным. Спрашиваю: «Тебе ведь доложили, что оперативный запас реактивности после снижения мощности для проведения эксперимента упал на 50% ниже регламентного?» «Доложили». А согласно инструкции, если оперативный запас реактивности меньше 15 стержней, реактор должен быть немедленно заглушён. У них же оставалось всего 1,9 стержня, нечем было управлять нейтронным потоком в реакторе, а они лишь снизили мощность до 50% и продолжали работать. Как назло, в это время на Украине на одной из тепловых станций вылетел блок в 300 МВт, то есть в регионе возник дефицит электричества. Но если бы главный инженер и директор станции знали физику реактора, то они бы, несмотря ни на что, продолжили снижать мощность и спокойно реактор заглушили бы - оперативный запас реактивности ещё позволял. Но они не только этого не сделали, они даже не оставили записи о своих действиях в оперативном журнале. Да ещё и отключили 5 степеней защиты, чтобы, если реактор провалился бы в йодную яму, его можно было бы поднять сразу и продолжать работать. А была бы защита - никакой аварии не было бы.

Таких нарушений мы насчитали 16! Естественно, что в конце концов поток нейтронов стал неуправляемым, реактор перегрелся и взорвался. После аварии были обнаружены и конструкторские недостатки станции, и её проектные недоработки, которые тоже стали одной из причин катастрофы. ЧАЭС была спроектирована таким образом, что при перегорании всего двух каналов вентиляция переставала справляться с выбросом радиоактивных газов, в результате чего начинало подниматься давление в реакторном пространстве; когда я позже спрашивал операторов центрального зала, не заметили ли они чего-нибудь необычного перед взрывом, они говорили: «Обычно у нас прохладно, хорошо работает вентиляция, а тут вдруг стало как в бане». Значит, к тому времени уже пережгли несколько каналов, возникло давление, и пар начал проникать в зал. Потом давление слегка подбросило верхнюю закрывающую часть реактора (так называемую «Елену») массой более 300 тонн, но она не отлетела в сторону, а встала градусов на 15 вкривь. Так что зря, кстати, туда потом сыпали песок с вертолётов - в активную зону он практически не попадал, а так и оставался сверху.

- Говорят, что последствия чернобыльской аварии ликвидировали в авральном режиме практически голыми руками, чем подвергли лучевой болезни спасателей, но минимизировали вред радиации для населения?

- Нет, конечно, это не так. При ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС было допущено много глупостей и ошибок, но прежде

всего как раз потому, что аналогов катастрофы, которая там произошла, с выходом такого количества радиации в окружающую среду, до этого в истории человечества не было; в 1979 году американцы расплавили активную зону реактора, но у них не произошло взрыва, потому что, не потеряв внешнюю электроэнергию, они успели наладить охлаждение реактора, - то, чего как раз никак не могут сделать японцы.

Действительно, в Чернобыле ввели в действие сразу большое количество людей, хотя делать этого было, конечно, нельзя, это было бессмысленно при таком сильном облучении. Должны были работать только специалисты, в небольших количествах. Зачем посылали людей на крышу энергоблока? Чтобы уменьшить там радиацию? Но уменьшить её там было невозможно, зато облучили людей, которые сбрасывали с крыши осколки радиоактивных элементов.

Окончательно выброс радиации в окружающую среду в Чернобыле прекратился лишь после того, когда был создан объект «Укрытие» для 4-го энергоблока ЧАЭС, его ещё называют саркофагом. 21 июля 1986 года меня назначили министром атомной энергетики СССР. В этом ранге, как вы уже упомянули, я и был руководителем комиссии по приёмке «Укрытия». А непосредственно закрывали саркофаг специалисты Министерства среднего машиностроения, которые имели опыт работы на заводах по производству урана-235 - материала, который идёт на заряды для атомных бомб и является запалом для водородного оружия, то есть специалисты, которые хорошо знали эту отрасль. Другие министерства с этой работой просто не справились бы. Причём тогда не только был установлен сам саркофаг, но и создана система вентиляции в нём, воздух из саркофага пропускали только через фильтры очистки.

- Были ли попытки диверсий в отношении АЭС в советское время?

- Не знаю, как сейчас, но в то время, когда директором Ленинградской АЭС был я, канал, по которому на станцию из залива подавали воду, не входил в огороженную зону. Спокойно ходили рыбаки. Помню, был даже случай, что они якобы даже видели аквалангиста вблизи станции. К нам разбираться тогда приехал капитан первого ранга, занимающийся подводными диверсантами. Он, между прочим, рассказал мне, что американцы через Иран пустили по Каспию подводную мини-лодку, которая прошла почти через всю Волгу, в том числе и через шлюзы вместе с нашими теплоходами. Диверсанта этого всё-таки поймали, правда, уже на болгарском побережье. Сначала наши не поверили в его рассказ о том, как он попал в СССР, а потом в Болгарию, но он упомянул всё, что видел на своём пути, и оставалось только развести руками.

- Было ли в Чернобыле мародёрство?

- В Чернобыле было не столько мародёрство, сколько воровство. Люди, уезжая, побросали там свои машины, а военные, которых туда понагнали, разбирали их на запчасти, хотя их предупреждали, что ничего трогать нельзя, опасно для здоровья. Многие местные жители уехали на своих автомобилях, а затем, зная, что они грязные, тем не менее продали

их.

Правда, были и благородные поступки. Литовские власти, например, когда мы сказали, что в зоне Игналинской АЭС в небольших количествах, но появился радиоактивный йод из Чернобыля, сразу всё молоко, которое производили колхозы и частники, пустили на производство сыра, а в продажу стали давать только порошковое. Производство сыра занимало несколько месяцев, поэтому даже если в молоко и попал радиоактивный йод, то за это время он окончательно распадался.

- Говорят, что уезжать из радиоактивной вокруг ЧАЭС зоны можно было не всем.

- Конечно, не всем. И сейчас в запретной зоне вокруг Чернобыля живут люди. Основной вред радиации - если она попадает во внутренние органы. То есть картошку, конечно, надо почистить, помыть, а уже затем есть. А воду даже пить можно. Она же проточная, чистая, если не баламутить дно. Так что было большой ошибкой переселять людей из некоторых зон рядом с Чернобыльской АЭС, где они могли бы жить и по сей день. Многие медицинские эксперты тогда утверждали, что гораздо больший вред таким людям нанесёт не незначительная радиация, а стресс, который они получат, насильно оторвавшись от насиженных мест, где веками жили их предки.

Москва, март 2011 г.

Владимир Васильев

Васильев Владимир Абдуалиевич - председатель комитета Госдумы по безопасности, генерал-полковник милиции. Родился 11 августа 1949 года в г. Клин Московской области. В 1997-1999 гг. - первый заместитель, а в 2001-2003 гг. заместитель министра МВД. Руководил милицейским штабом по освобождению заложников «Норд-Оста» на Дубровке в Москве в 2002 г.

- Многие сегодня утверждают, что современная коррупция имеет свои корни в Советском Союзе. Верно ли это?

- Взятки и злоупотребления, конечно, были и раньше, а вот коррупции в советское время не было, потому что у тогдашнего руководства страны была политическая воля. Я хорошо помню, как при Андропове происходила зачистка московских управлений торговли, общественного питания, рынков и так далее. Тогда сели все! Сели целыми профессиональными структурами - снизу доверху, не исключая и руководства: управление рынками во главе с Чепузиным, Иванов - Росвоенторг, Завьялов - общепит, Трегубов - торговля... Отчасти это, конечно, была компанейщина, но такие зачистки оздоровляли предпринимательские и близкие к ним сферы, поэтому и проводились даже в благополучное в этом смысле советское время.

Злоупотребления, повторяю, были и тогда, но фундаментальная коррупция появилась только в 1990-е годы. Почему? Не было

политической воли! Так случилось, что, работая всё это время в системе МВД, я хорошо видел процесс становления так называемых рыночных отношений, которым сверху был открыт если не режим благоприятствования, то режим отсутствия противодействия незаконным явлениям, сопровождавшим становление этих отношений. Считалось, что милиция с её советским менталитетом и поначалу советское же законодательство не дадут развиться рынку. В результате систему МВД попросту отжали от рыночного процесса, отвели в сторону, и она тут же разложилась. Ни для кого ведь не секрет, что именно в годы становления рыночных отношений возникло много хищнического, нецивилизованного, криминального... И поэтому, когда сотрудники МВД видели, кто и как делает себе капиталы, у некоторых из них возникло убеждение, что войти в этот сомнительный процесс вовсе не зазорно и не зазорно за это получить свою долю. Но как раз именно такие рассуждения и оказались самым разрушительным явлением для правоохранительной системы: она потеряла способность бороться с коррупцией в эшелонах власти и в себе самой. Этот период - период трагедии нашей страны, трагедии милицейской системы: из неё тогда ушло много мыслящих людей, это была и трагедия конкретных личностей!

Москва, февраль 2010 г.

Сергей Мавроди

Мавроди Сергей Пантелеевич - российский предприниматель. Родился в 1955 г. в Москве. В советское время занимался подпольным бизнесом, привлекался за это к уголовной ответственности. В 1994 году создал финансовую пирамиду «МММ». В 2007 году осуждён за мошенничество.

- Что такое был подпольный бизнес в советские времена? Насколько я знаю, опыт бизнесмена вы начали получать ещё в СССР. В 1981 году бросили институт...

- Нет, вы всё путаете... Так обычно происходит, когда дело касается меня. Все всегда всё путают. Сплошные мифы. Это кошмар просто какой-то! Проклятие.

Институт я вовсе не бросал, я его благополучно окончил в 1978 году. МИЭМ, кафедра прикладная математика, специальность искусственный интеллект. Затем по распределению отработал свои три года в обычном ВЦ, как положено. Потом ушёл. В никуда, по сути. Никакого особого бизнеса у меня к тому времени ещё не было, перспективы на будущее были в этом смысле более чем туманные. Хотя за эти три года я успел сделать блестящую по тем временам карьеру в ВЦ. Ну, относительно, конечно, блестящую. Без всяких там связей стал заведующим группой программистов.

Знаете, меня вот иногда спрашивают: «Хорошо ли было в Союзе?» Не знаю. Хотя там я пребывал в относительном благополучии, а здесь, в нынешней России, у меня одни только сплошные беды да злосчастья. И в розыске я был, чёрт знает сколько по съёмным квартирам мотался. И в

тюрьме потом, на спецблоке четыре с половиной года. Абсолютный, кстати, рекорд. И сейчас у меня аут полный… И выхода никакого. Беспросветность какая-то.

- При СССР вы работали на различных низкооплачиваемых работах и занимались фарцовкой?

- Низкооплачиваемые работы? Ну да, числился. А иначе же тунеядство! Это же статья! Дворником в основном числился. Но тогда же всё непросто было. Ты ж сам не работаешь, договариваешься с кем-то. Чтоб за тебя твой участок убирали. Через некоторое время находятся завистники… Хотя, казалось бы, ну чему тут завидовать-то? Короче говоря, всё время приходилось менять место работы. А пока найдёшь ещё следующее-то… По нескольку месяцев безработный. Участковый наведываться начинает…

Последнее место работы было - ночной сторож на станции метро «Свиблово». Но там я уже сам работал. Надоело мне к тому моменту с места на место мотаться. Да и стрёмно становилось. Так что я приходил раз в трое суток и честно просиживал всю ночь один в пустом офисе. Хорошо! Тишина, покой… Сидишь, книжку читаешь…

Касательно фарцовки – это не про меня. Я ж не фарцовкой занимался. Аудиовидеозаписями. Совершенно безобидный бизнес. Пашешь причём, как пчёлка. Круглосуточно практически. Катушки-кассеты переставляешь. Ад кромешный! Это фарцовщику хорошо. Купил за сто, продал за двести. Вот и вся «работа». А сотку наварил. А тут за эту сотку!.. То есть деньги были, конечно, но более чем умеренные. Но, в общем-то, не в деньгах было дело. Свобода! А это как возможность дышать.

- Согласитесь, для вполне правоверного студента-физика, отличника, тяга к свободе посредством нелегальной деятельности в Советском Союзе - вещь по меньшей мере странная?

- Опять путаница сплошная. Никакой я был не физик и не отличник. Я был математик и двоечник. Ну, не двоечник, это я образно, но, во всяком случае, очень плохой студент. Притча во языцех родной alma mater. Олицетворение разгильдяйства в его химически чистом виде. В институте я практически не появлялся. На прогулы, впрочем, у нас смотрели сквозь пальцы. Кафедра прикладной математики считалась очень сложной, и изначально предполагалось, что если человек не посещает лекции и семинары, то он попросту не сдаст экзамены. Выяснилось, однако, что это не совсем так. А вернее, совсем даже и не так. Если мне удавалось раздобыть конспекты лекций прямо перед экзаменом и хотя бы бегло полистать их, то экзамен я, как правило, сдавал без проблем.

Изначально же голубой мечтой у меня было желание стать студентом Физтеха. Я был победителем всех на свете олимпиад, и должно было произойти самое настоящее чудо, чтобы я туда не поступил. И это чудо произошло! Не поступил. Но!.. Прошло почти тридцать лет. Много воды утекло, и много чего за эти годы произошло: я создал «МММ», посидел в тюрьме, вышел, стал депутатом по Мытищинскому округу, где и

находится Физтех. И вот звонит мне однажды помощник и сообщает: «Сергей Пантелеевич! Тут на меня руководство Физтеха вышло. Не хотите вы стать доктором физико-математических наук от них? У них защититься? Делать ничего не надо, они сами всё напишут и сделают, требуется лишь ваше принципиальное согласие».

Вот интересно. Если бы мне тридцать лет назад предложили стать доктором от самого Физтеха… О-о, да я бы!.. Полцарства бы отдал не задумываясь. Полжизни. И казалось, что оптимальный путь для достижения этой вожделенной цели - поступить в Физтех, потом в аспирантуру!.. Ну, грызть, в общем, гранит науки. Ан нет!

Оптимальный путь было: создать «МММ». И всё тебе тогда само на блюдечке с голубой каёмочкой в руки упало. С неба. Но, увы! Тогда мне всё это было уже даром не нужно. Всё не вовремя, короче. Как обычно. Жизнь, подлая, всегда даёт тебе - только не то, что тебе на самом деле-то нужно. Все дары её только такие. Курам на смех.

…А что подвигло меня уйти с работы, я уже объяснил. Желание быть свободным! Совершенно непреодолимое. Абсолютно! Не знаю, что со мной сталось бы, если бы я не ушёл. Спиться я не мог, у меня похмелье тяжелейшее, да и вообще мне это дело никогда особо не нравилось, так что повесился бы, по всей видимости. Или с балкона бросился. Впрочем, не уйти я не мог. Чем бы это ни грозило.

- Свобода для вас тогда подразумевала прежде всего нетрудовые доходы. Какие у вас отношения были с советской милицией? Соблюдали конспирацию?

- Записями я занимался на дому. Целая студия у меня там была. Где всё круглосуточно практически крутилось-вертелось. Процесс, так сказать, шёл. В квартире я был прописан, так что чувствовал себя более-менее уверенно и в относительной безопасности. Ну, нагрянет в очередной раз участковый с визитом - запрёшь дверь в комнату с аппаратурой на ключ, и дело с концом. Внаглую он всё-таки не ломился. Погрозит-погрозит пальчиком и уйдёт. Хотя, конечно, эта ситуация и напрягает. Что криминал-то вот в двух шагах от него буквально… за этой тоненькой дверью. Ведь в то время все более-менее крупные «писатели» занимались этим делом исключительно на съёмных квартирах. Считалось почему-то, что так безопаснее. Я был в этом смысле исключением.

И вот однажды меня смутил бес. И я тоже решил переехать на съёмную квартиру… Вот сейчас, с высоты своего богатого криминального опыта, я смотрю на ту ситуацию, и у меня просто волосы дыбом становятся. Как можно было решиться на такой идиотизм?! Где были мои мозги?! Ну говорю же, бес! Застил. Гад. Нашептал… Целый грузовик техники. Иностранной. Западной. Видеомагнитофоны. Тогда, в те времена! Сначала погрузка здесь, в лифте полдня возишь, соседи всё видят… Потом ещё разгрузка там… в незнакомом совершенно месте… Что там вообще за люди? Чёрт его знает. Караул, короче, полный!

Но переехал. С божьей помощью. К чёрту на рога, в Филёвскую

Пойму. И что же? Выяснилось, что аккурат в квартирку над начальником местного отделения милиции. Вот угораздило-то! А так как я работал по ночам, ходил-топал, а слышимость там отличная, то в один прекрасный день, приехав «на работу» с преогромной сумкой кассет-катушек, я увидел у своей двери… двух ментов. Представились: «Здравствуйте, я участковый. Плановая проверка!.. А что это у вас, гражданин, в сумке?.. Не хотите показывать? Поехали в отделение!» Короче, «приплыл».

Потом обыск в отделении, КПЗ, милиционеры с моими ключами съездили, посмотрели квартиру. И ахнули! Естественно, был суд; скорый и правый, самый гуманный наш в мире. Десять суток «за сопротивление властям». Только заикнулся: «Что-о?!. Какое ещё сопротивление?..» Мне в ответ: «А локоточками пихаться не надо!»

Однако через десять суток выпустили. А почему, я узнал только через несколько лет, кстати, уже на Петровке. Мне сказали: «Вы же не в первый раз задерживаетесь. Не новичок. Вас ещё на Филёвской Пойме в своё время задерживали на десять суток». Я удивился: «А почему меня, кстати, выпустили-то тогда?» Отвечают: «Да повезло вам просто. Именно за эти десять суток вышло постановление ЦК «О перегибах», вот и попали под него…» Вот так. Николай-угодник спас. В очередной раз.

- Неужели не боялись никого?

- Боялся, как не бояться! Но куда деваться? Жить-то на что-то надо. Была бы возможность, я бы вообще ничем не занимался, да с превеликим удовольствием! Я вообще человек крайне ленивый по натуре. А на работу устраиваться я не хотел. Категорически! Ни на какую! На фиг тогда увольняться-то было? Шило на мыло менять? Повторяю, я хотел быть свободным.

- Какова была ваша прибыль в то время? Мотив материальной наживы был основным?

- Нет. Он вообще не имел значения для меня. Никакого. И никогда. Ни тогда, ни после, при «МММ».

Прибыль?.. Копеечная какая-то. Пока чего-то заработаешь, магнитофоны изнашиваются от постоянной работы, надо новые уже покупать. Так и крутишься, как белка в колесе. Машины, скажем, у меня не было.

…Нет, ну была, конечно, какая-то прибыль. Если на работе я получал рублей триста, кажется, - боюсь соврать, не помню уже точно, - то тут выходило рублей пятьсот примерно. Такой вот «бизнес». Но всё это меня вполне устраивало. Даже более чем.

- Куда вы тратили деньги?

- Все деньги я тратил на книги. Которые тогда были очень дорогими. Скажем, американский четырёхтомник Гумилёва я купил - с рук, разумеется, - за 800 рублей. Это была немыслимая сумма! Но именно в тот-то момент я и почувствовал вполне ясно и отчётливо, что я на верном пути. Работая, я бы не приобрёл этот четырёхтомник никогда.

Артем Тарасов

Тарасов Артем Михайлович - генеральный директор ООО «Институт инноваций». Родился 4 июля 1950 г. в Москве. В 1989 г. СМИ назвали Тарасова «первым легальным советским миллионером». В 1989-1991 гг. - народный депутат РСФСР, в 1993-1995 гг. - депутат Государственной Думы. В 1996 г. пытался баллотироваться в президенты России.

- В начале 1989 года вы в программе «Взгляд» на всю страну объявили, что вы являетесь первым легальным советским миллионером.

- Меня так «обозвали» газеты. В «Московских новостях» журналист Жаворонков написал: «К нам в редакцию пришёл человек и заявил: «Смотрите на меня, я первый советский легальный миллионер!», но на самом деле это была формулировка самого Жаворонкова, а за неё уцепились другие журналисты. А во «Взгляд» я тогда пришёл, потому что мне грозила статья 93 часть 3 «Расстрел» за хищение в особо крупных размерах, хотя на самом деле я ничего не крал и вины за собой никакой не чувствовал.

- Так что произошло?

- Дело было так. Ко мне в кооператив «Техника» в 1988 году пришли младшие научные сотрудники, программисты из Академии наук, обладавшие своим программным обеспечением, в том числе и для персональных компьютеров, которых ещё практически не было тогда в России. Я сказал: «Ребята! Я достану вам персональные компьютеры, давайте делать из них программно-аппаратные комплексы и поставлять их всем, кто в них нуждается». В результате нашими потребителями стали 104 предприятия, в том числе и оборонные.

К слову, сегодня эти ребята - одни из ведущих сотрудников IBM и Microsoft; Веселов, Чижов - эти фамилии сейчас известны во всём мире. Чижов, скажем, сделал у нас DOS на русском языке, а Веселов создал текстовый редактор Лексикон; люди старшего поколения его отлично помнят, потому что Windows в стране тогда ещё не было. Так мы и заработали миллионы, нам их перечисляли за покупку наших программ.

- Но прежде, как я понимаю, вам нужны были персональные компьютеры, стоившие тогда дороже автомобиля. Откуда и на какие деньги вы их доставали, как создавали первоначальный капитал?

- У нас в «Технике» мы закупали то, что тогда называлось отходами: например, большое количество брошенных кабелей, иногда мы их просто увозили со свалок; затем Вексельберг, который тогда у меня работал, чистил с них обёртки, вытаскивал медную сердцевину, и эти «отходы», скрученные в бухты, мы продавали на Запад, а там закупали компьютеры. Привозили компьютер, продавали его за 50 тысяч рублей и могли на эти деньги купить, например, 50 тонн отходов алюминия, которые, в свою очередь, продавали за 60 тысяч долларов, а на них покупали 60 компьютеров. Такая операция занимала у нас всего 10-12 дней. Капитал увеличивался на 1000 процентов за полмесяца.

Ещё мы продавали такие вещи, которые до этого не имели никакого спроса: к примеру, кормовые фосфаты Воскресенского завода. В них находилось до 4 % мышьяка; если бы коровка поела таких фосфатов, то она бы точно не выжила, а мы узнали, что в Австралии из этих фосфатов научились извлекать чистый мышьяк, и стали менять, скажем, тонну кормовых фосфатов на 5 компьютеров. К началу 1989 года на счету кооператива «Техника», в котором работало около тысячи человек, было 70 миллионов рублей; хочу напомнить, что в то время 12 тысяч рублей официально стоил «Мерседес», 25 тысяч стоила дача в Подмосковье, а доллар стоил официально - 63 копейки!

- И чего вам не жилось спокойно-то? Зачем надо было начислять себе миллионные зарплаты, на которые ничего толком тогда купить было нельзя, да ещё демонстративно платить с них десятки тысяч партийных взносов?

- Да, скандал начался именно из-за партийных взносов, но дело в том, что «вытащить» крупную сумму через фонд заработной платы мы решили потому, что государство в начале 1989 года запретило кооперативам расплачиваться наличными деньгами; в кассе можно было иметь не больше 100 рублей в день. Это было ужасно! Как можно безналом оплатить, скажем, докеров в порту? Железнодорожные вагоны нам тоже давали только за нал... Вот чтобы спокойно в течение года жить с официально обналиченными деньгами, мы с моим заместителем начислили себе зарплаты в 3 миллиона рублей за январь 1989 года, заплатили, как и полагалось, с них налоги - подоходный и за бездетность, - а он даже те злосчастные партийные взносы в размере 90 тысяч рублей; кстати, чтоб молодому поколению было понятно: 3 миллиона рублей тогда - это примерно сегодняшние 3 миллиарда.

Партсекретарь, когда увидел такую сумму партийных взносов, сгрёб её двумя руками в ящик стола, накрыл его своим телом и тут же, в панике, позвонил в Московский горком партии. Те сразу же перезвонили Горбачёву. Горбачёв три дня молчал, думал, как на всё это реагировать, а спустя этот срок, во время своей поездки в Киев, высказался там в том духе, что мы, мол, не позволим в нашей стране строить капитализм, как это делает один молодец, который «понавёз в страну компьютеров и продал их втридорога». Слышать это было странно, потому что мы продавали наши компьютеры в 3 раза ниже госцены, которая тогда доходила до 150 тысяч рублей за компьютер.

- Большинству любая персональная реакция генерального секретаря в прямом эфире телевидения показалась бы тогда прежде всего не странной, а страшной... Когда вы поняли, что вслед за словами первого человека в государстве могут последовать малоприятные для вас последствия?

- Они последовали незамедлительно: в «Технику» сразу же пришло аж 6 комиссий - КРУ Минфина, ОБХС, КГБ, прокуратура, милиция и так далее. Были заблокированы счета, начались проверки. Тут-то я и понял, что до моего ареста остаются считаные часы, вот тут-то и появился

журналист из «Московских новостей», вот тут-то меня пригласили во «Взгляд». Во время телеэфира я заявил, что мне грозит расстрел, что дело против меня организовано министром финансов СССР Гостевым, и добавил: «Сделайте процесс надо мной гласным, докажите, что я что-то украл, расстреляйте на Красной площади, а если нет, то увольте министра Гостева со справкой о несоответствии занимаемой должности». Эти слова из эфира вырезали, когда затребовали программу в Кремль, сами взглядовцы испугались, но они прошли в прямой трансляции по всей России, и, несмотря на то, что в Москве в это время была ночь, тут же были разбужены компетентные люди, которые затребовали запись эфира с моим выступлением.

Вскоре выяснилось, что по поводу моей ситуации страна разделилась надвое: шли мешки писем либо за то, чтобы меня расстрелять немедленно, либо за то, чтобы поставить вместо Рыжкова премьер-министром СССР; «средних» мнений не было. Меня поддержали так называемые «красные директора» со всего Союза, многие из которых открывали ногой двери в Кремле: «А парень-то прав! Мы принесли стране миллиарды, а у нас зарплата 300 рублей в месяц. Мы тоже должны получать 3 миллиона!..» Но самое удивительное, что по моему вопросу произошёл раскол в самом политбюро: против меня выступили Рыжков и Крючков (в то время председатель КГБ СССР. - Авт.), а за меня были Яковлев (секретарь ЦК КПСС по идеологии. - Авт.) и - что самое интересное - Лигачев (секретарь ЦК КПСС, член политбюро. - Авт.). Горбачёв, увидев такой раскол, испугался.

- Кто был вашей «крышей» и в бизнесе, и в политических разборках? Почему вы так вызывающе себя вели?

- Повторяю, мне просто-напросто некуда было деваться. И собственно, в бизнесе у меня никакой «крыши» тогда не было. «Крышевали» или «наезжали» бандиты на каких-нибудь шашлычников, спекулянтов-фарцовщиков, но кто из них в конце 1980-х мог додуматься, что в кооперативе, который занимается какими-то программно-аппаратными комплексами, как раз и есть большие деньги? Так что, работая в hi-tech, мы обходились без всяких «крыш», без всякого интереса к нам со стороны криминала.

- После «Взгляда» на вас свалилось бремя популярности. Какие-нибудь дивиденды из него извлекли?

- Да, я стал популярен. Меня обсуждали на каждой кухне, в каждом автобусе, ко мне ринулась целая толпа журналистов. Меня приняли во Всемирное общество миллионеров - единственного человека из Советского Союза, и вот уже 25 лет я остаюсь его членом. Это общество делится на «Организацию молодых президентов мира» - молодых миллионеров, тех, кому ещё не исполнилось 50 лет, их 7 тысяч человек из 71 страны мира, и «Мировых президентов» - тех миллионеров, кому больше 50 лет, с правом пожизненного членства. Сегодня, занимаясь инновациями, я, к примеру, могу поговорить с Уорреном Баффетом (один из крупнейших инвесторов в мире, один из богатейших людей мира. -

Авт.)… Вы можете поговорить с Баффетом? А я, благодаря членству с ним в одной организации, это сделать могу. Всемирное общество миллионеров очень помогло мне в эмиграции, где я оказался, сбежав от расстрела; я был поддержан множеством людей из мирового бизнес-сообщества, в любой стране находил себе друзей, поддержку, деньги…

- Это всемирный капиталистический статус подвиг вас судиться с Советским государством?

- Нет. В 1989 году, после случая с «Техникой», которую государство, конечно, «убило», на волне своей скандальной популярности я избрался в Верховный Совет РСФСР. Стал неприкосновенным. После чего подал иск в Арбитражный суд СССР на Минфин и выиграл дело! Суд постановил вернуть мне 100 миллионов рублей, но никто ничего до сих пор не вернул. Ну, не вернули - и ладно, всё равно было очень приятно выиграть судебный процесс у Минфина СССР, решение которого, кстати, дважды пересматривалось: после того, как постановление главного арбитра СССР попадало в ЦК, один из замов Рыжкова на нём писал: «Прошу пересмотреть!» и кидал обратно главному арбитру, тот тут же заболевал, а меня судил его заместитель Валерий Гребенников, ставший впоследствии главным арбитром России. До сих пор я благодарен ему за честность. Вердикт Арбитражного суда в мою пользу спас меня от кредиторов. Ведь через полгода после 70 миллионов плюс мы превратились в 29 миллионов минус: мы сорвали все контракты с западными фирмами, нам выставили неустойки, штрафы… Но я на законных основаниях всех отсылал в Минфин, показывал решение суда и говорил: «Из 100 миллионов - половина ваша. Берите!»

Кстати, меня тогда поддержала и мафия, многие крупные бандиты готовы были приказать защищать меня с оружием в руках, а мне говорили: «Артем, не бойся! Иди напролом!»

- И вы не преминули этим воспользоваться, принявшись обличать Михаила Сергеевича в распродаже Родины. Если бы не Горбачёв, не бывать вам первым советским легальным миллионером, согласитесь, за что же вам было уж так-то давить Горбачёва?

- После «Взгляда» меня стали часто приглашать на телевидение, и я действительно стал давить Горбачёва, во-первых, за то, что он поломал мне жизнь, чуть было не расстрелял, во-вторых, потому, что в начале 1991 года я был в лагере Ельцина, где представлял огромное число предпринимателей, открыто требовавших от Горбачёва свободного рынка, обмена валюты и так далее… Вы помните, что тогда за 12 долларов в кармане могли дать 8 лет тюрьмы? За коммерческое посредничество тогда давали 3 года с конфискацией, а за спекуляцию - 5 лет с конфискацией. Вот с этим мы и воевали. Создали, например, при Союзе кооператоров СССР газету «Коммерсант»: к этой затее я привлёк своего друга Володю Яковлева, когда-то начинавшего у меня в «Технике», у которого к тому времени было агентство «Факт»; кстати, на первой полосе нулевого выпуска «Коммерсанта» есть, по-моему, даже моя фотография. Короче, мы сражались с Горбачёвым и по идейным

соображениям.

А последней каплей, переполнившей терпение Горбачёва по отношению лично ко мне, стало моё выступление в Верховном Совете, что в марте 1991 года Горбачёв планирует официальный визит в Японию, где собирается заключить сделку о продаже четырёх островов Курильской гряды за 200 миллиардов долларов инвестиций в Дальний Восток, но на самом деле, конечно, эти деньги пойдут в карман ЦК КПСС; к тому времени государственные средства уже уплывали за границу, вывозили «золото партии». На эту же тему я дал интервью западным журналистам. Это страшно обозлило Горбачёва, и он, как мне кажется, распорядился меня уничтожить.

- Неужели?!

- Именно так. Я получил подтверждение этому из нескольких источников. Мне эту информацию, например, принесли люди из КГБ, которые у меня работали, выйдя на пенсию. Они сказали: «Убегай, мы тебя спасти не сможем!» А я на тот момент, кроме депутата, был ещё, между прочим, вице-президентом Союза кооператоров СССР и председателем комиссии города Москвы по внешнеэкономической деятельности у Попова с Лужковым. Был большой величиной. Поэтому я пошёл к генералу Богданову на Петровку: «Вы меня можете защитить?» - «Не могу, слишком серьёзные сверху идут указания. Артем Михайлович, удирай!» Потом об этом же мне сказал адвокат Резник, ещё кто-то. Тем не менее я оставался в стране, считал, что я их всех замочу и победю, пока не произошёл вот какой случай.

На одном из каких-то приёмов ко мне подошёл парень: «Артем! Моя фамилия Гальперин. Я учился на два курса меньше Вас в одном институте. Сейчас я работаю на Петровке, 38. Я заслан под прикрытием в банду, где узнал, что из тюрьмы на волю выпущен уголовник Исаев, который за 12 тысяч рублей должен вас убить. Мы с женой к вам очень хорошо относимся, поэтому я, рискуя жизнью, вас об этом и предупреждаю. Вот адрес человека, который вас на днях убьёт…» Я послал туда ребят, они просчитали квартиру, выяснилось, что она ментовская и там действительно живёт рецидивист Исаев, только что вышедший из тюрьмы. Тут я не выдержал. У меня была виза в Европу, и я улетел во Францию.

- Может, вас просто «разводили» для того, чтобы вы покинули СССР? И не было этого?

- Всё это оказалось правдой. Спустя какое-то время, когда я уже жил в Англии в эмиграции, ко мне приехал Аркаша Мурашов, который в тот период был начальником Петровки, 38. Говорю ему: «У тебя работает парень по фамилии Гальперин, он спас мне жизнь, ты можешь его немного повысить в качестве благодарности?» Мурашов изумляется: «Гальперина год назад живым в землю закопали! Он был внедрён в банду, потом исчез, мы думали, что продался, а на самом деле бандиты его вычислили, придушили ремнём и полуживого закопали в землю».

Спрашиваю: «А рецидивист Исаев, что с ним?» Мурашов удивляется ещё больше: «А откуда ты его знаешь?! Когда мы попытались его взять, он гранатой взорвал в квартире себя и двух оперативников». Так что у меня в той ситуации было только два выхода: либо уезжать, либо самому нанимать убийцу для Исаева, но заказных убийств тогда ещё не было, они пошли после 1992 года, и, кроме того, после такого убийства я сразу же стал бы политическим трупом в прямом смысле этого слова. Я и уехал.

- Первым из отечественных олигархов освоив практику решения проблем безопасности и свободы посредством эмиграции в Лондон.

- Да. В 1990-е годы русских в Англии практически не было; когда я в Лондоне садился в кэб, таксисты мне улыбались: «О, Горбачёв! Good to see you!»

- На вашем сайте прочитал, что «в Лондоне А. Тарасов стал консультантом ведущих инвестиционных банков мира». Вы извините, Артем Михайлович, но меня берут сомнения, что «ведущие инвестиционные банки мира» нуждались в рекомендациях вчерашнего советского кандидата технических наук.

- В 1991 году там работу, конечно, найти было невозможно, ничего я там не мог консультировать, а мог только встречаться с членами миллионерской организации, о которой я вам говорил, среди которых были самые богатые люди Великобритании. Я посещал их дома, жил на виллах, общался; среди этих миллионеров были, к примеру, дети лордов. Так что я сразу попал в высший свет…

- Который вас и содержал?

- Нет, конечно. У меня были деньги: ещё будучи генеральным директором «Истока», я инвестировал часть денег этой моей фирмы в коммерческие проекты за рубежом, а ушёл из «Истока» в апреле 1991 года.

- «Исток», кстати, как раз и обвиняли в незаконных операциях с государственными чеками «Урожай-90».

- Эти обвинения не имеют под собой никакой почвы, у нас был официальный акт, в котором признавалось, что единственная компания, выполнившая свои обязательства по программе «Урожай-90», и есть наш «Исток». Эти данные были у Гайдара на столе.

Почему по этой программе в принципе ничего нельзя было украсть? Да просто потому, что под эту программу никто не давал денег. Зависимая от СССР Россия позвала частный бизнес: «Пропадаем-умираем, стране нужны товары! Делайте, что хотите, но привезите товары. Горбачёв лично обещал миллиард долларов и не дал ни копейки! Российское правительство под угрозой распада, и в стране назревает бунт». Мы получили право завозить в Россию товары народного потребления, часть из которых затем продавали государству по самой низкой цене. Государство везло их в колхозы и совхозы, стимулируя таким образом сбор урожая и продажу его государству. Так что, ещё раз

повторяю, мы на этой программе украсть ничего не могли, но вот государство на ней украло точно.

- Кстати, а почему вы из первой эмиграции вернулись только в 1993 году, а не на гребне разгрома ГКЧП в августе 1991-го?

- Я очень хотел вернуться тогда, но… Я опубликовал статью о том, как выводить Россию из экономического кризиса в свободную рыночную экономику. Но эта статья не соответствовала идеям Гайдара; там говорилось, что нельзя отпускать цены сразу, что нельзя объявлять свободный рынок, не разрушив естественные монополии, и так далее. Кроме того, Гайдар обвинил меня в том, что на Западе я контролирую вывезенные туда деньги коммунистической партии, и обратился в международное агентство «Кролл интернэшнл», которое специализируется на поиске украденных денег (в своё время это агентство искало, к примеру, деньги Маркоса, шаха Ирана).

Когда мои vip-друзья в Лондоне узнали, что мною занялся сам «Кролл», они посоветовали мне первому с ним связаться: «Они и так тебя найдут». Я вышел на «Кролл», и ко мне в Лондон из Нью-Йорка прилетел лично руководитель этого агентства. Когда я открыл им все свои банковские счета, первой фразой, которую они мне сказали, было: «Мистер Тарасов, чем вам помочь?» Я удивляюсь: «Мне? В чём?!» - «На вас в России 50 человек дали показания, что вы контролируете деньги ЦК КПСС. Среди этих людей Горбачёв, Павлов (один из последних руководителей Совета Министров СССР. - Авт.) и многие другие». То есть, украв деньги, партийным лидерам надо было свалить на кого-то вину. Нашли крайнего.

В этой истории меня спасло то, что «Кролл», раскрыв при поиске «денег партии» все западные счета российских граждан, предоставил Гайдару знаменитый список этих граждан, где, например, на букву «г» значилась фамилия Гайдар, на «б» - Бурбулис… Тогда Гайдар уничтожил этот список, не дал ему ход. Вообще должен сказать, что к концу 1992 года мои несколько миллионов долларов были смешной цифрой по сравнению десятками-сотнями миллионов новой власти.

Москва, февраль 2011 г.

Глава VI. Геронтократия, Сталин, Ельцин и национализм

То, что фактическое отсутствие ротации кадров в правящей верхушке Советского Союза является одной из причин его краха, ни у кого, похоже, сомнения не вызывает. Вот только интерпретируется сей печальный факт по-разному. Одни уверены, что виноват сам по себе пожилой возраст членов Политбюро. Мол, был бы кто помоложе, то непременно вытянул бы страну в капиталистическое далёко. Другие убеждены, что физическая немощь у кремлёвских старцев переросла в интеллектуальную, в результате чего они выпустили социалистические бразды правления из

рук, и случилось то, что случилось. Автор придерживается мнения, что сам по себе возраст не может быть основанием для политической импотенции.

В разгар перестройки была опубликована фотография, сделанная во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва в Китай. На ней генсек был изображён в компании Дэн Сяопина. Разница в возрасте и в общем облике этих двух людей резала глаз. Румяный, лощёный, высокий на фоне Дэн Сяопина, не достигший ещё и пенсионного возраста Горбачёв светился самодовольством рядом с маленьким, неказистым, сгорбившимся от бремени лет китайским вождём, которому уже было под 90. Не искушённый в политических реалиях тех лет человек, рассматривающий этот снимок, набредал на сами собой напрашивающиеся ассоциации: политический везунчик Горбачёв, у которого дела идут лучше некуда, лишь по дипломатической необходимости тратит время на убогого во всех смыслах коллегу-старика, словно на машине времени прилетевшего в сияющую современность в своём нелепом френче из провинции мира, где идёт перманентная «культурная революция». Не исключаю, кстати, что в душе так считал и сам Горбачёв, привыкший к компании прилично одетых и подтянутых западных президентов.

Что же было в реальности. За спиной Горбачёва стоял всё меньше и меньше повинующийся ему Советский Союз, который на пороге войн и хаоса доживал последние годы, а население сверхдержавы, ещё недавно с удивлением обнаружившее, что генеральные секретари способны говорить хоть и с чудовищным провинциальным акцентом, но без бумажки, дружно испытывало к своему лидеру отвращение. В это же время фактический лидер Китая Дэн Сяопин выводил свою страну на финишную прямую дороги, которая всего через десяток лет будет в одном ряду с развитыми странами цивилизованного мира, а потом и вовсе станет второй экономикой мира после США. И Дэн Сяопин имел к этому успеху самое прямое отношение. Причём вплотную заниматься выводом страны, где к середине 1970-х был доеден последний воробей, на олимп развитой сверхдержавы Дэн Сяопин начал, когда ему стукнуло 70, а закончил, увидев при жизни феноменальные плоды своего политического труда, в 90 с лишним лет. Вот и скажите мне теперь, имеет ли возраст сам по себе отношение к политическому успеху? И таких примеров история знала немало. Вспомните Аденауэра, вытянувшего разрушенную Германию в мировые лидеры, или Урхо Кекконена, сделавшего бывшие задворки российской империи - Финляндию одной из самых комфортных для проживания стран мира. Оба они закончили карьеры далеко за 80, да и правили подольше Брежнева.

Да, конечно, в укор Брежневу можно поставить, что СССР не стал при нём ФРГ или Финляндией, но вообразить во времена правления Леонида Ильича, что в ближайшие пару десятилетий от Советского Союза останутся только воспоминания, не мог даже самый распоследний диссидент. Поэтому лично мой исторический укор великим старцам политбюро в том, что они ввели в политический бомонд Горбачёва и

фактически оставили с ним страну один на один. То есть не продумали механизмы сдержек и противовесов на случай, если в молодом генсеке вдруг взыграет волюнтаристская кровь. Что в действительности и произошло.

Говоря о развале СССР, конечно, нельзя не вспомнить Ельцина, собственно говоря, и нанёсшего Советскому Союзу смертельный удар. Однако убеждён, что в иных политических условиях партийный деспот и самодур Ельцин просто не получил бы возможности стать руководителем России, вырвав её с мясом из Советского Союза, то есть сделав самостоятельной страной. Значит, Ельцин - это логическое продолжение Горбачёва, который и несёт полную ответственность за то, что взрастил формального могильщика СССР. И в этом контексте историческая роль Ельцина в деле разрушения страны не столь велика, как многие считают. К концу правления Горбачёва республики фактически перестали ему подчиняться, а вся Прибалтика заявила об этом и формально. Но вот шансы спасти СССР даже в этой ситуации у Горбачёва были, и никакой Ельцин ему помехой не стал бы.

Увесистой исторической дубиной, с помощью которой крушили Советский Союз, была в годы перестройки личность Иосифа Сталина. Воздух был просто пропитан утверждениями, что любой отказ от реформ Горбачёва - Ельцина означает откат именно в сталинские времена со всеми их негативными явлениями. Деталями сталинских репрессий, после которых прошло уже 35 лет и которые Хрущёв разоблачал практически все годы своего 10-летнего правления, пестрели газеты и журналы, слово «ГУЛАГ» выучили даже дети, а монстра Берию, который, как выяснилось, только и делал, что насиловал женщин, правая интеллигенция в возрасте возненавидела второй волной ненависти. Основной массив новых-старых разоблачений хлынул, как догадывается читатель, конечно же, с Запада. Людям, видите ли, надо было знать, в какой стране они жили. И выяснилось, что СССР был сплошным ГУЛАГом, где не любили, не рожали детей, не расщепляли атом и не строили электростанции.

Мотивы у новых ниспровергателей Сталина были разные. Большинство газетчиков гнались за историческими сенсациями, которые не ведавший гласности советский народ проглатывал «на ура». Другая часть разоблачителей делала на критике Сталина профессиональные имена, а попутно заходилась в злобном раже. Не ответит же мёртвый Сталин, в самом деле. И, наконец, третья часть публично неистовствовала в своей ненависти к вождю всех народов по личным соображениям. Помыкавшийся года три в ссылке писатель Анатолий Рыбаков жил с антисталинской фигой в кармане всю жизнь, что не помешало ему получать от Советской власти приличные материальные блага и даже… Сталинскую премию! Но, конечно, успешнее во всех смыслах профессию антисталиниста освоил Александр Солженицын, живо сообразивший, что эта стезя принесёт ему мировую славу. Антисталинская писанина имела в СССР сбыт, но вот что интересно. Как только Советский Союз распался, тиражи газет и журналов, поднявшихся в перестроечные годы на критике советского прошлого, рухнули и больше никогда и близко не

приближались к былым цифрам. По доброй воле читать сегодня «Архипелаг ГУЛАГ» станет разве только молодой учёный-историк, но это будет чтение бесстрастного профессионала, констатирующего законы и нравы определённого периода жизни страны. И это будет самый здравый взгляд на Сталина и время его правления.

Автор уже писал, что, по его мнению, осуждение истории абсурдно. Тем более абсурдно называть законы преступными или беззаконными. Вслушайтесь в стилистическое противоречие. Каково?! А ведь именно так до сих пор и говорят многие, когда речь заходит о 1930-1940-х годах. В эти годы, мол, царило беззаконие. Помилуйте! Что, в тюрьму сажали не по решению суда? Или расстреливали наобум снайперской винтовкой из окон сталинского кабинета? И дела заводили, и следствие вели, и суды заседали. Феномен термина «преступления Сталина» в элементарной подмене понятий. Законы могут быть жестокими и ужасными, но они не могут быть преступными, ибо они законы и от них идёт отсчёт, что считается преступлением, а что нет, но не наоборот. По моему мнению, в 1930-е годы были просто суровые законы сурового времени, а вот беззакония были сведены к минимуму. Сегодня, к слову, в нашем обществе можно наблюдать прямо противоположную картину. Закон, что дышло, а то и вовсе формальность.

Вернёмся, однако, к главному. Какую роль критика Сталина сыграла в разрушении страны? Огромную. А с идеологической точки зрения основную. Репрессии были главным упрёком Советской власти в её праве на существование. Между тем ассоциировать отдельно взятые особенности отдельно взятого отрезка жизни страны с нею самой нелепо. Но аргументация такого рода была тогда не в моде. Нормальным тоном считалось бить себя в грудь и каяться. Читатель уже имел возможность ознакомиться с тем, как в одностороннем порядке приучали извиняться Советский Союз поляки. За Катынь покайтесь, а о Марине Мнишек с мужьями и гибели русских военнопленных в польском плену забудем. Что тут скажешь? Заложенная Хрущёвым на XX съезде бомба под Сталина взорвалась второй раз и унесла в бездну великое государство. ГУЛАГом затыкали рот всем, кто пытался предсказать разрушительные для страны последствия перестройки. С ужасом прозревший перед смертью диссидент Зиновьев констатировал в 1990-е годы: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Мне лично сложно что-то добавить, резюмируя эффект антисталинской вакханалии. Разве что вспомнить Запад, который не только потирал в это время руки, но и всячески потворствовал коллективному мазохизму населения великой державы.

В заголовке этой главы я поставил слово «национализм». Потому что без этой темы в этой книге не обойтись. Уверен, что как таковой бытовой национализм развалу Советского Союза не способствовал, потому что был сведён Советской властью к минимуму. О том, что сосед по подъезду грузин, москвичи или ленинградцы, конечно, в силу внешних особенностей этой нации догадывались, а вот что другой сосед молдаванин, белорус или украинец вдруг узнали после 1991 года на волне всплеска национального псевдопатриотизма разных народов. По

большому счёту все для всех были советскими людьми. И с этой стороны целостности СССР ничего не угрожало. В знаменитом мартовском референдуме 1991 года о сохранении обновлённого Советского Союза за сохранение высказались 76,43 % человек от числа участвовавших в голосовании. Причём наибольший процент желающих жить в одной стране был в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане. Выше 90 %. Вот вам и тяга к самоопределению порабощённых русскими народов!

Существует устоявшееся мнение, что референдум референдумом, но после позора ГКЧП все народы Советского Союза вмиг в нём разочаровались и решили жить раздельно. Разумеется, эта беспардонная демагогия - очередное передёргивание фактов. Да, действительно, всего спустя несколько месяцев после референдума все республики СССР декларировали свою независимость, но в составе СССР. (До сих пор, кстати, дивлюсь этому геополитическому нонсенсу). Показатель немаловажный, согласитесь. Но, главное, о независимости-то наперебой сообщали республиканские парламенты, а не народ. То есть о суверенитетах грезила элита, которой независимость от центра и впрямь повышала политический статус и возможности, а не население, которого эта независимость, как мы сегодня видим, бросила в нищету. Ещё одним подтверждением желанию именно удельных партийных князьев стать полноправными царями вразрез с желанием народа служит тот факт, что органы власти Грузии, Латвии, Литвы, Молдавии, Армении и Эстонии не дали провести упомянутый референдум на территории своих республик. То бишь оказались предусмотрительнее коллег, которым не только фактически, но и формально пришлось переступать через мнение народа.

Берусь, однако, утверждать, что даже желание первых секретарей республиканских ЦК стать президентами родилось не от их патологической тяги к власти, а от общего хода событий. (Оставлю в стороне Прибалтику.) Большинство азиатских республик декларировали свою независимость в ноябре - декабре 1991 года: Казахстан, к примеру только 17 декабря, а не после разгрома ГКЧП. То есть лидеры республик выжидали, как будут развиваться события, и покорно смотрели на Горбачёва. (Читатель помнит, что об этом хорошо рассказал в главе «Бессилие ГКЧП и его последствия» Леонид Кравченко.) Да и сам факт, что Беловежское соглашение подписали руководители всего трёх республик, говорит сам за себя. Я уж не беру в расчёт лихорадочность и скрытность мероприятия, навсегда разделившего, а то и разобщившего дружные когда-то народы. Впрочем, то, что было тайной для народов, не было секретом для Горбачёва, имевшего возможность и право арестовать заговорщиков, а значит, и спасти Советский Союз. Не арестовал. Не предпринял ничего! И не мучит сегодня Михаила Сергеевича совесть. Вот у кого надо поучиться патологическому нежеланию каяться. Прав Валентин Фалин.

Сознательно не касаюсь межнациональных конфликтов на территории Советского Союза, поскольку, как мы сегодня видим, это был, скорее, привет из постсоветского будущего, нежели советское настоящее.

Соответственно, причиной распада они быть не могли, а были его следствием. Однако один из героев книги заместитель министра обороны СССР Владислав Ачалов оказался в этой главе не случайно. В своих воспоминаниях он ярко рассказывает о том, как союзный центр в лице Горбачёва попустительствовал событиям в Нагорном Карабахе и Баку - первым ласточкам войн народов СССР друг с другом. Надеюсь, что у «лучшего немца» и нобелевского лауреата мира Горбачёва встают в памяти не только разрушенная Берлинская стена и друг Рейган, но и бакинские «мальчики кровавые в глазах».

Ричард Косолапов

Косолапов Ричард Иванович - профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Родился 25 марта 1930 г. в Сталинградской области. Бывший сотрудник Отдела пропаганды ЦК КПСС, экс-главный редактор журнала «Коммунист» и бывший первый заместитель главного редактора газеты «Правда».

- Мало кто сегодня спорит с тем, что в последние десятилетия советской власти, просуществовавшей тем не менее 74 года, Советским Союзом руководили мелкие люди. Но насчёт того, почему так получилось, версий много. Вы работали в святая святых партийного аппарата - в его Центральном Комитете, поэтому лучше многих способны определить истоки этой трагедии…

- Конечно, это была трагедия! Занимаясь теорией в аппарате ЦК КПСС, я действительно наблюдал практически всех знаковых руководителей нашего государства. Сложно говорить, почему в последние десятилетия существования Советского Союза нами управляли мелкие люди. Вероятно, потому, что люди типа Ленина и Сталина - как бы к ним ни относиться, а они были масштабными политиками - сформировались в других исторических условиях. Они испытали на себе условия подпольной борьбы, революционный переворот, Гражданскую войну, межвоенный период с основанием очень сложного социально-экономического уклада. У них был иной опыт. А следующие руководители такого опыта не имели, они продвигались в рамках конторы с уже установленными канонами и алгоритмами, без сильного воздействия творческого начала. И в этом в какой-то мере была обречённость Советского Союза. Но я до сих пор уверен, что в аппарате могли бы быть иные порядки.

- Образованностью советские лидеры поздних времён тоже явно не грешили.

- Да. Беда ещё состояла в том, что советская система претендовала на то, что строится на научной основе. А что понимал в этой области, например, Хрущёв? Да, он был человек опытный, как говорится, «наблатыканный», познавший жизнь, выходивший кое-когда из смертельных обстоятельств, но всё это ведь не заменяло научное образование. Я знал всех наших руководителей, всем им писал доклады,

поэтому утверждаю достоверно, что ни один из них не был теоретиком марксизма-ленинизма. Даже Суслов в лучшем случае был его добротным пропагандистом. Кое-кто порой любил созерцать «свои» статьи в газетах, но делались-то эти статьи не ими. Именно это, надо сказать, и губит сейчас КПРФ; Геннадий (имеется в виду председатель КПРФ Зюганов. - Авт.) ведь не пишет ни своих статей, ни книжек.

- При этом и Хрущёв, и Брежнев считали, что все достижения СССР той поры исключительно их заслуга?

- Возможность повесить на себя звёзды Хрущёв получил потому, что подошёл срок разрешения сталинских проектов, замыслы и вообще концептуальный подход к которым был заложен в послевоенное время. Достаточно вспомнить, что уже летом 1945 года в советской прессе возникает тема космоса - вывода ракет на околоземную орбиту! Тогда же всерьёз поднимаются вопросы перехода на экологичную солнечную энергетику; в 1946 году даже в фильме «Весна» Любовь Орлова играет руководителя-учёную в институте солнца. Всё, что было сделано позже Королёвым и Курчатовым, было заложено ещё в послевоенные времена. Широкого мышления такого рода от Хрущёва, конечно, ждать было трудно, он лишь пожинал плоды. И корни великого достижения - создания военного паритета между СССР и США - тоже уходят в 1940-е годы. Весь советский ВПК времён паритета - это кадры, набранные ещё Сталиным.

- Получается, что в период с середины 1950-х до конца 1980-х страна была заложницей аппарата?

- Отчасти, да.

- Но мог же аппарат выдать кого-то интеллектуальным уровнем повыше Хрущёва - Горбачёва?

- Мог. Подал надежду Андропов, но… Он же был на работе с ноября 1982 по февраль 1983 года. На июньский пленум он уже приходил из больницы. Если бы он побыл в строю хотя бы три года…

- Может, всё было бы и иначе. Тогда логически возникает вопрос: кто породил ещё одну серьёзную проблему, связанную с высшим руководством СССР, - геронтологическую?

- Корни этого порочного изъяна уходят в последний год жизни Сталина, когда он сделал попытку значительно омолодить руководство страной, когда он создал расширенный президиум ЦК КПСС из 36 человек, куда вошли известные мне очень способные молодые люди. Но буквально у постели умирающего Сталина старые члены политбюро приняли решение на две трети сократить новый орган и оставили в нём только стариков. Именно тогда и зародилась эта геронтократия, которая, к сожалению, на протяжении всех последующих десятилетий активно поддерживалась. Вы можете представить, что такое была эта эпоха великих похорон, когда за три года умерли три генсека? Что такое смерть даже одного генсека? Это значит, что весь штат помощников, консультантов, непосредственных участников выработки решений переменяется. Прекрасно зная аппаратную механику, представляю, какой

ужас происходил тогда с нашей страной. И виноват в этом не столько аппарат, а однопоколенное формирование верхов. Люди одного возраста и близкого опыта оставались десятки лет в одной и той же позиции - наверху.

- Вы были одним из руководителей Отдела пропаганды ЦК, работали рука об руку с будущим идеологом перестройки Александром Яковлевым. Многих до сих пор терзает вопрос: мог ли Александр Николаевич быть предателем?

- Мог. Яковлев был малообразованный, но очень хитрый и коварный человек, сложный и опасный в общении. Как-то в моём кабинете во время беседы с ним и ещё парой человек меня позвала секретарша. Возвращаюсь и застаю остаток фразы Александра Николаевича: «Быть честным политику?.. По-моему, это вовсе ни к чему». Я почувствовал, что эта фраза соответствует его настроению. А он, увидев меня, понял, что ляпнул её некстати, замялся и перевёл разговор на другое.

Всего с Яковлевым я проработал шесть лет, с 1966 по 1973 год, до момента его ухода на дипломатическую работу. Он имел какой-то диплом, но не был по-настоящему образованным человеком. Пытался писать, но у него получалось очень слабо, однако при этом он всё время что-то искал. Теперь мне ясно, что это было связано - если хотите - с его дальними замыслами. Хотя думать, что он уже тогда был агентом влияния, мне не хотелось бы. Помню, когда я пришёл к нему попрощаться перед его отъездом послом в Канаду, он мне сказал: «У меня ощущение, что я сбросил мешок со змеями. Я больше никогда-никогда не буду работать в пропаганде». Однако, как вы помните, свою клятву он не выполнил.

А убрали Яковлева из отдела пропаганды за то, что в ноябре 1972 года он опубликовал в «Литературке» критическую статью на целый разворот, посвящённую промонархическим, проправославным веяниям в литературе; тогда они были модными: поднимать Русь, колокольный звон и так далее. Шолохов, которому после выхода статьи нажаловались писатели, обратился напрямую к Брежневу. Не среагировать Брежнев не мог.

- А Горбачёв с Ельциным… Их перестроечные мотивы были вызваны исключительно высокими мотивами или их изначально «вели» американцы?

- …Это просто деревенские люди… У Горбачёва были раскулачены оба деда, у Ельцина тоже. Причём дед Ельцина был, по сути, мироед: две мельницы, дюжина лошадей, несколько коров… Практически помещичье хозяйство. Думаю, что и у Горбачёва, и у Ельцина было на генетическом уровне заложено нечто такое, что потом дало свои побеги в смысле политического реванша. Этому, кстати, способствовала и слабая мировоззренческая подготовка обоих. Настоящей школы-то у них не было.

- Влияние Раисы Максимовны на Михаила Сергеевича не переоценивается? В конце концов, супруга могла быть и глупа, и бестактна, но он при этом мог оставаться мудрым и последовательным

политиком.

- В 1989 году я с семьёй как-то приехал в Крым, где в санатории отдыхала одна Раиса Максимовна. Недели две-три я наблюдал её на пляже. Мало того, что мне было неудобно перед женой за её вульгарное кокетство, выяснилось, что она всё время говорит примитивные глупости. Моя жена, Лариса, как-то заспорила с ней на тему приусадебных хозяйств, ориентированных на мелкое производство, - тогда как раз вышло соответствующее постановление, - так Раиса после продолжительной паузы со значением произнесла: «Вы не понимаете, какое это имеет большое оборонное значение…»

Беда была, конечно, не в том, что глупа Раиса, а в том, что Горбачёв был ещё глупее её. И при этом умудрился стать генеральным секретарём. Вот что значит сила аппарата, о которой я вам уже сказал! Аппарат, у которого нет обратной связи с народом, который не подвергается контролю, даёт такие вот плоды. На Горбачёве слёзы и кровь. Что, он не повинен, что ли? Конечно, повинен.

- Вы упрекнули Горбачёва и Ельцина в злопамятности. А что, репрессий на самом деле не было, что ли? Цифры, конечно, разнятся, но…

- Смертных приговоров, начиная с периода Гражданской войны по 1953 год, вынесено около 700 тысяч. При этом не все они приводились в исполнение, заменяясь максимальным в какой-то период тюремным заключением в 10 лет, потом 15 и 25 лет. Разумеется, отпираться от репрессий не приходится, но надо ведь брать в расчёт, что Россия пережила за это время три революции, Гражданскую и Отечественную войны. В результате возникли новые формы классовой борьбы, как бы архаично сегодня ни звучала эта терминология. Одна из таких форм - продолжающаяся борьба с Советской властью белогвардейцев и кулаков. Я не хочу вешать на кулаков всех собак, но часть этих людей были действительно ожесточены и озлоблены за определённые акции Советского государства и сознательно вели подрывную работу. Вредительство было фактом. Имело место и проникновение врагов Советской власти в карательные органы СССР; такие инструкции шли из иммиграции. Мы сегодня, кстати, забываем о том, что тогда иммиграция была молодая, пышущая, злобствующая, организующаяся и в определённой мере финансируемая, причём нередко на деньги, украденные на родине; давали средства и Франция, и Англия, у которых в царскую Россию было вложено много средств, так что здесь в какой-то мере пахнет и золотом. Российский общевоинский союз давал конкретные указания бывшим белогвардейцам внедряться в НКВД, милицию, судебные органы, следовательский аппарат. Во время оккупации я видел этих людей глаза в глаза, когда они, свои же полицаи, зверствовали похлеще фашистов. Ощущение была странное.

- Но орудовали ведь не только враги, согласитесь? Свои доносили не меньше.

- Я считаю, что современным социологам надо как следует изучить

феномен доносительской активности в те времена. Мещанство «булькало» в этом отношении изо всех сил; политические доносы ведь писались порой из-за желания оттяпать комнату соседа, и только. Или увести жену оклеветанного. Или получить его должностишку. России тогда отомстила её мелкобуржуазность. Собственно, вся наша лучшая сатирическая литература посвящена этому - «Золотой телёнок», «Зависть» Олеши, но раньше всех это явление заметил Герцен в книге «С того берега» на примере Франции, применительно ещё к революции 1848 года. У нас было то же самое, но в большем масштабе.

- Репрессии - самое уязвимое место Советской власти. Так нужно ли было ей самой о них рассказывать?

- Не сказать о репрессиях тогда было нельзя, потому что это был исторический факт. Даже Сталин в своё время указал на смешение партийного и административного подходов: перевод дел партийных комитетов в дела НКВД, и осторожно выразился, что крайностей, мол, было больше, чем позволительно. Согласно мемуарам Юрия Жданова, Сталин в узком кругу приближённых к нему людей высказывался в том смысле, что до войны мы, вероятно, наказали слишком многих. И, конечно, рано или поздно и он бы сам эту тему поднял.

- Но согласитесь, врагам Советской власти лучшего подарка, чем доклад Хрущёва на XX съезде, и ожидать нельзя было. Не самоубийца же был Никита Сергеевич?

- Хрущёв, да и Молотов, Каганович, Ворошилов, просто боялись ответственности за своё участие в репрессиях. И они нашли для себя коллективный выход в таинственной до сих пор фигуре Лаврентия Берии, сделали его козлом отпущения. Многое, кстати, на Берию до сих пор по инерции валят из ежовских времён, забывая о том, что именно Берия, придя на место наркома НКВД, положил начало массовому освобождению политзаключённых; таким образом были, кстати, спасены и многие видные специалисты и военачальники. Всё это должно быть в архивах, хотя многое уничтожено по велению Хрущёва; причём, видимо, масштаб этого уничтожения был больше, чем мы думаем.

… Долго обмозговывался вопрос, как на съезде отразить репрессии. Сначала хотели ограничиться справкой Института марксизма-ленинизма. Но на второй день работы съезда Хрущёв позвал в комнату отдыха Шепилова и попросил его написать соответствующий доклад. Сделано это было не под влиянием ЦК - хотя там этот вопрос эпизодически возникал - и, я бы сказал, полузаконно, вопреки уставным нормам, поскольку в опубликованной ранее повестке дня XX съезда вопрос о культе личности Сталина не значился. Этот вопрос раньше как-то поднимался на одном из пленумов; в протоколе этого пленума, напечатанном машинистками, я много лет спустя обнаружил тщательную правку помощника Хрущёва - Шуйского, почерк которого хорошо знал. Аппаратные же ухищрения на самом XX съезде выразились в том, что, когда уже прошли выборы руководящих органов ЦК, съезд закрылся, частично разъехались иностранные делегации, было и назначено знаменитое закрытое

заседание. То есть это было, по сути, заседание партийно-хозяйственного актива, а не полноценного съезда. Очевидец этого доклада мне рассказывал: «Никакой реакции не было, никто Хрущёву не хлопал, в перерыве люди не могли смотреть друг другу в глаза, молчали, ощущение было жуткое».

- Формальному распаду Советского Союза ведь способствовали не столько нарушения в нём прав человека, но и прихоть Ленина наделить все национальные образования тогдашней России равными правами, с правом выхода из СССР. Согласны?

- Нет, так сказать нельзя. Всё происходит в движении, историки порой не учитывают, что в реальной политике сегодня может быть верно одно, а завтра совершенно другое. Моё глубокое убеждение, что у Ленина и Сталина - а я в силу своей работы об этом знал очень много того, что никто сегодня практически не поднимает в архивах - была единая концепция по этому поводу. Они оба были унитаристы. Ленин считал федеральный принцип буржуазным. Исходя из этого, он смотрел на Советскую федерацию, как на временное явление - пока существуют пережитки национализма и обиды на российское великодержавие. У Ленина было только одно замечание, которое фиксируется в документах: Сталин немного торопится со своими «автономными» предложениями. Кстати, Сталин в 1918 году опубликовал в «Правде» статью, в которой говорил, что сначала государство строится на унитарных принципах, а потом приходит к федеративной основе, но бывает и наоборот.

Развал Российской империи ведь произошёл без большевиков. К лету 1917 года было понятно, что Западная Украина отсоединяется от России, Финляндия только ждала учредительного собрания, Польша уже была независимым государством, стоял вопрос о самоопределении Средней Азии и Закавказья. Временное правительство удержать Россию в прежних границах было неспособно. Учёт всех этих настроений и фактов привёл к тому, что Ленин немножко одёрнул Сталина в его желании придать республикам статус автономий в Советском Союзе. И всё. Не случайно ведь Сталин был главным докладчиком на съезде, где был образован Союз ССР.

- Да, но время шло, а республики как были самостоятельными в своём праве отделиться от СССР, так и оставались. Предпринимались ли какие-то попытки изменить положение дел?

- Я уверен, что после войны, после восстановления народного хозяйства Сталин рассчитывал перейти к унитарной форме государства. Эти попытки уже делались. Такого рода шагами был проект создания социально-экономических районов на всей территории Советского Союза, разработанный Вознесенским (советский партийный и государственный деятель. - Авт.). У меня в ЦК однажды был старик лет 85, доктор географических наук, который работал в Госплане с Вознесенским. Он рассказывал, что этот проект предполагал по одному варианту создание 18 районов в соответствии с их географическим положением, разведанностью недр, хозяйственными условиями; по второму варианту

таких районов должно было быть 13. В случае реализации этой схемы республиканские границы переставали бы иметь такое значение, какое они имели для процесса развития страны. В значительной степени ведь нашу страну подкосило то, что республики вымаливали себе блага из союзного бюджета, исходя не из реальной целесообразности, а из национального престижа; много было амбиций, много личностного... Конечно, было бы рациональней перейти к системе социально-экономических районов, в таком случае сцепка регионов была более органична, чем она была в действительности.

Кстати, СНГ рухнул потому, что мы, понадеявшись только на рынок, сломали отлаженные в СССР производственно-технические связи.

- На кафедре социальной философии МГУ вы занимаетесь изучением проблемы стимулирования труда. Разве Советская власть не совершала ошибку, отбирая у человека такой стимул к труду, как заработок?

- Зарабатывать много в любом обществе дано не всем, всё познаётся в сравнении. Богатыми в современной России стали немногие, зато качество труда остальных сильно упало. Общество допустило большую ошибку. Его трудовая ориентация должна была исходить из представления о стратегическом масштабе распределения труда по отраслям. Но в годы перестройки молодёжь оказалась ориентирована на финансовые, юридические специальности и специальности из сферы обслуживания. Сегодня практически уничтожено инженерное образование, что, конечно, очень пагубно для государства, потому что инженерное образование - человеческая основа для научно-технического прогресса. Сегодня разгромлено профессионально-техническое обучение будущих рабочих, вместо них готовят официантов и проституток.

- Были ли внутренние экономические причины для распада страны? Как вы оцениваете сегодняшнее положение дел в российской экономике?

- Когда мы готовили новую редакцию программы КПСС, мы делали акцент на то, что планирование надо ориентировать в основном на потребности населения. Для этого, конечно, надо изучать их систематически, в зависимости от конъюнктуры, от процесса эволюции общества; говорили о том, что необходимо создавать потребностный портрет общества: в разных же регионах люди жили по-разному. Мы говорили о том, что надо обеспечить приоритет потребительской стоимости над стоимостью. Но в результате восторжествовала установка, направленная на рублёвый показатель, она, кстати, и сгубила в конце концов всю советскую экономику. А началось это ещё после хрущёвских шатаний: централизованные министерства восстановили, а установку на прибыль, идущую от Косыгина, не отменили - она и разорвала производство на куски. Противоречия были налицо, последовательности в этом не было никакой.

Да, советская экономическая система нуждалась в капитальном ремонте, но ремонте системном, взаимосвязанном, чтобы здание организации производства и потребления было стройным. Но давно нет

СССР, а хоть какой-то концепции экономического развития России я не вижу. Эти проекты, о которых говорят сегодня, на пользу только финансовому капиталу. Читаю послания Медведева и не вижу в них масштабного подхода, не видится в них Россия. Хотя мне очень понравилось, когда Путин призвал Россию быть передовой страной в плане энергетической политики. Абсолютно правильно. На электрофикации, извините меня, поднялись большевики, а дальше уже пошла индустриализация.

- Вы много ссылаетесь на Сталина. Вам не кажется, что если по большинству исторических вопросов общество со временем может найти компромисс, то личность Сталина примирению и согласию способствовать не будет никогда. Может, лучше в таком случае поступить со Сталиным, как поступили с Че Геварой или Наполеоном: трафареты на майках и сумках, коньяки и торты с одноимённым названием? Условно сделать из Сталина Микки-Мауса, и всем станет легче.

- Я не хотел бы, чтобы меня воспринимали как сталиниста, у меня нет ни малейшего пиетета в отношении Сталина, но я уверен, что от попыток гламуризации Сталина эффекта не будет. С Лениным, правда, справились, создав ему совершенно на него непохожий образ, но Сталин - фигура другого масштаба. Сталин, если угодно - модель менеджера державного масштаба; руководитель и стратег, рассчитанный на влияние России в мире. Он довёл это влияние до максимума. Без союзников. С отсталой страной. Прав был Черчилль в этом отношении, когда говорил, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с ядерным оружием. Возьмите масштабы подготовки научных работников в то время; внимание Академии наук уделялось исключительное. Зачастую голодные, мы везде вводили научное начало…

- …ценой которого, как вы сами только что заметили, был голод. Уместна ли такая плата за исторические свершения, если нация при этом оказывается обескровленной и усталой?

- Тут всё несколько сложнее. Россия всегда Западным миром воспринималась с настороженностью и недружелюбием; началось это ещё с Византии, когда Запад увидел на Востоке могучего гиганта, масштабы которого даже толком не знал. Византия ведь свою задачу когда-то решила путём идейной экспансии: христианством она прихватила в свою орбиту Русь, и, как ни странно, это оказалось исторически перспективным. Русь приняла на себя миссию Третьего Рима. Но впоследствии католический Запад, в отличие от разваливавшегося СССР, консолидировался в Евросоюз, хотя и продолжает бояться Россию, вернее, её вхождения в Европейское сообщество. Они боятся нашего там влияния. С чем это связано? С нашими пространствами и с тем, что русский народ всегда был крупнейшим народом в этом регионе мира; американский народ теперь больше русского, но он же - окрошка, он не имеет ни культурной, ни языковой целостности. Поэтому спокойной жизни у России по большей части не было по объективным причинам. Кроме того, кто сказал, что если прорывы плохо, то откаты в прошлое лучше? Разве

сегодня в период усиленного отката в прошлое нашему народу живётся сытнее и спокойнее? Сегодня наша страна - это Россия времён поражения в Крымской войне, когда с высоты победы над Наполеоном Александр I, подобно Хрущёву и Горбачёву, сумел укатить Россию далеко-далеко назад.

Москва, сентябрь 2010 г.

Евгений Чазов

Чазов Евгений Иванович - генеральный директор Федерального государственного учреждения «Российский кардиологический научно-производственный комплекс», академик РАН. Родился 10 июня 1929 г. в Нижнем Новгороде. В 1967-1986 гг. возглавлял 4-е Главное управление при Минздраве СССР. В 1987-1990 гг. - министр здравоохранения СССР.

- С вашей точки зрения, «корни гибели великой державы - Советского Союза - закладывались в период превращения Брежнева из хитрого и умного политика, умелого организатора, мастера политической и дипломатической интриги, знатока «человеческой души» в своеобразного робота, высказывающего чужие мысли и зачитывающего чужие речи…»

- Да, я и сейчас это говорю… Без вопросов! Он постепенно терял дееспособность… я и пишу, что он должен был уйти с этого поста в 1975 году - до этого времени он ещё работал, а потом уже только бумаги подписывал. Сам Брежнев своей недееспособности в полном объёме, конечно, не понимал, но и не держался так уж за своё кресло. Его уговаривали все, чтобы он продолжал руководить страной, потому что считали, что если он уйдёт - то всё развалится. Его пугали этим. Тогда были заинтересованные в том, чтобы он остался, люди, я так и пишу в своей книге… Хорошо, конечно, было бы, если бы он ушёл и передал власть, например, Андропову. Лучше всего Андропову. Но, если бы он ушёл, там сразу бы возникло столько желающих встать вместо Брежнева, что пошла бы драчка…

- При Андропове Советский Союз мог бы развалиться?

- Нет, конечно! Он много думал о национальном вопросе. Он понимал, что в республиках есть свой национализм. Никто сейчас не говорит, все боятся… почему тогда появилась проблема Афганистана. Там же хотели продвинуть исламский фундаментализм, который перешагнул бы границу, захватил бы Узбекистан, Киргизию - там могла бы вспыхнуть гражданская война. Надо было сделать защиту от этого радикального исламизма. Кто нас тогда критиковал за Афганистан? Америка, Англия… А чего же они сами там сейчас сидят? Они повторяют то, что делал когда-то Советский Союз. А тогда навалились на бедного Андропова с Устиновым: такие-сякие…

- «Моя память и сегодня хранит многое, что характеризует высокие человеческие качества Ю. Андропова, которому ничто не было чуждо - ни любовь, ни искусство, ни романтика…»

- Он, например, любил музыку: у него были записи Высоцкого. Он писал прекрасные стихи… Когда он умирал, он написал такое стихотворение, что у меня чуть слёзы не выступили. Оно где-то публиковалось. Он был очень интеллигентным человеком. Извините, самый большой «театральный диссидент» - Театр на Таганке, говорят, что его же поддерживал Андропов. И другое помню… Когда Наталье Сац уже построили Детский музыкальный театр, мне позвонил Андропов: «Тут какое-то безобразие происходит, её не могут в больницу устроить и начать лечить, ты помоги, разберись, пожалуйста…» Я говорю: «Ладно, я сделаю». То есть это был в общем-то для него плёвый вопрос, а он им занимался.

- Вы хорошо знали и Горбачёва - аж с 1971 года. Откуда у правоверного коммуниста взялись вдруг высокие мотивы перестройки и гласности?

- Он шёл по воле волн, было тяжёлое положение, нефть стоила мало, денег не было, бюджет валился… Он в этой ситуации растерялся, не знал, как выпутаться из неё. Я помню, стоял вопрос о повышении цен на хлеб, Горбачёв был против, говорил: «А что скажет народ?» Но пришёл «великий» Ельцин, взвинтил цены и - ничего, всё прошло.

- Не могу не затронуть тему вашего пребывания на посту руководителя 4-го Главного управления при Минздраве СССР, благодаря которому вам довелось пообщаться с главными лицами нашей страны. «После первых встреч с Горбачёвым однажды я завёл разговор с Ю. Андроповым об оригинальных взглядах, интересных планах и нестандартном мышлении молодого секретаря Ставропольского крайкома КПСС»… Зачем вы, врач, обсуждали с лидерами СССР политические вопросы?

- Политические я не обсуждал, я обсуждал жизненные вопросы… Я же не говорил, например, Брежневу: «О чём вы будете говорить с Никсоном?» Я ходил с ним в Калифорнии по парку, но я не говорил ему: «Как вы сидели, обсуждали проблему разоружения с Никсоном?..» У меня вон стоят фотографии, где я с ним гуляю. (Указывает в сторону стенного шкафа в кабинете.) Но я касался только жизненных вопросов, связанных либо со здравоохранением, либо с наукой, а эти политические вопросы я не поднимал.

Нет, нет, нет! Я никогда не касался политических вопросов! Я лоббировал только здравоохранение. Да и то не в разговорах - я писал официальные письма. Вот кардиологическая служба… Я написал письмо от имени Института кардиологии, учёного совета, на имя Брежнева. Что у нас такая-то, такая-то ситуация, люди мрут, нет у нас такой-то системы, прошу рассмотреть вопрос… Он написал в комитет по науке: «Прошу разобраться с этим вопросом. Вопрос правильно поставлен, надо бороться с высокой смертностью. Рассмотрите и дайте предложения». Комитет рассмотрел, нас туда пригласили, и был создан институт в Питере, алмазовский… Во всех республиках были созданы кардиологические институты.

- Тогда у меня к вам другой вопрос, Евгений Иванович: вас политики втягивали в политические разговоры?

- Никто меня не втягивал…

- Ну как же: «пока готовились шашлыки, мы с Михаилом Сергеевичем бродили по дорожкам дачи и обсуждали наиболее острые вопросы жизни страны и политики…»

- …правильно, политики, касающейся здравоохранения! Мы же с ним не обсуждали, кто там что будет делать… Я и не вмешивался в эти вопросы… ну, что там будет делать политбюро по взаимоотношениям с Египтом. Насера (президент Египта в 1956-1970 гг. - Авт.) я только лечил!

Москва, май 2010 г.

Сергей Кара-Мурза

Кара-Мурза Сергей Георгиевич - главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Родился 23 января 1939 года в Москве. Автор книг «Манипуляция сознанием», «Демонтаж народа», «Потерянный разум».

- Если бы во главе СССР встал Ельцин, то, как утверждал покойный Черномырдин, страна существовала бы до сих пор?

- Не думаю. Вероятно, Советский Союз просуществовал бы подольше при Ельцине, чем при Горбачёве, но потом всё равно распался бы. Потому что большинство западных советов Ельцин всё-таки выполнял. Кроме того, ему было абсолютно не жалко «сдать» нашу геополитическую наработку за целый XX век. Он и сдал её легко, и сдал бы легко на месте Генерального секретаря ЦК КПСС. В Ельцине был слишком силён разрушительный элемент. Это был деструктивный лидер.

- Насколько Ельцин был подвержен манипуляциям Запада и как это сочеталось с его личностными качествами?

- На мой взгляд, Ельцин - человек выдающийся. Обладатель звериной интуиции. Среди «воров в законе» это был бы самый уважаемый и почитаемый человек. Хотя, как вы понимаете, никаким «вором в законе» он, конечно, не был, но по своим личностным качествам Ельцин - идеал пахана. Умного, с чутьём, с пониманием «народной души» и её запросов, по-животному искреннего. Он ничего не боялся. Ельцин - человек масштаба Стеньки Разина, носитель духовной криминальной культуры. Символ тёмного начала в русской и советской культуре. У Ельцина не было никаких авторитетов, не было ничего святого в советской системе.

Но при этом Ельцин выполнял не всё, что от него требовал Запад. Как это ни странно сегодня прозвучит, он кое-что сумел сохранить, потому что чётко знал, что в нашем обществе того-то и того-то в то время делать нельзя ни при каких обстоятельствах. Например, реформы ЖКХ. Ельцин подписывал все декреты по ЖКХ, которые навязывали ему западные советники, но потом сам же, как умелый бюрократ, всё это спускал на

тормозах.

- Согласно вашему утверждению: «Манипуляция сознанием - это программирование мнений и устремлений отдельных лиц и масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции». Но какие средства для манипуляции сознанием масс могли быть у опального коммуниста Ельцина в конце 1980-х - начале 1990-х годов, победившего Горбачёва, который такими средствами реально владел?

- К тому времени Ельцин уже был лидером довольно большой системы, которая сильно влияла на сознание нашей интеллигенции. Я имею в виду наших диссидентов. Ведь диссиденты приняли Ельцина, когда он ещё был секретарём Московского горкома партии. В этой должности Ельцин несколько раз проводил с ними встречи. Помню, один из руководителей Института науки и техники, где я тогда работал, регулярно ходил на такие встречи с Ельциным, а после них устраивал собрания в институте, где рассказывал, какой Ельцин хороший, как он себя вёл, на какие вопросы отвечал, а какие задавал сам. То есть ельцинский месседж доходил до определённых кругов не столько посредством СМИ, сколько через эту, молекулярную, скажем так, систему.

Недостатка в потоке сообщений от Ельцина в этих кругах не было, поэтому конфликт Ельцина с Горбачёвым на октябрьском пленуме ЦК в 1987 году вызвал огромный интерес у духовно и политически озабоченной интеллигенции. Сахаров у неё был духовный лидер, а на Ельцина она стала ориентироваться, как на человека из народа, делового, знающего все партийные и государственные пружины. Кстати, этот конфликт Ельцина и Горбачёва злые языки называли спектаклем. Мол, для того, чтобы над Ельциным был ореол гонимого, не хватало в сюжете такой вот точки. Я в такой хитрый замысел не верю. Думаю, что и Ельцин, и Горбачёв по ходу дела использовали те ситуации, которые возникали.

С другой стороны, я уверен, что западные советологи участвовали в кадровой политике позднего СССР. На каждого более-менее крупного деятеля из любой среды у них было досье, где были проанализированы психологические особенности человека, его профессионализм, имелась информация о его грешках. Думаю, что у развития нашей страны тогда было много вариантов. И для каждого из вариантов предназначались разные политические фигуры. Не могла практически вся научная элита в один день вдруг стать антисоветской стихийно. Спонтанно такая человеческая выборка получиться не может. Значит, был искусственный отбор людей, продвигающихся наверх.

- В тот период Ельцину противостояли очень влиятельные люди во власти. Почему они с ним не справились?

- Против Ельцина сплотились тогда люди, владевшие отсталыми политтехнологиями. Лигачев, например. Ельцинский демарш он принял за чистую монету и в результате только добавил ему имиджа. А имидж Ельцина был классическим для той поры: человек против системы, против

номенклатуры. Кстати, я бы не сказал, что Ельцин талантливо отрабатывал свою роль. Ельцин по своему типу - это ведь квинтэссенция номенклатуры в её уже деградирующей стадии. Коррумпированной номенклатуры. Но не в буквальном смысле, а в плане идейном. Эта номенклатура уже была циничной. Тем не менее народ поверил в Ельцина, как в героя, борющегося с номенклатурным драконом. Хотя, казалось бы, что может быть глупее и наивнее такой веры? Но…

- Феномен Ельцина - это ведь ещё его антигорбачёвство… Быть может, в этом разгадка?

- Конечно! Горбачёву удалось создать восторженное отношение лишь к первой стадии перестройки. При этом всколыхнуть скорее воображение людей, чем их разум. Но к 1987 году многим стало понятно, что такая перестройка заведёт страну в яму. Первыми особенно ясно это поняли специалисты в разных областях народного хозяйства. Академик Легасов, член правительственной комиссии по расследованию причин чернобыльской аварии, считал, например, что такие вещи, как Чернобыль, станут регулярно повторяться в разных вариантах на территории СССР. Кроме того, он утверждал, что возникнет странная иррациональность людей в отношении таких катастроф. Своё мнение Легасов регулярно докладывал Горбачёву и Рыжкову (в то время председатель Совета Министров СССР. - Авт.). Но Легасова начали высмеивать, против него поднялась такая волна, что вскоре он покончил с собой. Специалисты на более мелком уровне тоже понимали, к чему приведёт перестройка. Поэтому в среде научно-технической интеллигенции Горбачёв начал быстро терять авторитет, она встала к нему в оппозицию. А года с 1988-го и в широких массах в Ельцине стали видеть антипода Горбачёва. Считали, что «наш мужик» Ельцин турнёт этого краснобая Горбачёва и наладит хорошую жизнь.

- Вероятно, далеко не все тогда были настолько одурманены Горбачёвым, чтобы быть готовыми обмануться Ельциным?

- Не все, но к 1988 году цензура на антиперестроечные материалы в СМИ была очень жёсткой. Никакой критики демократических реформ не допускалось. В 1988 году академик Николай Амосов опубликовал в «Литературной газете» свой манифест, в котором пропагандировал безработицу и разделение людей на слабых и сильных, вплоть до психофизиологического исследования всего населения СССР. По его мнению, в личном деле каждого человека должен был стоять штамп: «слабый» или «сильный», для того, чтобы к власти допускались только сильные. Я написал по поводу этого манифеста очень корректную статью-ответ. И стал ходить по редакциям к своим же друзьям с просьбой опубликовать этот текст. Все говорили, что статья хорошая, надо печатать, но никто так и не напечатал. То есть к этому времени, когда уже выдвигалась доктрина реформ, возможности для полемики не было никакой. А это и есть одно из условий для манипуляции сознанием народа. Для того, чтобы в нём наступило очарование переменами. Долго, конечно, так продолжаться не могло, но и этого времени оказалось

достаточно, чтобы случилось то, о чём мы теперь прекрасно знаем.

- Советская творческая элита - по вашим словам, форпост раннего ельцинизма - занималась манипулированием подсознательно?

- Нет, это был её духовный выбор. К этому времени для многих представителей нашей элиты Советская власть была уже в тягость. Те, кто проникся ощущением собственной элитарности, считали советский строй кондовым, крестьянской общиной, которая с голоду помереть не даст, но будет держать за горло. При этом большинство представителей советской элиты вовсе не хотело никакого капитализма. Просто как только в политическом укладе Советского Союза забрезжило что-то новое, советская элита в эту дыру кинулись с головой.

Очень большую роль в возможности манипулировать сознанием народа сыграл тот факт, что творческая элита быстро организовалась. На выборы народных депутатов в 1989 году её представители шли единым костяком. Академии наук, к примеру, дали 100 мест на этот съезд, и на все эти места была отобрана фактически только эта публика. Получив трибуну, они тут же начали действовать. Социолог Заславская. Экономисты Аганбегян, Шмелёв, Бунич. Юрий Афанасьев. Гавриил Попов - многолетний декан экономического факультета МГУ, который имел в среде диссидентов-шестидесятников огромные связи.

Москва, январь 2011 г.

Гавриил Попов

Попов Гавриил Харитонович - президент Международного университета в Москве. Родился 31 октября 1936 г. в Москве. С 1990 г. - председатель Моссовета, в 1991-1992 гг. - мэр Москвы. Президент Международного союза экономистов и Вольного экономического общества.

- В этом «наихудшем из возможных вариантов реформ» ведь косвенно виновата и межрегиональная депутатская группа, сопредседателем которой вы с 1989-го года являлись, наивно благословившая Ельцина на царство. Во время одного из перерывов на съезде народных депутатов к вам подошёл помощник генсека Горбачёва Георгий Шахназаров и спросил вас, почему демократы решили взять в вожаки Ельцина. «Народу нравится, - хитро подмигнув, объяснили вы. - Смел, круче всех рубит систему». «Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик», - возразил Шахназаров. «А ему и не нужно утруждать себя, это уже наша забота». «Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путём?» - спросил вас Шахназаров. На что вы усмехнулись: «Э, голубчик, мы его в таком случае просто сбросим, и всё тут». Что ж не сбросили?..

- Да, такая сцена была… И сбросил нас Ельцин… Но дело в том, что, даже если бы я знал, что Ельцин нас сбросит, я бы его поддерживал - другого пути у нас не было. В то время в стране на четыре пятых

народное движение было популистским. То есть, грубо говоря, это были «лимитчики» и «оборонщики», для которых вождём был Ельцин, а не Сахаров и не Попов. Это было совершенно очевидно, так что у нас не было другого варианта. Мы ведь сначала хотели, чтобы по Москве от нас избирался Сахаров. Вскоре стало ясно, что больше миллиона голосов он не получит. Пришлось заставить Андрея Дмитриевича отказаться в пользу Ельцина, на что он очень обижался всю оставшуюся жизнь. Мы перед выборами собирались, решали, что делать, и приняли решение, что надо договариваться с Ельциным. Сахаров мне сказал: «Гавриил Харитонович, идите, договаривайтесь с Ельциным». Я сходил, потом с ним пошёл разговаривать Андрей Дмитриевич. Вернулся: «Гавриил Харитонович, у него же никакой программы нет! - даже использовал при этом философский термин «табула раза» - чистая доска. - Он примет любую программу, лишь бы получить власть». Так и получилось.

Ельцин не возражал ни по одному пункту нашей программы, не возражал бы и дальше, если бы возле него не получила такого сильного влияния группировка бывших партноменклатурщиков, прежде всего «Коммунисты за демократию» Руцкого, которые помогли Ельцину стать председателем Верховного Совета РСФСР. Страна ведь к демократии не была готова. Это в 1989 году в Москве нам удалось получить большинство, да и то условное, а уже в российском парламенте демократы не имели большинства. И когда Ельцин при выборах на пост Председателя Верховного Совета при поддержке и демократов, и реформаторов-номенклатурщиков победил, он стал от нас избавляться. Партноменклатура говорила ему, что они будут его во всём слушаться и подчиняться, а демократы указывали, что можно, а что нельзя. В принципе мы ещё могли Ельцина сбросить… до тех пор пока не подошли выборы президента России. Но ситуация в стране обострилась настолько, что надо было срочно избирать президента России, а реальной кандидатуры у нас кроме Ельцина не было.

- Вы считали, что можно было обойтись без роспуска СССР, отпустить Прибалтийские республики, возможно, три закавказские, и всё. До сих пор жалеете о распаде СССР?

- Я жалею, что тот, «старый», Советский Союз не был трансформирован в новое образование типа Европейского экономического сообщества. В Европе независимые страны при отсутствии достаточного блока населения, владеющего общим языком, сумели договориться об общей валюте, убрать границы с их жадными таможенниками. Каждый, кто ездит в Европу, поражается, как просто и без всяких проблем это получилось. С этой точки зрения варианты создания нового Советского Союза были. И не только я так считал. Выдающийся человек, Андрей Дмитриевич Сахаров, писал новый проект Конституции не для России, а для «Евразийского объединения». Он считал, что утратить то, что было достигнуто в результате объединения народов, совершенно недопустимо. Поэтому, раз старый Советский Союз сохранить было нельзя, то должен был возникнуть новый Советский Союз. Он мог существовать, по крайней мере, в двух вариантах: типа Европейского союза, о чём я уже сказал, или,

как я писал об этом в 1991 году в «Известиях», в многослойном виде.

Что это значит? Три славянские республики - Украина, Белоруссия, Россия - и, может быть, Казахстан, сразу образуют прототип нынешнего Евросоюза, второй слой - государства, существующие в менее интегрированном виде в этом же Союзе, а остальные государства, Прибалтики, например, просто уходят, сохраняя взаимовыгодные для них отношения с новым Советским Союзом. В настоящее же время оба эти варианта нереальны, интеграция России со стыкующимися с ней странами осложнена тем, что в этих странах очень велики роль и интересы правящей бюрократии. Бюрократии выгодно выдавать визы, устанавливать таможенные пошлины, чтобы самим кормиться. В европейских странах роль бюрократии не столь сильна, поэтому объединиться им было проще.

- Даниил Гранин говорил, что последним русским интеллигентом был Дмитрий Лихачёв. Так ли это?

- Я весьма своеобразного мнения о Лихачёве. Я встретил его в тот период его деятельности, когда он вместе с Раисой Максимовной уже возглавлял Советский фонд культуры и всячески избегал общения с Межрегиональной депутатской группой, не желая в неё попасть и боясь, что его - не дай Бог! - зачислят в её состав. Это было в 1989 году. Лихачев примитивно прятался от нас, исчезал, найти его было нельзя. Он был несомненный демократ, либерал, но бороться вместе с нами ни за что не хотел. Если бы верх взяли такие люди, как Лихачев, мы бы ничего не сделали в нашей стране.

- Говоря о неизбежности реформ в СССР, вы будто бы сказали, что «даже Брежнев это отчасти понимал. Кстати, его образ у нас сложился совершенно неправильный». Неужели ваша цитата, Гавриил Харитонович?

- Моя. Брежнев хотел реформ, но не смог их провести. Так же, как не смог и Косыгин. Почему? Потому что этого не хотела партия. Аппарат. Брежнев понимал необходимость реформ, и если строго разобраться, то первый доклад о необходимости реформ - в сельском хозяйстве - в марте 1965 года сделал именно Брежнев. Партаппараты всех районов, областей и краёв эту реформу заблокировали. Не исполняли директив сверху, и всё! Они вовсю командовали колхозами, и никакие реформы им были не нужны. Но Брежнев всё ещё надеялся провести реформы и поддержал Косыгина, иначе бы Косыгин их просто не начал. Но потом утопили и эти реформы.

Москва, июнь 2010 г.

Михаил Ненашев

Ненашев Михаил Федорович - завкафедрой периодической печати в Московском государственном университете печати. Родился 10 ноября 1929 г. в селе Бородиновка Челябинской области. Экс-министр печати СССР, бывший руководитель Гостелерадио СССР, работал заместителем

заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС.

- Есть мнение, что, несмотря на профессиональную возможность высказываться на любые темы, эффект воздействия прессы на общественную жизнь сегодня крайне низок.

- Когда сегодня говорят, что СМИ и журналистика уже ничего не могут, я думаю, что эта точка зрения вытекает из оценок журналистики самого последнего времени, когда появилось неверие, что журналистика способна не только выполнять лишь развлекательные функции, но и созидать. На самом же деле СМИ многое могут. Я исхожу из того, что видел такую журналистику, такие СМИ. Я утверждаю, что из трёх этапов, которые за последние 25 лет прошла наша журналистика, этап перестройки - в 1985-1991 годах - был этапом, когда журналистика и СМИ действительно были «четвёртой властью».

По существу, они были и главным инструментом перестройки. Ведь в эти годы доверие к СМИ было огромным. Была эйфория гласности. Все демократические изменения в обществе мы прежде всего воспринимали как изменения в СМИ. Невиданные тиражи. «Аргументы и факты» - 33,5 миллиона экземпляров! «Комсомольская правда» - 19 миллионов! «Известия» - 12 миллионов! Телевидение. Ваше ленинградское «Пятое колесо», Куркова, Невзоров и «600 секунд»... Это же были явления, к которым относились с огромнейшим вниманием!

СМИ тогда формировали даже политическую элиту, а сегодня мы говорим, что они чаще в услужении у политической элиты. Демократы новой волны Анатолий Собчак, Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, да и Андрей Сахаров, как один из известнейших демократов того времени, по существу были созданы перестроечными СМИ. Их творили СМИ. Именно так СМИ были интегрированы в политическое движение и руководили этим политическим движением...

- ...которое привело к распаду великой страны!

- Да, привело к распаду.

- И что же в этом хорошего-то, Михаил Федорович?

- Видите ли, разрушение - неизбежная часть всяких исторических поворотов. Без разрушения не будет и созидания. И СМИ тогда выступали прежде всего с точки зрения отрицания существующих порядков. А вот сил на созидание, к сожалению, не хватило. Потому что мы иначе видели те процессы преобразования, чем которые случились на самом деле. Повторяю, тогдашних СМИ хватило лишь на этап разрушения, а как только наступили 1990-е годы, СМИ снова стали тем, чем они были до перестройки. Приводным ремнём партии...

- ...и олигархов. Вам не кажется, что это порочно: разрушить, ничего не создав взамен?

- Сменилось руководство, сменились хозяева... А какая у нас была наследственность? Плохая! Мы были воспитаны в послушании. Нас хватило только на перестроечную пятилетку. Но даже в это время мы

успели заложить элементы демократии. Нынешний закон о СМИ ведь появился в то время. Многопартийность. Альтернативные выборы. Всё это проходило при непосредственном участии СМИ.

- Можно ведь сформулировать и иначе: перестроечные СМИ ввели народ в заблуждение, он им поверил, отрёкся от старого мира, в результате случился развал СССР, а журналистика умыла руки…

- Она просто вернулась к тому, чем была. СМИ ведь только инструмент в политических процессах. Журналистику не надо объединять с самой политикой.

- Но ведь вы сами только что её и объединили, сказав, что «СМИ были интегрированы в политическое движение и руководили этим политическим движением»?!

- Нет! Журналистика лишь инструмент политики. В 1990-е годы она утратила то значение, которое имела в перестроечные годы. Прозвучала команда: «К ноге!» И всё.

- Вам не обидно?

- Не только обидно, но я ещё и чувствую свою большую вину за то, что случилось в стране. Нам, политическим руководителям СССР, не хватило ни силы, ни характера, ни воли - это касается прежде всего Горбачёва - предложить программу: что же делать. Но этого «что делать» не предложили и СМИ.

В чём была тогда сила Ельцина и Гайдара? Они такую программу предложили. Другое дело, что она кончилась грабительской приватизацией, но конкретные предложения-то были. А мы проиграли Ельцину, потому что ничего конкретного не предложили. Всё, что мы говорили по поводу того, чем мы отличаемся от Китая, а чем похожи на кого-то другого, - это были только дискуссии. А надо было занять жёсткую позицию по поводу интеграции, свободы рынка и государственного планирования…

- …а не отдавать государство на откуп какому-то Гайдару.

- Я думаю, это тоже произошло не случайно. Вот сегодня Жириновский говорит: «Ну, какая это была партия - КПСС? Её запретили, и ни один человек из 19 миллионов коммунистов не вышел её защищать». Почему? Потому что на определённом этапе партия перестала быть частью своего народа. На чём держалась идеология социализма? На общенародной собственности, которая по сути-то общенародной и не была, иначе бы народ не позволил осуществить эту грабительскую приватизацию. То есть принцип этот был дутым, а партия была лишь прикладным инструментом управления страной.

- Что хуже: Главлит или корпоративная цензура?

- И то, и другое плохо. Важно чётко понять, что такое цензура Главлита в советское время. Мы сегодня порой забываем, что цензуры в ведущих партийных изданиях со стороны Главлита не было. Главным

цензором в таких изданиях был их главный редактор. Именно он головой отвечал за свою газету. И до тех пор, пока главный редактор был депутатом Верховного Совета и членом ЦК КПСС, он очень многое мог взять на себя. Никакой цензор на него повлиять не мог и не влиял.

Вот я был председателем Гостелерадио СССР. Что я мог? До тех пор, пока мне доверяло первое лицо государства, я мог всё. Не случайно у меня на служебном столе стояли две прямые «вертушки»: для связи с Генеральным секретарём Горбачёвым и для связи с Председателем Совета Министров Рыжковым. И это при том, что в ЦК был специальный сектор телевидения. Но завсектором телевидения мне никогда не звонил, хотя вёл всю статистику… В лучшем случае мог выйти на руководителей программ или их заместителей. Все вопросы я решал сам.

- Кто, на ваш взгляд, лучший отечественный главный редактор печатных СМИ?

- Несомненно, Егор Яковлев. Его «Московские новости» были одной из самых интересных и лучших газет страны. Я считаю, что очень неплохо работала «Комсомольская правда» периода Фронина; его роль сейчас как-то замалчивают, а ведь в перестройку эта газета была по-настоящему популярной и очень-очень видной. Конечно, Коротич в журнале «Огонёк». Тогда уже поднимались и уже были достаточно интересны «Аргументы и факты» Старкова. Не случайно ведь возник единственный в практике взаимоотношений журналистов с партийными руководителями конфликт Старкова с Горбачёвым.

…Многие сегодня не знают, что «АиФ» - это изобретение Отдела пропаганды ЦК КПСС 1977-1978 годов; к тому времени я уже ушёл с должности заместителя заведующего этого отдела. Тогда в стране была огромная сеть партийных агитаторов, которые нуждались в аргументах и фактах для своих выступлений. Вот Поляничко, Тяжельников и другие сотрудники Отдела пропаганды ЦК сели и изобрели эту газету как орган общества «Знание». И она сразу «попала в точку». «Правда», «Известия» тогда были многополосные, с партийной нуднятиной директивного характера, которую, зачастую, никто не читал. И вдруг новая газета, где пишут о пенсии, зарплатах, ценах, транспорте, бюллетенях… Через год «Аргументы» имели тираж в несколько миллионов.

И вот через несколько лет на каком-то совещании Горбачёв спрашивает: «А почему это «Аргументы и факты» так остро выступают против партии? - И говорит Медведеву (в то время секретарь ЦК КПСС по идеологии. - Авт.): - А нужен ли нам такой главный редактор? Может, его лучше освободить?» Но когда дело дошло до освобождения, выяснилось, что «Аргументы и факты» никакого отношения ни к ЦК, ни к Горбачёву не имеют. Потому что эта газета - орган общества «Знание», а сам Старков был назначен президиумом общества «Знание» даже через выборы коллективом. И Горбачёв был вынужден отступить.

Любопытная вещь. Все ведущие «Взгляда»: Любимов, Захаров, Листьев, Мукусев - тогда стали депутатами. Куркова и Невзоров тоже. Как

и все газетчики: Коротич, Яковлев, Лаптев из «Известий». А посмотрите сегодня, есть ли среди депутатов журналисты?..

- А благотворно ли сказалось на законотворчестве наличие в российском и союзном парламентах журналистов-депутатов? Насколько они оказались компетентны в новом для себя качестве?

- Хорошо или плохо - это другой вопрос, но это явление отражало эпоху, политическими звёздами которой они были. Тем более, что и парламент в то время был по существу ареной большой политики.

- Есть мнение, что затеянная Горбачёвым гласность имела прежде всего миссию дополнительной дубинки против политических оппонентов Михаила Сергеевича.

- Я помню себя на посту главного редактора «Советской России» в эпоху Горбачёва, когда я испытывал поддержку со стороны Александра Яковлева (в то время секретарь ЦК КПСС по идеологии. - Авт.), говорившего, что нужна острая критика существующего положения вещей, чтобы освободиться от догматиков типа Воротникова, Зайкова, Гришина (в то время члены Политбюро ЦК КПСС. - Авт.)... Так что элементы того, о чём вы сказали, действительно были. Горбачёв с Яковлевым были уверены, что такая ситуация сохранится...

- Но, выйдя из-под контроля, государственные СМИ вскоре начали «хоронить» и самого Горбачёва?

- Совершенно верно! Да. И эта ситуация прежде всего характеризует именно Михаила Сергеевича. Горбачёв считал, что демократия может быть наполовину. До определённого этапа в ней идти можно, а дальше нельзя. А на самом деле демократия или есть, или её нет.

- Решились бы Горбачёв с Яковлевым на гласность, если бы предвидели, к каким для них печальным последствиям она приведёт?

- Я не думаю. Не факт. Повторяю, никакой программы у Горбачёва не было, он даже толком не понимал, что означает выражение «социализм с человеческим лицом». Считалось, что можно лишь подчистить и подрегулировать государство. А оказалось, что нельзя.

- Можете сравнить полномочия возглавляемого вами Госкомитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и его преемника Агентства по печати и массовым коммуникациям России?

- Абсолютно ничего общего. Государственный комитет по делам издательств и полиграфии, который я возглавлял, во всяком случае, до конца перестройки никакой роли в общественной жизни не играл. Это была фактически техническая служба, каковой, к примеру, был и Совет Министров СССР. Это был инструмент Отдела пропаганды ЦК, самостоятельно не решавший главные вопросы: открытия или закрытия СМИ. А сегодня эти полномочия в ведении Агентства по печати и массовым коммуникациям России.

Помню, когда я пришёл на упомянутую должность, я увидел, под

каким централизованным руководством находится, скажем, издательское дело в стране. Существовало около 50 центральных издательств - «Прогресс», «Просвещение», «Художественная литература» и так далее, которые обеспечивали ту книжную тематику, которую им навязывал Госкомиздат. В Госкомиздате существовали редакции, решавшие, что издавать, в какие сроки и каким объёмом.

Первое, с чего я начал свою деятельность на посту руководителя этого ведомства, стал ломать эту жёсткую, неумную, централизованную политику. Мы передали право решать, что и когда издавать издательствам, профессионалам, которые анализировали сам процесс книгоиздания: дефицитная книга или нет, стоящий автор или нет.

- Ваша несомненная заслуга в том, что в стране появились Набоков и Газданов, но одновременно именно благодаря вам книжные прилавки покорил, к примеру, Сорокин… Понимаете, к чему я?

- Понимаю. Но ведь взаимоотношения автор - читатель - литература - очень сложные. Конечно, нам надо было учитывать, что издержки рынка, которые проявлялись в других сферах, проявятся и в книгоиздательском деле. Но не было тогда ещё писателей типа Сорокина. Но зато мы чётко знали, что книги Набокова, Ахматовой, Пастернака нужны.

Мы провели специальные исследования и составили библиотеку первоочередной литературы. Создали специальное издательство при нашей Книжной палате, которое стало издавать самые актуальные книги. К примеру, выпустил Гранин «Зубра», и мы его немедленно дали оперативным изданием. Хотя в другое время актуальные книги появлялись только через 3-4 года.

Москва, октябрь 2010 г.

Андрей Битов

Битов Андрей Георгиевич - советский и российский писатель. Родился в 1937 году в Ленинграде. В 1978 году в США опубликован роман «Пушкинский дом». Президент российского Пен-клуба.

- Вы как-то сказали о себе: при Советской власти «не прогнулся, но прозябал». Не такая уж, наверное, и плохая была власть, если при ней можно было допрозябаться до «Пушкинского дома», Андрей Георгиевич?

- Скажу так - и это роднит меня с русской литературой - я вырос не с Советской властью, а в семье. У меня была особенная семья, такая осколочная семья, затаившаяся: все спокойно работали, жили, никто не был в партии, никогда в семье не говорили о политике, что, может быть, и было вредно для общего развития; моя семья была отдельной лакуной на Аптекарском острове. Там-то я и рос среди книг и среди родственников. У нас была полностью старая барская квартира, в которой мы жили такой вот большой семейной коммуналкой во главе с бабушкой. Так что я несколько иначе рос, чем сверстники, хотя бывал и в пионерлагере, и в армии служил, в стройбате, после армии я, кстати, и стал писать прозу. Я

не думаю, что в СССР была Советская власть, в СССР была империя, поэтому основная тема моих произведений - империя; это было единственное, что я мог как невыездной изучать, как страстный путешественник тоже изучать, как человек с геологическим образованием тоже изучать, и я вполне этому предавался. Я думаю, что большевизм как диктатура позволил сохранить империю, которая могла бы расползтись после Первой мировой войны как Австро-Венгрия, скажем, или как она расползлась в наше время. Режим удерживал империю, а империя на самом деле такое историческое существо, у которого, возможно, своё подсознание; и тиран тоже есть часть организма империи, централизованная власть для такого пространства, по сути, неизбежна.

Санкт-Петербург, январь 2010 г.

Рамазан Абдулатипов

Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович - ректор Московского государственного университета культуры и искусств. Родился 4 августа 1946 года в Тляратинском района Дагестана. В 1990-1993 гг. - Председатель Совета Национальностей Верховного Совета РФ, экс-министр национальной политики России.

- Была такая нация - советский народ…

- В своё время Ленин развил теорию двух наций в одной нации. Раньше я считал, что это была ложная теория, но в последнее время вижу в России существование двух таких разных народов. Советского народа. С остатками его идеалов и ценностей. Народа, который любит вспоминать, как хорошо было раньше, который ностальгирует, любит смотреть старые фильмы, поскольку он не нашёл смысла в новой действительности. При этом я не уточняю: плохая эта действительность или хорошая. А вторая часть народа - это так называемые «новые русские» всех национальностей. «Новые русские» - это не только те, которые богатые, но и те, которые имеют хорошие должности. И эта, «новорусская», часть населения отторгает другую, воспитанную на примитивном равенстве, часть советского народа, потому что, если вернётся то, что было раньше, «новые русские» лишатся всего.

- А кто виноват, что произошло такое разделение? Вы же в те годы и были во власти…

- Даже наша власть тогда, утратив самоидентичность, была разделена на две части, о которых я вам сказал. Следовательно, мне в то время было крайне трудно договориться с Шеловым-Коведяевым, с Сергеем Ковалёвым, с Беллой Курковой… Мы с ними были разными представителями этих двух частей народа. Я держался, может быть, за старое, а они говорили: «Надо по-новому». А что такое «надо по-новому», они сами до конца не знали.

- Какие конкретно шаги вы предпринимали для сохранения уникального в своей многонациональности государства Советский Союз?

- В начале 1990-х годов я, тогда ещё достаточно молодой человек, был председателем Совета Национальностей Верховного Совета России. В феврале 1991 года мы, руководство Верховного Совета, разные люди, объединились и выступили против Ельцина. Мы заявили, что уничтожается наша традиционная культура, государство, и в этих условиях руководство страны - Ельцин и Горбачёв - должны сказать, что так дальше продолжаться не должно. Лично я сказал: «У нас в стране президент СССР ничего не может, а Председатель Верховного Совета РСФСР ничего не хочет, кроме власти». И добавил: «Если процесс и дальше будет так развиваться, то неминуемо произойдёт развал СССР и на его территории начнётся глубочайший кризис и разруха».

Ельцин тогда остался в одиночестве со своим «верным Русланом». Но я тогда скорее выступал даже не против Ельцина, а против Горбачёва, который ничего не делал для спасения страны, потому что оказался безвольным человеком. Позже, в своём разговоре с Ельциным я сказал: «Вы понимаете, Борис Николаевич, сколько погибло людей разных национальностей, чтобы создать наше государство?! Сколько погибло русских солдат и офицеров, чтобы создать наше государство… Мы стали братьями, невзирая на прошлые войны. Но если распадётся СССР - могут начаться сведения старых счетов и новые войны…» Ельцин выпрямился, как он умел это делать, и хлопнул по столу: «Я никогда не допущу развала Советского Союза!»

- Вряд ли одному Ельцину было под силу развалить страну…

- Я к нему и не свожу. Да, были многие другие… Например, Зюганов с Литвиновой, которые провозглашали независимость компартии и Академии наук России. Распутин, Бабурин, Павлов… Десятки людей! Я им говорил в парламенте: «Дорогие друзья! Вы можете себе представить, чтобы Англия требовала выхода из Великобритании? Не делайте глупостей!» Но… никто не хотел слушать.

При этом я не говорю, что я весь белый и пушистый. Есть, наверное, и доля моих ошибок. И прежде всего моё невмешательство в какие-то процессы…

- …вмешаться в которые, быть может, стоило пораньше? Скажем, в период вашей работы в ЦК?

- Ну, кто такой был завсектором анализа и прогнозирования Отдела национальных отношений ЦК? Меня никто и ни о чём не спрашивал. Я был обыкновенным клерком, от которого ничего не зависело. Готовя сентябрьский пленум ЦК по национальным вопросам, мы с Михайловым (завотделом ЦК КПСС по межнациональным отношениям. - Авт.) писали в политбюро Горбачёву, что надо срочно реформировать советскую систему взаимоотношений между республиками и центром, возобновить принцип федерализма и так далее. Нам вернули эту бумагу, где рукой Яковлева (секретарь ЦК КПСС по идеологии. - Авт.) было написано: «Не занимайтесь ерундой!» Шеварднадзе: «Вы что, с ума посходили?!» И это люди, которые потом изображали из себя великих реформаторов.

Москва, январь 2011 г.

Владислав Ачалов

Ачалов Владислав Алексеевич - председатель Союза десантников России. Родился 13 ноября 1945 года в Арском районе Татарской АССР. Экс-заместитель министра обороны СССР. Бывший командующий ВДВ СССР. Генерал-полковник.

- Распаду СССР способствовали в том числе и межнациональные конфликты, локализацией которых в качестве командующего ВДВ Вы занимались на Кавказе. Что было источником межэтнических проблем позднего Советского Союза?

- Я уверен, что источником всех национальных конфликтов было бездействие политбюро, всего руководства страны. В 1991 году я развернул на Кавказе две бригады Главного разведывательного управления со штатной численностью 22 тысячи человек, которые только что вышли из Афганистана. В результате я знал о Кавказе всё. Когда я повесил подробнейшую карту того региона министру, Язов удивился: «А где ты узнал все эти подробности?» - «Разведывательные источники». Язов карту под мышку и к Горбачёву. Но тот только репу чесал.

- Насколько был эффективен ваш опыт, опыт сугубо военного человека, в тех мероприятиях, которыми у нас сегодня принято заниматься спецслужбам?

- Очень эффективен. Когда в 1990 году в Баку начались военные действия, я израсходовал за всю операцию 1478 боевых патронов к пулемётам и автоматам. Мы шли на боевой технике, и перед нами все разбегались; местная милиция - трусы, они вояки только когда их много, а так - никчёмные. Через семь часов после начала боевой операции Баку был разделён на квадраты. С утра взяли под контроль троллейбусные парки, почту, телеграф, банки, хлебопекарные заводы, водозаборники. И жизнь в городе возобновилась.

Кстати, в Баку я ввёл 20-тысячную группировку десантников, три дивизии. Такую же группировку вводили и внутренние войска. Но милицию привезли самолётами, а её бронетехнику отправили эшелонами. Националисты-азербайджанцы все эти эшелоны приварили к рельсам за 100-150 километров от Баку. В результате войска МВД оказались в казармах с одними автоматами.

Недавно я был на дне рождения маршала Соколова, где мне порученец Язова сказал: «Вы знаете, какая у вас тогда кличка была? Мы вас называли - главный пожарник». Будучи командующим ВДВ, я провёл два года на Кавказе и прекрасно знал эти республики. В Нагорном Карабахе в 1990 году я прожил 320 дней! Помню, меня Язов спрашивает: «Что ты там так долго делаешь? Что у тебя там такое?» Я отвечаю: «Почему это у меня, товарищ министр? Я же не милиционер и не жандарм». Хотя там всё тогда действительно держалось только на

десантниках: мы выполняли функции Министерства внутренних дел, функции внутренних войск, которые были в те времена абсолютно ни к чему не готовы - не знали даже, как поставить блокпост.

- Можно сказать, что единственным сдерживающим фактором против агрессии НАТО в отношении СССР оставалось наше вооружение, в том числе и ядерное?

- Когда я учился в Академии Генерального штаба, на втором курсе нам поставили задачу: проведение стратегической наступательной операции. Две стороны, блок НАТО и Варшавский Договор, обменивались ядерными ударами: применялось по 12 тысяч боеголовок разного калибра. Так вот, по теоретическим расчётам в результате такой войны земной шар становился чёрным. Да, пока у нас всё это было и есть, это сдерживало и сдерживает НАТО, они очень боялись нашего ядерного потенциала. И не только ядерного.

Я считался неплохим специалистом по Западному театру военных действий. Командовал 8-й армией в Германии, мы тогда стояли друг против друга с Колином Пауэллом (в 1989-1993 гг. - председатель Объединённого комитета начальников штабов США. - Авт.): у него корпус, у меня армия. Помню, когда мы с Язовым прилетели на какие-то переговоры с американцами, Пауэлл мне сказал: «Не представляешь, как я боялся твоих танков!» А у меня Т-80 действительно было аж 1,5 тысячи, да ещё сзади стояли машины во втором эшелоне, в 1-й гвардейской танковой армии. Если бы мы пошли тогда, то рассекали бы до Ла-Манша без всяких препятствий! А сейчас нам везде плюют в лицо...

Кстати, «на моей совести» смерть одного американского майора. Николсона. Когда я был заместителем командующего 2-й танковой армии, мой старший сержант выстрелил в Николсона, который перешёл границу: пуля вошла в левый сосок, вышла в задний проход. Я с этим делом разбирался. Прилетает Шеварднадзе: «Доложите, товарищ генерал!» Я говорю: «А почему я должен вам докладывать: у меня есть министр обороны, есть Главком, начальник Генштаба». - «А я министр иностранных дел!» - «Ну и занимайтесь своим министерством!» Шеварднадзе: «Вы ещё об этом пожалеете». До сих пор жалею, что мы спасли этого Шеварднадзе в 1993 году, когда вывозили его из Абхазии в машинах с грязным бельём, где он был закрыт кучей простыней. Он был под Сухуми, когда мы с абхазами захватили эти места, Ельцин срочно дал команду, Шеварднадзе переодели, спрятали, и Балтин вывез его на корабле. Иначе бы его грохнули.

- Правда ли, что вы были самым молодым генералом СССР?

- Правда. Я получил генерал-майора в 34 года. По этому поводу даже была статья в «Известиях» «Генерал - сын солдата». Я всегда был самым молодым: самым молодым командармом, самым молодым замминистра, в 45 лет после развала СССР выгнали из армии на пенсию, тоже в известном смысле самым молодым.

- Правда ли, что маршал Язов просил у вас прощения?

- Да, сказал: «Извини меня, старого дурака, за то, что втянул тебя в эти дела». Он имел в виду 1991 год, ГКЧП. Я говорю: «Не за то извиняетесь, Дмитрий Тимофеевич… Вам бы надо было сесть тогда в кресло, откатиться в угол, а перед тем, как заснуть, сказать: «Товарищ Ачалов, действуйте!» У меня же было 7 воздушно-десантных дивизий в тот момент! Но… не сказал.

Москва, сентябрь 2010 г.

Глава VII. С кем вы были, деятели культуры?

На протяжении всех предшествующих глав мы так или иначе касались роли творческой интеллигенции в развале Советского Союза. Роли в большинстве случаев разрушительной, если говорить о либерально мыслящей части этой интеллигенции. С ней всё ясно и понятно. Но парадокс в том, что лютые враги либералов - консерваторы, в перестройку их было принято называть «патриотической интеллигенцией», при всех их державных замашках тоже внесли свою лепту в разрушение СССР. Не все, конечно, и даже не большинство, но некоторые сумели приложиться как следует. Как? Очень просто. В том самом антисталинском угаре, о котором я упоминал в предыдущей главе, громогласно бичевали коммунизм и коммунистов, они, мол, виновники всех бед наравне с либералами. Правда, тащили при этом страну не в сторону Запада, как либералы, а в XVII век - там посконная, изначальная Русь без большевиков и западников. Особенно старались так называемые «писатели-деревенщики». Конечно, шансов у них не было никаких, ибо несло от них щами, застрявшими в бороде, но репутацию Советской власти, а значит, и Советского Союза они подпортили изрядно.

Именно из их уст выяснилось, что в большевистском правительстве времён Ленина преобладали евреи и каким кровавым истребителем казачества был Яков Свердлов. (В результате ещё при жизни СССР снесли памятник и Свердлову, и многим другим деятелям Советского Союза и переименовали улицы, названные их именами, даже если эти названия были изначальными.) Порой у «деревенщиков» с «шестидесятниками» возникал унисон. Например, стенания о взорванном в 1931 году храме Христа Спасителя, который они в силу возраста даже не помнили и не видели. Ну и о Сталине, конечно. Между этими творческими молотом и наковальней история Советского Союза быстро превратилась в сплошной кровавый беспредел. Воистину, не ведали, что творили.

Автор сознательно открывает эту непростую главу беседой с выдающимся режиссёром Станиславом Говорухиным, которого ни законченным либералом, ни записным коммунистом назвать, разумеется, было нельзя. Но и с ним судьба в политическом смысле сыграла дурную шутку. Кто не помнит фурор, который вызвал в 1990 году его документальный фильм «Так жить нельзя», после просмотра которого люди в массовом порядке жгли партийные билеты, целые костры полыхали у кинотеатров. Оставим в стороне этот всплеск гражданского прозрения, которое больше похоже на массовый психоз, и взглянем,

лучше ли мы стали жить после 1990 года или ещё хуже. К чему привёл созданный талантливой рукой профессионала Говорухина пафос его фильма? Ответ очевиден: к разгрому действительности, а вместе с ней и страны. Вскоре, правда, выяснилось, что жить-то было можно и так, как жили в СССР, да поздно было. С этим, увидит читатель, и сам Станислав Сергеевич согласен. Кстати, не могу взять в толк, что такого необычного или нового увидели в этом фильме советские граждане, что жить им в родной стране враз стало невмоготу? Гениальная компиляция чернухи под проникновенные комментарии, и только. Интересно, что те, кто штурмовал кинотеатры в жажде очередных разоблачений советской действительности, сегодня брезгливо воротят нос от подобных телесюжетов. Наелись до отвала и отдыхают на глянце мексиканских телесериалов. Сам же Говорухин - и это, конечно, делает ему честь - не молчит и сегодня, объясняя, как нужно действовать в суровой постсоветской реальности. Кому она не мила, берите за образец героя «Ворошиловского стрелка». И баста.

И такого рода неумышленных, но разрушительных для Советского Союза творений в общем-то сочувствовавших СССР людей оказалось более чем достаточно. Эту главу, например, закрывает интервью с автором сценария «Ворошиловского стрелка», но ранее автора книг «Апофегей», «ЧП районного масштаба» Юрием Поляковым. Бывший разоблачитель нравов комсомольской номенклатуры сегодня с сожалением признаёт, что своими произведениями неосознанно «бросил свой камешек в ту лавину, которая снесла советскую цивилизацию». Ну что тут добавишь?

Читатель вправе прервать автора вопросом: «Ну не могли же быть все творческие интеллигенты разрушителями?» Правильно, не могли. Остальные, если можно так сказать, были пассивными сторонниками советской жизни, от перемен ничего особенно хорошего не ждали, главное, к ним не стремились, а значит, к разрушению Советского Союза отношения не имели. (Впрочем, как и к его активной защите.) В книге эту категорию творческой интеллигенции представляют народные артисты СССР Никита Михалков, Армен Джигарханян и Иосиф Кобзон. Их взгляд на разрушение Советского Союза интересен и важен для истории.

Сам собой напрашивается и следующий вопрос. Кто, на взгляд автора, из разношёрстной когорты советской творческой интеллигенции всё-таки пытался своим пером, своим творческим дарованием защитить и спасти Советский Союз? Таких людей было много, но, убеждён, больше, качественнее и ярче всех боролся за Советский Союз главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов. Думаю, что не погрешу против истины, если возьмусь утверждать, что апологетом СССР Александр Андреевич был (и остаётся) самым эффективным не только среди коллег-интеллигентов, но и среди всей элиты позднего Советского Союза. Автор счастлив представить его в своей книге.

Рискну напоследок сказать, что косвенно писатель Проханов в своё время наставил автора «Гибели СССР» на путь истинный, в результате чего, быть может, и появилась на свет эта книга. Нет, он не вовлёк меня в

стан радикальной оппозиции своими знаменитыми передовицами в «Завтра», не склонил к радикально левым идеям собственным примером. Автор, конечно, не политический либерал-западник, несмотря на то, что имеет за плечами вуз, основанный Горбачёвым и Бушем, но и не ностальгирующий радетель всего советского. Просто однажды погожей октябрьской ночью 1993 года я прочитал журнальный вариант романа Александра Проханова «Последний солдат империи» и безоговорочно до конца жизни выработал в себе чёткое и недвусмысленное отношение к развалу Советского Союза. Отношение исторически здравомыслящего человека. Гибель СССР - преступление одних, ошибка других, попустительство третьих, бессилие большинства и трагедия для всех. Отныне, вступая с кем-нибудь в политический диалог, я идентифицирую собеседника на политическую вшивость тестом на отношение к развалу нашей родины. Понятно, что для того чтобы иметь своё мнение, надо не только обладать информацией, но и размышлять над ней достаточно много и глубоко. Но всё же, всё же, всё же…

Конечно, и моё общее глухое неприятие политических событий предшествующих распаду СССР лет порой перемежалось наивными всплесками веры в общую разумность происходящего. Впрочем, думаю, это была скорее уверенность 20-летнего советского юноши в том, что всё в этом мире меняется в лучшую сторону, а не сознательное очарование абстрактными политическими перспективами нашей страны. Но общее понимание ситуации, повторяю, соответствовало интуитивному ощущению, что так быть не должно. Вернее, что страна должна меняться, но не так. Чувство не из приятных, если учесть общий оптимистический раж столичного населения по поводу перестройки, среди которого я тогда проживал. Позже, в первые демократические годы новой России, в защитники Советского Союза записались сотни тысяч выходящих на митинги людей, но я прекрасно понимал, что они тоскуют не по утраченной советской империи, а по дешёвой колбасе, потому что ни в день запрета КПСС, ни в день подписания Беловежских соглашений никто из них митинги не организовывал. Это были жертвы шоковой терапии. Неудачники новой жизни. Ассоциировать себя с ними было неприятно, но и считать новых хозяев жизни за приличных людей я, конечно, не мог. Третьего варианта для полноценной политической самоидентификации себя в обществе не существовало.

Моральное неудобство такого рода мешало мне жить, как я уже сказал, до октября 1993 года. До прочтения «Последнего солдата империи». Расставшись с романом к утру, я понял, что одновременно можно быть и современным человеком, и видеть тяжёлую изнанку причин распада государства и их последствий. Я понял, что можно не перенимать нравы странного времени и оставаться вполне адекватным ему человеком. Я понял, что всеобщий раздрай в умах не вечен и сохраниться морально не покалеченным человеком возможно, лишь отдавая себе полный, порой горький отчёт в произошедшем и происходящем. Я стал делиться своими наблюдениями с окружающими посредством печатной машинки, и это в конце концов привело меня в профессиональную

журналистику. В мою нынешнюю профессию, благодаря которой стала возможна эта книга.

Станислав Говорухин

Говорухин Станислав Сергеевич - режиссёр, депутат Госдумы. Родился 29 марта 1936 г. в городе Березники Пермской области. Открыл для кинематографа Владимира Высоцкого в фильме «Вертикаль». Снял 11 художественных, 4 публицистических фильма; написал 14 сценариев и 3 книги.

- В 2010 году исполнилось 20 лет выхода на экраны СССР вашего документального фильма «Так жить нельзя!», гражданский пафос и влияние на умы населения которого в то время переоценить сложно. Не так давно вы заметили, что этим фильмом вы «не помогли, а возможно, напротив - сыграли отрицательную роль» для будущего советского общества.

- Да, скорее всего... Когда фильм вышел, очереди желающих его увидеть стояли по всей стране, а после просмотра «Так жить нельзя!» люди жгли свои партбилеты - в буквальном смысле горели костры. Правда, как потом выяснилось, партбилеты жгли прежде всего проходимцы и хамелеоны, порядочные люди партбилеты оставляли на память - это же история! Кое-кто, конечно, сохраняя партбилет, хотел таким образом остаться коммунистом, но большинству сохранивших просто не нужна была показуха. Что ещё произошло после демонстрации «Так жить нельзя!»? Не успели мы оглянуться, а у власти оказались коммунисты, назвавшие себя демократами! В Москве - Ельцин, в республиках - секретари ЦК, в областях - секретари обкомов. Все, начиная, условно говоря, от Туркменбаши до последнего руководителя области - сплошь коммунисты! И правили все эти годы тоже коммунисты, только худшая их порода - хамелеоны. Вот вам и вся демократическая революция!

- То есть сами вы если и ожидали какой-то эффект от фильма, то явно не такой?

- Конечно! Я понимал, что всякое искусство бесполезно, как говорил Оскар Уайльд, но вот только не знал, что настолько.

...Разве я всей своей жизнью, всем своим творчеством и этим фильмом призывал к тому, чтобы напрочь забыть всё хорошее, что было в той жизни? Нет, конечно! Даже сегодня я иногда говорю: «В СССР было много хорошего!» На меня сразу накидываются: «Что там было хорошего?!» А хорошего действительно было много! Люди были другие... честнее, как ни странно, порядочнее, не было нынешнего цинизма и погони за деньгами. Искусство было другое, всё было другое... Улицы были другие: по ним тогда можно было ходить спокойно, а сегодня по ним разгуливают бандиты, а правопослушные граждане сидят за решётками и стальными дверями. В Советском Союзе было образование, наука, была школа. Сейчас ничего этого нет, а есть какое-то обезьянничание с Запада

- то ли с Америки, то ли с Англии, чёрт его знает откуда они это всё содрали! Эти ЕГЭ?! Про науку даже и говорить нечего! Раньше человек мечтал быть инженером, агрономом, биологом, преподавателем, учёным… а сейчас женщины хотят быть моделями, проститутками или дизайнерами, на худой конец, - что один чёрт, по-моему!..

- На самом деле оказалось, что жить можно было как раз тогда, а вот жить, как сейчас, - нельзя?

- Конечно… Вроде всё изменилось: облагообразились здания, стали чистыми туалеты - раньше же был ужас, в них нельзя было войти; построили хорошие дома, стали хорошо одеваться, питаться, но внутри-то - гниль… Ради всего этого разрушать Советский Союз не стоило. Я говорил это и Михаилу Сергеевичу. Правда, я уже начинаю сомневаться, что масштаб его личности был соразмерен со вставшими перед ним историческими задачами. Но при этом у меня есть надежда на то, что Горбачёв начал все эти перемены из добрых помыслов, просто ему не хватило ума их завершить - хоть это, конечно, не снимает с него вины, как с политика, а Ельцин - просто преступник, которому нет прощения. Ни ему, ни Гайдару!

Я считаю, что если бы к власти тогда пришёл не Горбачёв, а какой-нибудь Иванов, ему тоже пришлось бы начинать реформы - время подоспело, но, мне кажется, мы бы в любом случае обезьянничали, глядя на Запад, а не на Китай - любовь к Америке жила в нас неистребимо. Мы думали, что стоит нам поступить так, как поступают американцы или англичане, всё сразу наладится. Даже сегодня мы, к сожалению, на Китай до сих пор ни разу не оглянулись, ничего у него не переняли, хотя сегодня именно Китай, а не мы - вторая в мире сверхдержава после США! А мы в дерьме!

Санкт-Петербург, январь 2010 г.

Никита Михалков

Михалков Никита Сергеевич - российский и советский режиссёр, Председатель Союза кинематографистов России, народный артист РСФСР. Родился 21 октября 1945 г. в Москве. Лауреат премии «Оскар» за лучший иностранный фильм. Награждён орденами: «За заслуги перед Отечеством» II степени и «За заслуги перед Отечеством» III степени.

- Кодекс строителя коммунизма был не чужд духовным постулатам… Согласны?

- Да, это евангелие, только без Бога. А как же может быть евангелие без Бога?! Беззаветная любовь к вождю - это разве не религиозная любовь? А колхозы - это разве не соборность?..

- Что-то я не пойму, Никита Сергеевич… Так дала Советская власть что-то всё-таки взамен веры народу или не дала? Может, просто переформатировала веру?

- Не дала! Отобрала веру и заставила верить в другое! Но это «другое» - скоропортящийся продукт. Страна ведь до этого жила тысячу лет по своим законам. А потом только на страхе. Страх вынули, и всё рухнуло!

- Ну уж какой там страх был в восьмидесятые-семидесятые…

- Был. И сейчас синдром этого страха существует. И когда его вынули, выяснилось, что больше держаться-то не на чем, почвы нет! Идея - скоропортящийся продукт! Если спокойно и с пониманием, не загоняя никого палкой в церковь, не кликушествуя, дать развиваться приобщению народа к религии - это и будет тем рецептом любви к своей стране, о котором вы спрашивали.

- Ваш отец, Сергей Владимирович, автор также и обновлённых слов к гимну России. Скажите, почему большей частью именно из стана интеллигенции, которая слаще всех жила при СССР, посыпались проклятия в адрес, по существу, этого технического атрибута государственности, его автора и президента, инициировавшего восстановление мелодии советского гимна. Откуда столько эмоций?

- Эта «интеллигенция» как преступники, которые убирают свидетелей своих преступлений. (Смеется.) Они не хотят иметь ничего общего с той властью, которой они безостановочно лизали задницу! Порой будучи ещё и сами в той власти. Это рудимент абсолютной беспринципности. Унижались перед Советской властью и за это же её ненавидят! Это объяснимая вещь, практически на медицинском уровне. Толстой ведь писал, что мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и ненавидим их за то зло, которое им причинили.

- Ваш первый фильм сегодня смотрится вполне современно и динамично и с портретом Ленина, и с обаятельным анархистом, которого вы сыграли…

- Вы имеете в виду «Свой среди чужих»? Я не снял ни одного фильма про Советскую власть. «Свой среди чужих» снят про то время, когда была советская власть, поэтому там и присутствует портрет Ленина. Но разговор в этом фильме идёт о любви, о товарищах! Или - «Утомлённые солнцем»… Когда люди молоды, прекрасны, что - они бесконечно думают о том, что в этот момент делает товарищ Сталин или сколько людей сейчас в застенках сидят? И это естественно, так устроен человек!

Нижегородская область, июль 2009 г.

Армен Джигарханян

Джигарханян Армен Борисович - руководитель Московского драматического театра под руководством Армена Джигарханяна, народный артист СССР. Родился 3 октября 1935 г. в городе Эривань, Армения. Занесён в Книгу рекордов Гиннесса как самый снимаемый российский актёр - более 250 ролей в кино- и телефильмах.

- Откуда на нашу родину - Советский Союз - обрушилось столько всевозможных катаклизмов?

- Я думаю, мы с вами не разберёмся, откуда это всё взялось, кто это всё породил, но то, что в этих процессах было много надуманного и нечеловеческого - это очевидно. Раньше в поликлинику можно было идти без денег - и это действительно было социальным завоеванием, но мы тогда этого не знали, а узнали, когда в аптеке за одно лекарство приходится платить пять тысяч. Представьте себе, что я до сих пор не знаю, как себя надо вести в современном мире, что такое эта свобода. И, по-настоящему, этого никто не знает, включая даже Ксению Собчак. Моисей повёл людей в пустыню на 40 лет - то есть на два поколения, это значит, что родителей Собчак и её саму надо выкинуть, а уже в следующих поколениях, может, что-то и наладится.

Я говорил как-то, что лично Сталин и группа его сторонников разруливали все эти процессы, но они не смогли выработать противоядия национализму и шовинизму, как выяснилось. Хотя я-то люблю Сталина и считаю, что то, что он делал для решения национальных проблем, тогда было нужно. Но нужно было до конца довести это дело, нельзя на полдороге говорить: здесь ты мог раньше покакать, а теперь ты здесь будешь писать, а потом наоборот. Порой о том, что происходит у нас в стране, мы судим по Пушкину. Пушкин нам не указ. Русская поэзия - великая, но судить по ней об исторических процессах нельзя ни в коем случае. О них мы должны судить по тому, что, условно говоря, сделал человек с ружьём.

- Вы, да, пожалуй, Никита Сергеевич Михалков, может быть, ещё кое-кто... - единственные из ваших именитых коллег, кто за все годы перестройки-демократии с конца 1980-х по конец 1990-х не были замечены в депутатах.

- Меня тоже туда тащили, но я там не оказался не потому, что всё заранее понял... В этом смысле очень показательную историю рассказывал Андрей Александрович Гончаров. Фронт, война, тяжёлая ситуация - наши никак не могут взять высоту. Тогда командир кричит: «Коммунисты и комсомольцы, два шага вперёд! Надо взять эту высоту!» И так далее... Гончаров вспоминает: «Мои нервы не выдержали, я поддался на эту агитацию, но как только я собрался сделать два шага вперёд, стоявший со мной рядом человек, уловив моё движение, схватил меня за рукав и сквозь зубы процедил с кавказским акцентом: «Нэ торопысь, борысь!» Вот и я в перестройку, видимо, сумел внутренне сказать себе эту фразу...

- ...которую не сказал себе, к примеру, Басилашвили...

- ...дурачок!..

- ...тот же Захаров...

- ...тоже дурачок! Фраернулся, мог бы поломаться.

Москва, 20 мая 2010 г.

Иосиф Кобзон

Кобзон Иосиф Давыдович - советский и российский эстрадный певец, народный артист СССР. Родился в 1937 г. в Часов Яре, Украина. Депутат Государственной думы РФ. Член правления Федерации еврейских общин России. Почётный гражданин 28 городов.

- Иосиф Давыдович, в советское время для многих людей вы были символом той эпохи. Воспевали партию, комсомол…

- Партию нет. А комсомол я воспевал.

- Насколько это сочеталось с вашей внутренней убеждённостью?

- Убеждённость и по сей день присутствует. Я очень сожалею, что сегодня нет комсомола, нет пионерии. Поэтому, я считаю, что всё, что происходит негативное в обществе, - это результат отсутствия организующей силы, которой был комсомол. В школах сегодня уже не знают, кто такой Матросов, кто такая Зоя Космодемьянская. Не знают, когда началась и закончилась война. Кто такой Жуков. Даже уже не знают, кто такой Гагарин. А если была бы пионерия, то в школах бы об этом знали. Почему отказались от этого термина «пионеры»? Это же - «первый»! Ведь замечательно, когда школьники свою воспитательную работу проводят сами, как пионеры. А комсомол? Собственно, всё, что было в Советском Союзе - и победа в Великой Отечественной войне, и все ударные комсомольские стройки: ГЭСы, ГРЭСы, БАМы - всё это комсомол. Я с удовольствием вместе с Александрой Николаевной Пахмутовой, как мы говорили, отпел семь съездов комсомола. А съезд проводился раз в четыре года! То есть 28 лет мы пели песни для комсомола. И каждый съезд обязательно ознаменовывался новыми песнями. Никто не заставлял молодёжь учить эти песни, они сами их учили и пели. Это было золотое время! Сегодня, когда мне на концертах говорят: «Ну вот, вы ностальгируете по Советскому Союзу…», я отвечаю: «Я не по Советскому Союзу ностальгирую, а по тому замечательному богатому духовно времени, в которое я жил».

- А почему вы партию отделяете от комсомола? То есть КПСС не должно было быть, а комсомол с пионерией должны были остаться? Они ж неразделимы. Комсомол - это как бы… молодость партии.

- Не то что «молодость партии»… Партия, будем так говорить, это родители, а комсомол - это дети. Повзрослевшие или взрослые дети. В партии было много негативных моментов, которые можно осудить. Прежде всего мы должны осудить её за то, что она не спасла великую державу. Советский Союз. Я уже за это осуждаю партию. А комсомол не за что судить.

- А в чьём лице партию вы осуждаете?

- В чьём лице конкретно?..

- Да. Михаила Сергеевича можно назвать?

- Конечно, конечно…

- Бориса Николаевича?

- Да. Эдуарда Амвросиевича. Я могу сказать, что это те люди, которые не спасли Советский Союз. Не удержали его. И мне очень жаль. Потому что я знаю свою державу, в которой я родился. Я знал победителей - я дитя военного времени. Я гордился страной, в которой я жил. Я её всю объездил. Как пелось в песне: от Москвы до самых до окраин. Я был на Дальнем Востоке, на Сахалине, на Камчатке, в Приморье, на Севере, в Заполярье. Я был во всех Прибалтийских странах. Во всех Среднеазиатских странах. Поэтому мне очень жаль… Я люблю Россию. У нас очень великая страна - Россия, но была великая держава, которую и уважали, и боялись одновременно. И мы жили, так сказать, более-менее спокойно. Не было так много негатива в стране, как сейчас. Не было в эпидемическом состоянии наркомании. Не было… Россия, конечно, всегда пила, но такого алкоголизма массового - не было! Комсомол следил за этим. Не было проституции. Пожалуйста, девяностые годы - от Красной площади до Шереметьево по бокам стояли наши красавицы… Проститутки. Бесперспективная молодость. Разве могут потом эти девушки стать жёнами настоящими, матерями настоящими. Нет, конечно! Загубленное поколение. Загубленное будущее страны. А комсомол этого не допускал. Сейчас есть организации, но они…

- …автономны?

- Разбросаны по всем политическим квартирам. «Молодёжь ЛДПР», «Молодёжь КПРФ», «Молодёжь Единой России»… Этого нельзя! У нас одна Россия! И молодёжь одна. Поэтому должна быть одна организация для молодёжи, которая поможет молодёжи. Я не говорю, что нужно держать в шорах молодёжь. Молодёжь должна быть свободной, но ей нужно помогать обрести эту свободу.

- О том времени можно ещё чуть-чуть подробнее, Иосиф Давыдович? Вы были, скажем, знакомы с высшей элитой… с Леонидом Ильичом?

- Я был с ним знаком. С его семьёй. Но это было единожды, на даче.

- Выступали там?

- Нет, выступал я в Кремле.

- В гостях были?

- Да, я был в гостях у него. Меня Галина Леонидовна пригласила к ним на дачу. И я там единожды был. Больше я просто побоялся продолжать это общение. (Смеется.) А выступал на правительственных концертах…

- Почему побоялись?

- Ну, водитель, который отвозил меня домой - я жил на проспекте Мира, - видимо полковник, наверное, КГБ… он сказал: «Вы такой хороший певец, не надо больше приезжать на дачу». Я сказал: «Я понял». Был, конечно, знаком и с Никитой Сергеевичем. А с Никитой Сергеевичем… Вот мы с вами сейчас беседуем в «Пекине» (указывает в сторону окна с видом на Садовое кольцо), а здесь напротив был театр… сначала филармония, а

потом театр «Современник». Здесь на площади, его снесли. И я там встречался уже после с Никитой Сергеевичем после его снятия. И выступал в концертах перед ним. И выступал в концертах, когда прилетел Гагарин Юрий Алексеевич, на приёмах неоднократно. Дружил с нашими космонавтами и продолжаю дружить по сей день. Постоянно и с Валентиной Владимировной Терешковой, и с Алексеем Архиповичем Леоновым, и с Павлом Поповичем и так далее. Я с первым отрядом космонавтов очень дружен был. Ну и с министрами… Выступал на различных декадах искусства. На различных фестивалях… «Зори Кузбасса», «Крымские зори», или, скажем, «Огни магистрали» на БАМе в Тынде. Так что много было интересных мероприятий и встреч.

Москва, май 2009 г.

Александр Проханов

Проханов Александр Андреевич - главный редактор газеты «Завтра», член Союза писателей России. Родился 26 февраля 1938 г. в Тбилиси. Автор романа «Последний солдат империи». Получил Бунинскую премию за подшивку передовиц «Завтра».

- Недавно в Интернете было проведено голосование, примерный смысл которого сводился к следующему: кого бы вы среди людей не хотели бы видеть в качестве живущих. Если бы вас наделили возможностью назвать фамилию человека, после чего он бы умер, кого бы вы назвали?

- Наверное, ещё несколько лет назад я бы назвал фамилию Горбачёва. Недавно меня спросили: «За какой из своих поступков вам больше всего стыдно?». Я ответил, что реально стыжусь лишь одного своего поступка. Пару лет назад на каком-то фуршете мы встретились с Горбачёвым. Он с рюмкой в руке предложил мне чокнуться. Я же, вместо того чтобы ударить его - будучи заворожённым и загипнотизированным его глазами кобры, - чокнулся! Вместо того чтобы нанести ему пощёчину - выпил с ним! Потом думал: «Боже мой! Что же это такое? Что во мне сработало?»

- Кто из известных людей, по-вашему, умер достойно?

- Я думаю, что очень достойно умер Зиновьев. Мне кажется. Он умер в какой-то целостности. Он достиг мудрости. Я думаю: как умирал Солженицын? С каким ощущением он умирал? У меня есть подозрение, что его терзали сомнения. Он умер не в ощущении выполненного долга. Потому что он всё-таки был идеологически одиноким человеком. Он жил и умирал в России, которая состояла из нескольких идеологических объёмов. Но ни к одному из этих объёмов он не принадлежал. Он не был монархистом, клерикалом - традиционно «белым» человеком, его там не признавали. Он не был либералом. Его книга «Двести лет вместе» положила предел его популярности в либеральной еврейской среде. Он не был советским человеком. Он не был имперским человеком, поскольку он ратовал за распад империи. Все эти крупные блоки, в которых происходило борение идеологий, ценностей и в недрах которых решается

судьба будущего России, модели будущего России, - к ним Солженицын не принадлежал. Его всегда все использовали.

Например, его советский период - «Архипелага ГУЛАГ». Эта книга была мощным инструментом воздействия на СССР. Этим инструментом пользовались враги СССР. Что такое «холодная война»? Это тотальная, многоаспектная война. И в этом многоаспектном сражении Солженицын идеологическому и стратегическому противнику дал в руки мощное оружие. Гарпун, который вогнали в затылочную кость Советского Союза, назывался «Архипелаг ГУЛАГ». А гарпунёром было ЦРУ. Когда Солженицын вернулся в Россию, он с утра до ночи нас учил. Им пользовались, когда он добивал остатки всего советского, но когда он вышел с критикой либерализма, его отключили от экрана. Поэксплуатировали, а затем выкинули ужасным образом. Поэтому мне кажется, что он умирал невесело. Он умирал в томлении.

- А Ельцин?

- Я думаю, что Ельцин как раз принадлежит к тем людям, которых в глубине дантовской адской полости, внутри этих девяти кругов, грызёт совесть… Ельцин, как никто иной, подходит под библейский канон человека, предавшего благодетеля. То есть - худший из возможных грехов. Он предал партию, которая сделала его человеком. Он предал СССР, уничтожил, сгубил. Он открыл врата неприятелю. И он не мог этого не осознавать. Он и горькую пил у себя в Кремле во многом потому, что надо было заливать свою орущую совесть. Мне кажется, он умирал ужасно. Кстати, его и хоронили странно. Я смотрел его отпевание в храме Христа Спасителя, и мне чудилось, что там посреди храма стоит огромный кремовый торт. А внутри этого торта лежит Ельцин. А потом, когда настала пора погребения, его, видимо, с помощью каких-то лопат или лопаток вынимали… Так что Ельцин умирал скверно, недостойно.

- С Горбачёвым вы часто разговаривали?

- У нас были пересечения… В этот момент, когда мы с ним встретились, нам было о чём поговорить, кстати. Было какими эмоциями обменяться. Вместо этого, вдруг, ни с того ни с сего Горбачёв заговорил со мной о Полозкове. Полозков, мол, развалил коммунистическую партию… Будто мне это было важно! Я уж и забыл, кто такой Полозков. А он вдруг об этом заговорил как-то странно нервически, анормально и немного смешно. Может, этим своим состоянием он меня и загипнотизировал. Это был какой-то шок. Он говорит: «Александр, давай с тобой сложим наши усилия. Кончился период вражды. У нас общий враг. Страна должна быть объединена». Мы чокнулись, и он - о Полозкове… Почему Полозков, а не Гай Юлий Цезарь?

- Горбачёва, в отличие от Ельцина, чувство вины за развал страны не мучает?

- Думаю, что нет. Я его спрашивал, он отвечает: я всё делал правильно. А на вопрос, что в вашей жизни было главным, он ответил: быть причастным к событиям. Кстати говоря, он отвечал как художник, а

не как политик. Он говорил: «Я жил в интересное время».

- Так он же формировал это время…

- Он формировал, или время его формировало… Но так мыслит именно художник. Художник ценит не само качество времени, а свою возможность присутствовать в этом времени. Наблюдать собственную смерть или собственную казнь. Ощущение художника увидеть всё и ради этого идти на риски, на компромисс с собственной совестью. Это очень сильное качество, которое отличает художника от нехудожника. Вот Горбачёв предстал передо мной как такой Демиург, как художник… Что, конечно, не оправдывает его как суперпредателя, суперзлодея.

Москва, апрель 2009 г.

Юрий Поляков

Поляков Юрий Михайлович - главный редактор «Литературной газеты». Родился 12 ноября 1954 г. в Москве. Работал в Бауманском райкоме комсомола. Советский, российский писатель. Автор «ЧП районного масштаба» и сценария «Ворошиловского стрелка». Лауреат премии Правительства РФ в области печатных СМИ.

- Ваши первые книги и фильмы были исполнены справедливой критики, в том числе и в адрес комсомольской и партийной номенклатуры: «Апофегей», «ЧП районного масштаба»… Но не получилось ли в вашем случае так, как говорил Зиновьев: «Метили в коммунизм, а попали в Россию!»…

- Зиновьев, кстати, после этого заявления печатался только у нас - все либеральные издания от него отвернулись, как и от Солженицына после его «Двести лет вместе», и который тоже публиковался практически только у нас.

- Тем не менее нет ли у вас чувства вины, Юрий Михайлович, что в фундаменте Советского Союза была и ваша трещинка?

- Понимаете, это разные вещи: реальная политика и литература в её социально-политической ипостаси: у литературы, в принципе, много функций, которая и существует для того, чтобы нащупывать болезненные точки общества. Бомарше же, когда писал свои комедии, ведь не думал, что когда-нибудь в Вандее вырежут миллион человек в результате революции. Писатель, который некритично относится к социуму, в котором он живёт, - не писатель, он никому не нужен. Были неуставные отношения в армии - должен был я об этом написать?! Или я должен был, вернувшись из армии, рассказать, что там все по уставу живут?! Вы бы первый меня на смех подняли!

Я выполнял свой профессиональный долг, и я его выполнял честно! А вот политики, которые, опираясь на недовольство общества, которое во многом выражалось и через литературу и искусство, оказались непрофессионалами; они оказались людьми без проекта, без плана! Как

можно было начинать реформировать такую огромную страну, не зная, что надо для этого делать. Так что это вина политиков, а не писателей! Хотя, конечно, ощущение того, что я бросил свой камешек в ту лавину, которая снесла советскую цивилизацию, у меня на человеческом уровне есть.

- Как вы относитесь к личности Сталина?

- Вот говорят: почему Сталин, если он был такой государственник в душе и по сути, не закрыл коммунистический проект и формально не восстановил всё как при царе-батюшке? Но дело в том, что инерция раскрученного проекта и вовлечённых в него людей такова, что всё это сразу остановить невозможно. Всё делалось постепенно... Даже для введения такой мелочи, как погоны, нужно было дождаться 1943 года. Если бы Сталин ввёл погоны в 1933 году, то мог запросто лишиться своего поста, поскольку погоны были символом белогвардейщины. Сегодня мы имеем аналогичную ситуацию! В маховик, запущенный в 1990-е, вовлечена огромная масса людей, вложены колоссальные средства, в нём существуют огромные связи, в том числе и транснациональные... Китайцам, в отличие от нас, удалось достичь своего успеха прежде всего потому, что они реформировали экономику, а политику не трогали, либерализация экономики шла постепенно, а не методом шоковой терапии. У нас же всё сразу стало можно!

- Кто, на ваш взгляд, изначально персонально виноват в сегодняшних невзгодах России?

- У меня был такой случай. Во МХАТе уже лет восемь-девять идёт мой спектакль «Контрольный выстрел», который поставил Говорухин. А Говорухин, по крайней мере тогда, дружил с Горбачёвым, и пригласил его на мой спектакль. А спектакль был о том, что, собственно, произошло в стране за последние годы: постперестройка, но откуда растут ноги, было понятно. После спектакля Горбачёв встречался с актёрами и, как всегда, начал «токовать». И вот он что-то мелет-мелет, а я слушаю-слушаю его... а потом тихо спрашиваю Говорухина: «Станислав Сергеевич, как вы думаете, он вообще понимает, что он натворил?!» Ни хрена он не понимает! И это поразительно! Он до сих пор всё произошедшее со страной считает естественным процессом. Горбачёв до сих пор не понимает, что он натворил!!!

Москва, декабрь 2009 г.

Необходимое послесловие

Ну вот, читатель, ты перелистнул последнюю страницу. Уверен, что ты нашёл в книге что-то для себя новое или, по крайней мере, услышал созвучные твоему мнению размышления. Конечно, «Гибель СССР» - не чтиво для отдыха. Хочется верить, что твои интеллектуальные усилия не прошли для тебя даром, а наделили более широким, историческим взглядом на совсем недалёкое прошлое нашей великой страны. Надеюсь, я, как автор, был исторически бескомпромиссен в своих суждениях, а это,

признаюсь, далось нелегко. Дело в том, что среди героев книги много симпатичных мне людей, жизненный путь которых вызывает у меня уважение и преклонение. Но целью данной книги было показать поведение этих людей в конкретный исторический отрезок времени и по сугубо конкретному поводу. (Правда, и повод был планетарного масштаба.) Поэтому критерием добра и зла в суждениях автора о героях книги, как, наверное, заметил читатель, были не привычные морально-нравственные категории, а только один аспект - как вёл себя человек в период развала Советского Союза. Если он был распоследний негодяй, но спасал родину, автор делал его героем, а если не противился гибели СССР, но был при этом душкой, автор выносил ему обвинительный приговор.

Я уже как-то говорил, что сознательно оставил за рамками книги последствия развала Советского Союза. Продиктовано это было тем, что журналистское расследование такого рода - предмет ещё одной книги, но, главное, я хотел преподнести тему развала СССР в чистом виде. Без примеси выводов и эмоций. Но в заключение не могу не сказать вот что. Сегодня, 20 лет спустя после развала Советского Союза, там и здесь слышны обвинения, что Владимир Путин с помощью ФСБ вернул страну в застой. Оставим в стороне тот факт, что согласно социологическим опросам большинство населения России считает так называемый застой лучшим на своём веку периодом жизни, и обратимся к сути претензии. Застой советские люди критиковали прежде всего за отсутствие гласности, дефицит товаров народного потребления, «железный занавес» и практически никогда - за отсутствие диверсификации в экономике.

В сегодняшней России, где есть свободный доступ в Интернет, проблема гласности априори стоять не может, её иногда подменяют проблемой выборочности информации на федеральных телеканалах, но это, конечно, типичный подлог понятий. На дефицит товаров и ограничение передвижения по миру сегодня жаловаться не может даже распоследний оппозиционер. Остаётся экономика. Но скажите, положа руку на сердце, какой процент российского населения силён в макроэкономических познаниях настолько, чтобы аргументированно упрекать власть в пренебрежении к модернизации и инновациям? Правильно, минимальный. Несколько процентов от силы. И дело не в непросвещённости народа, а в том, что узкоспецифичные знания - удел специалистов.

Так в чём же дело? Почему идея о том, что Владимир Путин и ФСБ тянут страну в застой, так навязчиво вдалбливается в общественное сознание?

Всё очень просто. Сознательно утверждающие это люди умышленно или нет подталкивают Россию к участи Советского Союза. К развалу. Вспомните, году в 1989-м СССР казался нерушимой социалистической крепостью, кидать камни в которую считалось неопасным делом и хорошим тоном. А первые камни, как помнит читатель из главы «КГБ против развала СССР», полетели в органы госбезопасности. Хорошенькая

аналогия? Если думаете, что автор сгущает краски, вернитесь в конец 1990-х, когда Россия стояла на пороге гибели даже по утверждению самих «демократов». И выбор Ельцина, который, вероятно, является единственным хорошим его поступком по отношению к родине, на Владимира Путина пал не зря. Главной миссией президента Путина стало удержание России от развала. Он с помощью ФСБ её выполнил, и в этом их историческое величие.

Удивительно, но в своих худших проявлениях история, видимо, всё-таки идёт по спирали. Главными аргументами тех, кто не видит в развале России ничего страшного, является утверждение, что частями Россия (вернее её лоскутьями) интегрируется в Европу быстрее. Ну, во-первых, интегрироваться вовсе не означает в одно прекрасное утро вкусить все прелести жизни золотого миллиарда. Пример Восточной Германии, которую Западная Германия не в состоянии поднять до своего уровня уже 22 года, очень красноречив. В Европе есть Португалия и Греция, уровнем жизни в которых жителей Москвы, например, не потрясёшь. Я уж не говорю о Болгарии и странах Прибалтики.

Ну а во-вторых, пускай нетерпеливые сторонники интеграции частей России в западное сообщество не заблуждаются. Если богатая углеводородами Россия Европе хоть как-то интересна, то Московское царство или Санкт-Петербургская республика ей даром не нужны. Своих нахлебников хватает. А обещания - они и есть обещания. Читатель узнал из книги, что США тоже обещали Горбачёву не расширять НАТО, а чем это кончилось?

Поэтому эта книга не только сугубо исторический документ, а предостережение всем, кто считает, что целостность России - непоколебимая данность. Увы, стремительный развал нашей несчастной родины - Советского Союза - говорит, что ничего вечного в мире нет. А первыми гибнут страны, в которых склонность к авантюризму и безответственность элит прикрываются популистской демагогией. Помни об этом, читатель.

Лев Сирин, Санкт-Петербург, май 2011 г.

P.S. Автор будет признателен за любые мнения о книге «Гибель СССР», которые читатели могут выслать ему на адрес его электронной почты: DeathSSSR@yandex.ru.